

СОДЕРЖАНИЕ

**МЕДИЦИНА. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И МЕТОДЫ**

Юмашев А.В., Носкова Д.А., Городилова Л.М., Коваль М.В., Хулхачиева Э.А. Связь и взаимовлияние патологических состояний микробных комплексов ротовой полости и кишечника развитии заболеваний различного генеза..... 4

Какаулина Л.Н., Верзакова И.В., Руденко В.А. Раннее прогнозирование тяжести острого панкреатита с помощью использования классификации Balthazar в ультразвуковой диагностике 9

Почекаева Е.И. Региональные проблемы здоровья современной студенческой молодежи высшего учебного заведения 13

**ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ И СПОРТИВНАЯ МЕДИЦИНА,
ЛЕЧЕБНАЯ ФИЗКУЛЬТУРА, КУРОРТОЛОГИЯ И
ФИЗИОТЕРАПИЯ**

Махмудова А.И. Эффективность упражнений на растягивание при спастических формах церебрального паралича у подростков 18

ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Жевнеров В.А., Жевнеров Е.В., Шкундин С.З., Шовкопляс Ю.А. Возможность коррекции функционального состояния организма человека воздействием информационных образов медикаментов..... 22

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ

Габриянич М.А. Свойства темперамента мужчин, страдающих онкологическими заболеваниями 25

Ключник Ю.С. Идентичность и психологическое благополучие как предикторы развития ролевого конфликта женщин..... 29

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Беломыцев А.А. Развитие представлений о явлении деструкции в западноевропейской философской мысли докантовского периода 35

Кушнарёв А.П. Диагностика адаптации представителей асоциальной молодежи в условиях специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа..... 42

Роткин Н.В. Социально-психологическое измерение современной стратегической нестабильности..... 47

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76398 от 26.07.2019
Индекс Роспечати 65002
ISSN 2686-9365

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель: ООО «Городец»
Издается с 2010 года
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: fapz@list.ru Сайт: www.medsociofil.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аверин Юрий Петрович, д-р соц. наук, проф., зав. кафедрой Методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Агапов Платон Валериевич**, канд. соц. наук, доц., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Алиханов Халлар Абумуслимович**, д-р мед. наук проф., Государственная классическая академия им. Маймонида; **Алиханов Багдади Абумуслимович**, д-р мед. наук, проф., Центральная клиническая больница РАН; **Апресян Рубен Грантович**, д-р филос. наук проф., заведующий сектором этики Института философии РАН; **Багдасарян Надежда Гегамовна**, д-р филос. наук, проф., МГТУ им. Н.Э. Баумана; **Барков Сергей Александрович**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Бородин Владимир Иванович**, д-р мед. наук, проф. Терапевтический центр «Гранат»; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, д-р соц. наук, проф., Липецкий государственный педагогический университет; **Волков Юрий Григорьевич**, д-р филос. наук, проф., научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Грабельных Татьяна Ивановна**, д-р соц. наук, проф., Иркутский государственный университет; **Григорьев Святослав Иванович**, д-р соц. наук, проф., чл.-корр. РАН; **Дмитриев Анатолий Васильевич**, д-р филос. наук проф., чл.-корр. РАН, гл. научный сотрудник Института социологии РАН; **Добренков Владимир Иванович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Добренкова Екатерина Владимировна**, д-р соц. наук, проф., первый проректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Желтов Виктор Васильевич**, д-р филос. наук, проф., декан факультета политических наук и социологии Кемеровского государственного университета; **Каплунова Вера Юрьевна**, д-р мед. наук, гл. научный сотрудник НИО «Метаболический синдром» НИЦ Московского мед. исследовательского ун-та им. И.М. Сеченова; **Кравченко Альберт Иванович**, д-р филос. наук, проф., ведущий научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Маршак Аркадий Львович**, д-р филос. наук, проф., главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Найдыш Вячеслав Михайлович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой онтологии и теории познания Российского ун-та дружбы народов; **Овсянников Сергей Александрович**, д-р мед. наук, проф., МГМСУ; **Осипов Александр Михайлович**, д-р соц. наук, проф., главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Петров Владимир Николаевич**, д-р соц. наук, проф., заведующий кафедрой социологии Кубанского государственного университета; **Петрова Татьяна Эдуардовна**, д-р соц. наук проф., кафедры социологии молодежи и молодежной политики Санкт-Петербургского государственного университета; **Пятницкий Николай Юрьевич**, канд. мед. наук, доц., в.н.с. ФГБНУ НЦПЗ; **Рахманов Азат Борисович**, д-р филос. наук, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; **Садохин Александр Петрович**, д-р культурологии, проф., почетный работник высшего профессионального образования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Самыгин Сергей Иванович**, д-р соц. наук, проф., Южный федеральный университет; **Силласте Галина Георгиевна**, д-р филос. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, завкафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ; **Сычев Андрей Анатольевич**, д-р филос. наук, проф., кафедра философии Мордовского государственного ун-та им. Н.П. Огарева; **Терентьев Александр Александрович**, д-р мед. наук, проф., чл.-корр. РАН, проф. кафедры биохимии Российского исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем (КазИИТУ), д-р тех. наук, проф., академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, проф., факультет философии, Университет Черногории; **Кропп Фредрик**, декан факультета Монтеррейского университета (США); **Митрович Любша**, проф., факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия); **Титаренко Лариса Григорьевна**, д-р соц. наук, проф., факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь); **Фарро Антимо Луиджи**, проф., д-р социологии, Римский университет Салпинца; **Чжан Шууха**, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая; **Соколова Галина Николаевна**, д-р филос. наук, проф., заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Институт социологии НАН Беларуси (Минск); **Ари Палениус**, проф., директор кампуса г. Керва Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия); **Джун Гуан**, проф., зам. декана Института экономики и бизнесадминистрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Лай Дешенг**, проф., декан Института экономики и бизнесадминистрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Марек Вочозка**, проф., ректор Технико-экономического института в Чешских Будейовицах (Чехия); **Христиан Мундт**, доктор медицины, директор психиатрической клиники (г. Гейдельберг, Германия); **Она Гражина Ракаускиене**, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Главный редактор:
Бородин В.И., д-р мед. наук, проф.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 30.07.2021 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

<i>Дианина Е.В.</i> Профориентационная деятельность в условиях пандемии COVID-2019	53
<i>Вань Тао, Лю Ци.</i> Сравнительное исследование общественно-культурного пространства метрополитена (на примере Москвы и Уханя).....	57
<i>Коржев С.В.</i> К вопросу определения структуры социальных отношений в воинских коллективах	63
<i>Лагутин Ю.В.</i> Области исследования сциентизации: осмысление социокультурных трансформаций и изменений, связанных с ускорением инновационных процессов	66
<i>Османова А.С., Даниялова П.М., Магомедов А.М., Алиева К.Г., Мейланова Ф.В.</i> Социальный статус ВИЧ-инфицированных в Республике Дагестан	70
<i>Пронин В.Ю.</i> Теоретико-методологические основы понятия трудовой мотивации в социологии	75
<i>Лю Ци.</i> Трудности дерусификации в Таджикистане в сфере образования	83
<i>Сулейманов Р.А.</i> Социально-экономическое положение Чеченской Республики: основные проблемы, зоны развития, направления инвестиций	89

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

<i>Азерный К.Т.</i> Статика и процессуальность у Д. Джойса в контексте томизма	93
<i>Огородников А.Ю.</i> Прагматические и аксиологические основания деятельности ученого в мировом научном пространстве	100
<i>Салих Аумед Хама Али Салих.</i> Сверххраб как феномен современного общества	107
<i>Семикова М.А.</i> Причины выгорания сотрудников благотворительных фондов	112
<i>Сизинцев П.В.</i> Представления о личности в творчестве русского мыслителя М.М. Ковалевского	116
<i>Фисенко Г.Ф.</i> В.И. Несмелов как философ и богослов	121
<i>Хвастунова Ю.В.</i> Постчеловечество на примере популяризации гибридов в искусстве трансгуманизма	126
<i>Мейлибаева А.А.</i> Аксиологическая концепция культуры как доминанта в формировании культурной жизни общества	134
<i>Потапова Л.В.</i> К вопросу о природе познания: на примере права	139

TABLE OF CONTENTS

THE MEDICINE. APPLIED RESEARCH AND METHODS

<i>Yumashev A.V., Noskova D.A., Gorodilova L.M., Koval M.V., Khulkhachieva E.A.</i> The relationship and mutual influence of pathological conditions of microbial complexes of the oral cavity and intestines in the development of diseases of various genesis.....	4
<i>Kakaulina L.N., Verzakova I.V., Rudenko V.A.</i> Early prediction of the severity of acute pancreatitis using Balthazar grade in ultrasound	9
<i>Pochukaeva E.I.</i> Regional health problems of modern students of higher education institutions.....	13

RECOVERY AND SPORTS MEDICINE, THERAPEUTIC EXERCISE, RESORTOLOGY AND PHYSIOTHERAPY

<i>Makhmudova A.I.</i> The effectiveness of stretching exercises for spastic forms of cerebral palsy in adolescents.....	18
--	----

TREATMENT AND PREVENTIVE TECHNOLOGIES

<i>Zhevnerov V.A., Zhevnerov E.V., Shkundin S.Z., Shovkoplyas Yu.A.</i> Possibility of correction of the functional state of the human body by exposure to information images of medicines.....	22
---	----

MODERN APPROACHES IN HEALTH PROTECTION

<i>Gabriyanchik M.A.</i> Properties of the temperament of men suffering from cancer	25
<i>Kluchnik Ju.S.</i> Identity and psychological well-being as predictors of the development of women's role conflict.....	29

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Belomytsev A.A.</i> The development of ideas about the phenomenon of destruction in Western European philosophical thought in the pre-Kantian period.....	35
<i>Kushnarev A.P.</i> Diagnostics of adaptation of representatives of asocial youth in the conditions of a special educational institution of a closed type.....	42
<i>Rotkin N.V.</i> Socio-psychological dimension of contemporary strategic instability.....	47

SOCIOLOGY: THEORY, BASIC CONCEPTS, MODERN APPROACHES

<i>Dianina E.V.</i> Proforientation in the COVID-2019 pandemic....	53
<i>Wan Tao, Liu Qi.</i> A comparative study of the socio-cultural space of the metro (using Moscow and Wuhan as examples)	57
<i>Korzhev S.V.</i> On the question of determining the structure of social relations in military collectives	63
<i>Lagutin Yu.V.</i> Consideration of research areas of scientization: understanding of socio-cultural transformations and consideration of changes associated with the acceleration of innovation processes	66
<i>Osmanova A.S., Daniyalova P.M., Magomedov A.M., Alieva K.G., Meilanova F.V.</i> Social status of HIV-infected people in the republic of Dagestan.....	70
<i>Pronin V. Yu.</i> Theoretical and methodological foundations of the concept of labor motivation in sociology	75
<i>Liu Qi.</i> Difficulties of de-rusification in Tajikistan in the field of education	83
<i>Suleymanov R.A.</i> The socio-economic situation of the Chechen Republic: the main problems, development zones, investment directions	89

PHILOSOPHICAL OUTLOOK

<i>Azernyi K.T.</i> Statics and continuity in the works of James Joyce within the context of Thomism	93
<i>Ogorodnikov A. Yu.</i> Pragmatic and axiological foundations of the scientist's activity in the world scientific space	100
<i>Salih Aumed Hamah-Ali Salih.</i> Super slave as a phenomenon of modern society	107
<i>Semikova M.A.</i> The reasons of burnout of employees in charity foundations	112
<i>Sizintsev P.V.</i> Ideas about the Individual in the Work of the Russian thinker M.M. Kovalevsky	116
<i>Fisenko G.F. V.I.</i> Nesmelov as a philosopher and the theologian	121
<i>Khvastunova Ju.V.</i> Posthumanism as a case of the popularization of hybrids in the transhumanism art	126
<i>Meylibaeva A.A.</i> Axiological concept of culture as a dominant in the formation of the cultural life of society....	134
<i>Potapova L.V.</i> On the question of the nature of knowledge: the example of law.....	139

Связь и взаимовлияние патологических состояний микробных комплексов ротовой полости и кишечника развитии заболеваний различного генеза

Юмашев Алексей Валерьевич,

профессор, кафедра ортопедической стоматологии, Первый московский государственный медицинский Университет им. И.М Сеченова
E-mail: umalex99@gmail.com

Носкова Дарья Александровна,

студент, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова
E-mail: alexas.shirokov@yandex.ru

Городилова Лилия Маратовна,

студент, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова
E-mail: mustafi.liliya@yandex.ru

Коваль Мария Васильевна,

студент, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова
E-mail: marfantyk@gmail.com

Хулхачиева Эмма Александровна,

студент, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова
E-mail: emmakhulkhachieva@mail.ru

В статье рассмотрена связь и взаимовлияние патологических состояний микробных комплексов ротовой полости и кишечника в развитии заболеваний различного генеза. Авторы приходят к следующему выводу: микробиом человека относится ко всей среде обитания, включая микроорганизмы, их геномы и условия окружающей среды микробной экосистемы. Когда равновесие между микробной средой обитания и хозяином нарушается, возникает дисбактериоз. Микробиом полости рта (ОМВ) вовлечен в проявление многих внутри- и внеротовых заболеваний. В последнее время были предприняты активные усилия по исследованию и уточнению взаимосвязи между микробными комплексами, особенно комплексами ротовой полости и кишечника, и аутоиммунитетом. Соответственно, исследование возможной роли ОМВ в патогенезе заболеваний различного генеза чрезвычайно актуально.

Ключевые слова: микробные комплексы, ротовая полость кишечника, заболевания различного генеза.

Термин «микробная флора» относится ко всей совокупности микроорганизмов, существующих в организме человека, включая условно-патогенные, комменсальные и патогенные. Этот термин относится к популяции микроорганизмов, населяющих поверхность кожи и ее более глубокие слои, слюну, слизистую оболочку рта, верхние дыхательные пути, желудочно-кишечный и урогенитальный тракты и конъюнктиву. Каждое из этих участков человеческого тела имеет свою уникальную микробную флору. Для описания всей среды обитания микроорганизмов теле человека используется термин «микробиом» [3].

Концепция микробиома человека была впервые предложена Ледербергом и МакКреем, которые подчеркивали важность колонизации человеческого тела микроорганизмами-хозяевами как у здоровых, так и у больных людей.

Микробная флора человека, в основном кишечника, по оценкам, состоит из 10–100 триллионов комменсальных микроорганизмов [2]. Только 10% клеток, обнаруженных в организме человека, действительно имеют человеческое происхождение. Подавляющее большинство, 90%, является частью микробной флоры. Полость рта представляет собой идеальную среду для колонизации и роста микроорганизмов, поскольку она обеспечивает тепло, влажность и избыток питательных веществ. Это приводит к появлению сотен микроорганизмов, включая вирусы, простейшие, грибы, археи и бактерии, которые составляют микробиом полости рта (ОМВ), что делает его вторым по сложности микробиомом в организме человека.

В полости рта можно обнаружить около 1000 видов бактерий. В частности, с помощью методов, не зависящих от культивирования, было идентифицировано более 750 видов бактерий, и более 250 видов были выделены, культивированы и охарактеризованы [2]. Слюна, слизистая оболочка полости рта и поверхность зубов – три доступных места в ротовой полости человека для микробной колонизации, ведущей к образованию соответствующих микробиомов.

Состав микробиома демонстрирует значительное разнообразие в разных участках полости рта, даже в соседних, таких как поддесневой и наддесневой зубной налет, а также на дорсальной или боковой поверхности языка. Эти различия, вероятно, связаны с различными внутренними и внеш-

ними факторами, такими как стресс и курение соответственно.

Комменсальные микроорганизмы играют центральную роль в поддержании гомеостаза и здоровья, не только блокируя микробную активность, но и укрепляя иммунную систему человека с помощью специализированных механизмов[4]. Динамическое взаимодействие между этими микроорганизмами и организмом является как непрерывным, так и сбалансированным, и оно осуществляется до такой степени, что человеческий организм-хозяин может быть описан как суперорганизм [4].

Однако влияние различных внешних факторов может привести к дисбалансу микробов в организме или внутри него, вызывая так называемый дисбактериоз. В этой ситуации вовлеченные микробные колонии теряют способность контролировать развитие популяции друг друга, что приводит к постепенному преобладанию одной или нескольких колоний и может оказывать патогенное воздействие на организм[8]. Кроме того, в то время как в нормальных условиях равновесия организм (с помощью механизмов утилизации отходов) может легко избавляться от биопродуктов микробных колоний, в случаях несбалансированного резкого развития микробных колоний большое количество микробных отходов может отрицательно повлиять на человеческий организм, которые больше не могут легко утилизировать эти продукты.

Некоторые факторы, влияющие на дисбактериоз, включают генотип хозяина, западный образ жизни, питание, нерациональное использование антибиотиков в медицине и сельском хозяйстве, чрезмерное соблюдение правил гигиены и злоупотребление алкоголем. Это явление чаще всего имеет место в кишечном микробиоме, а также в ОМВ, вызывая ряд заболеваний [1].

Дисбиотический сдвиг микроорганизмов-хозяев в полости рта вызывает такие заболевания, как кариес зубов, заболевания пародонта, воспаление вокруг имплантата и неприятный запах изо рта [3]. Существуют бактерии полости рта, которые предотвращают патогенную колонизацию (устойчивость к колонизации). Когда эти бактерии уничтожены, существует серьезная возможность спровоцировать оппортунистические инфекции. Кроме того, широко распространено мнение, что антагонистическое или синергетическое взаимодействие между комменсально-патогенными микроорганизмами с большей вероятностью может быть связано с возникновением заболеваний полости рта, чем наличие или отсутствие определенных видов бактерий. Кроме того, в отличие от других инфекций, индукция многих заболеваний полости рта требует комбинированного воздействия более чем одного этиологического агента инфекции.

Помимо вышеупомянутых заболеваний полости рта, исследования изучали связь между ОМВ и системными и отдаленными заболеваниями (таблица 1).

Окружающая среда, включая микроорганизмы, играет важную роль в формировании иммунной системы и объясняет неоднородность иммунологических параметров у людей. Тот факт, что аутоиммунные заболевания поражают одних людей, а других нет, частично основан на этой неоднородности.

Таблица 1. Связь между ОМВ и системными заболеваниями

Вид заболевания	Связь заболевания с ОМВ
Сердечно-сосудистые заболевания	Инфекционный эндокардит могут вызывать бактерии полости рта. Бактерии полости рта <i>Streptococcus Veillonella</i> , <i>Porphyromonas gingivalis</i> , <i>Fusobacterium nucleatum</i> , <i>Tannerella forsythia</i> и <i>Neisseria</i> обнаруживаются в атеросклеротических бляшках. Уровни <i>Fusobacterium</i> , <i>Streptococcus</i> и <i>Neisseria</i> были связаны с уровнями холестерина в плазме.
Церебральные или печеночные абсцессы	Оральные бактерии, обнаруженные в абсцессах
Муковисцидоз	Бактерии полости рта, обнаруженные в легких пациентов с муковисцидозом
Ожирение	Более высокие уровни <i>Selenomonas noxia</i> обнаружены в слюне женщин с избыточным весом

Передовые технологии анализа микробиома в последние годы способствовали установлению его причастности к нескольким аутоиммунным заболеваниям, таким как ревматоидный артрит, диабет 1 типа, анкилозирующий спондилоартрит, псориаз, псориатический артрит, системная красная волчанка, синдром Шегрена, болезнь Крона, болезнь Бехчета, рассеянный склероз, гигантоклеточный артериит и болезнь Kawasaki[4].

Микробиом влияет на иммунную систему хозяина посредством различных факторов и механизмов. Конститутивная стимуляция Toll-подобных рецепторов, устойчивость патогенов, молекулярная мимикрия и распространение эпитопа – вот некоторые из этих механизмов. Микробы также могут вызывать эпигенетические изменения, которые включают изменения функции генов за счет метилирования ДНК, посттрансляционной модификации гистонов и изменения микро-РНК без изменения последовательности ДНК [8].

Рассмотрим особенности связи микробиома полости рта и ряда аутоиммунных заболеваний.

Синдром Шегрена – системное хроническое аутоиммунное заболевание, характеризующееся гиперактивностью β-клеток, которая продуцирует антитела, и лимфоцитарной инфильтрацией экзокринных желез, приводящей к их разрушению. В первую очередь поражаются слюнные и слезные железы, что приводит к значительному снижению выработки слюны и слезы, что впоследствии приводит к двум наиболее заметным симптомам заболевания: сухости ротовой полости и глазной сухости соответственно. Заболевание встреча-

ется у женщин в девять раз чаще, чем у мужчин, с пиком в возрастной группе менопаузы.

Гипосаливация у пациентов с синдромом Шегнера была связана с увеличением количества видов рода *Candida*, а также увеличением количества *S. mutans*, видов рода *Lactobacillus* (например, *Lactobacillus* spp на поверхности зубов). Это имеет клиническое значение, поскольку пониженная секреция слюны, которая выполняет защитную функцию для полости рта, предрасполагает к развитию кариеса (обычно шейного) и кандидоза полости рта[10].

Ревматоидный артрит – это хроническое системное заболевание синовиальных суставов, которое характеризуется воспалением, гиперплазией и выработкой аутоантител, таких как ревматоидный фактор и антитела к антициртруллиновому белку (АСРА). Результатом является симметричный полиартрит, характеризующийся разрушением хряща и кости. Как генетические факторы, так и факторы окружающей среды вносят свой вклад в патогенез заболевания. Однако низкая частота конкордантности РА у монозиготных близнецов указывает на то, что факторы окружающей среды играют основную роль в развитии болезни [8].

В литературе имеются убедительные доказательства того, что пародонтальные патогены *Aggregatibacter actinomycetemcomitans* и *Porphyromonas gingivalis* рассматриваются как триггеры аутоиммунитета для ревматоидного артрита. Более того, пародонт может быть основным источником заболевания. Было обнаружено, что пациенты с ревматоидным артритом имеют более высокую распространенность пародонтита по сравнению со здоровыми людьми.

Следовательно, хотя на основании результатов исследований, роль пародонтальных патогенов в развитии ревматоидного артрита, и пародонтологическое лечение в качестве адъюванта лекарственной терапии рассмотренного заболевания значительно снижает тяжесть его клинического течения [4].

Болезнь Бехчета – это редкий мультисистемный аутовоспалительный иммуноопосредованный васкулит, который вызывает воспаление кровеносных сосудов. Вовлечение бактерий в патологический процесс уже давно считается потенциальным этиологическим фактором данного заболевания. Исследования микробиоты кожи и конъюнктивы, а также сыворотки пациентов с болезнью Бехчета ранее указывали на связь между некоторыми видами стрептококков и данного заболевания. В более поздних исследованиях прием антибиотиков или пробиотиков влиял либо на продолжительность и степень, либо на частоту клинических признаков и симптомов болезни[5].

При исследовании микробиоты слюны и слизистой оболочки полости рта из участков язвы пациентов с болезнью Бехчета специалисты сравнили результаты с таковыми для неязвенных участков у того же пациента, здоровых людей из контроль-

ной группы и с рецидивирующими афтозными язвами. Они обнаружили повышенную колонизацию неязвенных участков BS с помощью *Rothia dentocariosa*, высокую колонизацию участков язвы *Streptococcus salivarius* по сравнению с рецидивирующими афтозными язвами и высокую колонизацию участков язвы бактериями *Streptococcus sanguinis*. Микробиота слюны пациентов с активной фазой болезни была значительно колонизирована *Bifidobacterium dentium*, *Prevotella histicola* и *Candida albicans*.

Болезнь Крона – это тип хронического воспалительного заболевания кишечника, наряду с язвенным колитом. Он характеризуется развитием гранулематозного воспаления в любой части желудочно-кишечного тракта от рта до заднего прохода, но чаще всего поражает толстую кишку и подвздошную кишку. Болезнь Крона может возникнуть в любом возрасте, с пиком заболеваемости во втором и третьем десятилетии жизни.

Клинические признаки и симптомы зависят от расположения поражений. Оральные проявления проявляются в процентном отношении от 0,5% до 50% и чаще встречаются у мужчин и детей. Проявления могут включать широкий спектр поражений, от неспецифических мелких афтозных поражений, мукогингивита и углового хейлита до более специфических поражений, таких как брусчатка слизистой оболочки, метки на слизистой оболочке, вегетативный пиостоматит, глубокие линейные язвы и отек лица (в основном губ)? известный как орофациальный гранулематоз [11].

Специалистами были исследованы соскобы с языка и щек у пациентов с болезнью Крона и язвенным колитом и у здоровых людей. На основании анализа были представлены доказательства, позволяющие предположить, что ОМВ уникально изменен у пациентов с Болезнью Крона. В основном было продемонстрировано заметное снижение общего микробного разнообразия.

Системная красная волчанка – мультисистемное аутоиммунное заболевание, поражающее ряд органов, включая кожу, суставы, кровеносные сосуды, сердце, почки и легкие. СКВ в первую очередь поражает женщин репродуктивного возраста. Он отличается большим разнообразием и неоднородностью с точки зрения клинической картины и течения.

Было проведено множество исследований для изучения роли кишечного микробиома в патогенезе системной красной волчанки. Авторы оценили влияние лечения пародонтита на активность заболевания СКВ у пациентов, получающих иммуносупрессивную терапию, и обнаружили, что контроль воспаления пародонта, по-видимому, сокращает иммуносупрессивный терапевтический ответ, подтверждая гипотезу о том, что пародонтит может быть важным фактором в поддержании воспалительного ответа при системной красной волчанке [6].

Частое вовлечение слизистой оболочки полости рта в клиническое проявление заболевания

указывает на то, что местная микросреда полости рта может участвовать в развитии системной красной волчанки или вносить вклад в системное поражение за счет производства циркулирующих аутоантител против микробных продуктов полости рта.

Псориаз – это хроническое иммуноопосредованное воспалительное мультисистемное заболевание, которое встречается примерно у 2% населения. Заболевание может появиться в любом возрасте, но обычно наблюдается пик заболеваемости между 15 и 30 годами и более поздний пик заболеваемости между 50 и 60 годами. Псориаз преимущественно поражает кожу и суставы. В его этиопатогенез вовлечены несколько факторов риска, включая инфекции. Патобиологические механизмы, лежащие в основе псориаза, до конца не изучены, но движущим фактором, по-видимому, является интенсивная активация иммунной системы[7].

За последние несколько лет несколько поперечных исследований показали в 1,55 раза более высокий риск пародонтита и повышенную активность заболеваний пародонта у пациентов с псориазом по сравнению со здоровыми людьми из контрольной группы. В этом направлении в некоторых редких случаях сообщается о регрессе кожных псориатических поражений после лечения пародонта. Контроль за пародонтальной инфекцией может стать эффективным терапевтическим вмешательством при псориазе в будущем.

Борьба с дисбактериозом, который, по-видимому, способствует возникновению и прогрессированию аутоиммунитета, включает альтернативные терапевтические подходы к этим заболеваниям. Диетические вмешательства, функциональные продукты питания (например, пробиотики и пребиотики) и трансплантация фекальной микробиоты – вот некоторые из усилий, которые были предприняты для исправления сбоя нарушенного микробиома у пациентов. Учитывая решающую роль ОМВ в ряде аутоиммунных заболеваний, изменение его состава в пользу полезных бактерий может предложить очень многообещающее будущее в отношении конкретных нозологических образований. Будущие исследования потребуются для изучения взаимосвязи между оральными млекопитающими и комменсалами с целью разработки новых иммуномодулирующих факторов для подавления аутоиммунитета.

Литература

1. Чаплин А.В., Ребриков Д.В., Болдырева М.Н. Микробиом человека // Вестник РГМУ. 2017. № 2.
2. Намазова-Баранова Л. С., Маянский Николай Андреевич Иммунопатология и микробы // ПФ. 2011. № 3.

3. Губская Е.Ю., Кузьминец А.А., Гуцул В.Н., Лавренчук И.О. Кишечный микробиом и остеоартрит // Гастроэнтерология. 2019. № 2.
4. Галушко Е.А., Гордеев А.В. Микробиом кишечника и спондилоартриты // ЭиКГ. 2019. № 2 (162).
5. E. Alpsy New evidence-based treatment approach in Behçet's disease Patholog Res Int, 2012 (2012), pp. 1–11
6. E.A.F. De Araújo Navas, E.I. Sato, D.F.A. Pereira, G.N. Back-Brito, J.A. Ishikawa, A.O.C. Jorge, *et al.* Oral microbial colonization in patients with systemic lupus erythematosus: correlation with treatment and disease activity Lupus, 21 (9) (2012), pp. 969–977
7. A. Blauvelt, A. Chiricozzi The immunologic role of IL-17 in psoriasis and psoriatic arthritis pathogenesis Clin Rev Allerg Immunol, 55 (3) (2018), pp. 379–390
8. Q. Dong, J.M. Brulc, A. Iovieno, B. Bates, A. Garoutte, D. Miller, *et al.* Diversity of bacteria at healthy human conjunctiva Invest Ophthalmol Vis Sci, 52 (8) (2011), pp. 5408–5413
9. K. Erciyas, U. Sezer, K. Ustun, Y. Pehlivan, B. Kisacik, S.Z. Senyurt, *et al.* Effects of periodontal therapy on disease activity and systemic inflammation in rheumatoid arthritis patients Oral Dis, 19 (4) (2013), pp. 394–400
10. C.P. Mavragani, H.M. Moutsopoulos Sjogren syndrome CMAJ, 186 (15) (2014), pp. E579–E586
11. B. Veauthier, J.R. Hornecker Crohn's disease: diagnosis and management Am Fam Physician, 98 (11) (2018), pp. 661–669

THE RELATIONSHIP AND MUTUAL INFLUENCE OF PATHOLOGICAL CONDITIONS OF MICROBIAL COMPLEXES OF THE ORAL CAVITY AND INTESTINES IN THE DEVELOPMENT OF DISEASES OF VARIOUS GENESIS

Yumashev A.V., Noskova D.A., Gorodilova L.M., Koval M.V., Khulkhachieva E.A. M. Sechenov First Moscow State Medical University; Pavlov First Saint Petersburg State Medical University

The article considers the relationship and mutual influence of pathological conditions of microbial complexes of the oral cavity and intestines in the development of diseases of various genesis. The authors come to the following conclusion: the human microbiome refers to the entire habitat, including microorganisms, their genomes and environmental conditions of the microbial ecosystem. When the balance between the microbial environment and the host is disturbed, dysbiosis occurs. The oral microbiome (OMB) is involved in the manifestation of many intra – and extra-oral diseases. Recently, active efforts have been made to study and clarify the relationship between microbial complexes, especially those of the oral cavity and intestines, and autoimmunity. Accordingly, the study of the possible role of OMB in the pathogenesis of diseases of various origins is extremely relevant.

Keywords: microbial complexes, oral cavity, intestines, diseases of various genesis.

References

1. Chaplin A.V., Rebrikov D.V., Boldyreva M.N. Human microbiome // Bulletin of the RSMU. 2017. No. 2.
2. Namazova-Baranova L. S., Mayansky Nikolay Andreevich Immunopathology and microbes // PF. 2011. No. 3.

3. Gubskaya E. Yu., Kuzminets A.A., V Gutsul. N., Lavrenchuk I.O. Intestinal microbiome and osteoarthritis // Gastroenterology. 2019. No. 2.
4. Galushko E. A., Gordeev A.V. Intestinal microbiome and spondyloarthritis // EiKG. 2019. № 2 (162).
5. E. Alpsy A new evidence – based approach to treatment in the pathology of Behcet's disease Res Int, 2012 (2012), pp. 1–11.
6. E. F. De Araujo Navas, E.I. Sato, D. F.A. Pereira, G.N. Back-Brito, J.A. Ishikawa, A. O.K. Jorge, etc. Microbial colonization of the oral cavity in patients with systemic lupus erythematosus: correlation with treatment and disease activity Lupus, 21 (9) (2012), pp. 969–977
7. And. Blauvelt, A. Kirikiti Immunological role of IL-17 in the pathogenesis of psoriasis and psoriatic arthritis Clin Rev Allerg Immunol, 55 (3) (2018), p. 379–390
8. Q. Dong, J.M. Brulk, A. Iovieno, B. Bates, A. Garut, D. Miller, etc. Bacterial diversity in the conjunctiva of a healthy person Invest Ophthalmol Vis Sci, 52 (8) (2011), pp. 5408–5413
9. K. Erciyas, U. Sezer, K. Ustun, Yu. Pehlivan, B. Kisachik, S.Z. Senyurt, etc. Effect of periodontal therapy on disease activity and systemic inflammation in patients with rheumatoid arthritis Oral Dis, 19 (4) (2013), pp. 394–400
10. S. P. Mavragani, H.M. Mutsopoulos Sjogren syndrome CMAJ, 186 (15) (2014), pp. E579-E586
11. B. Veotje, J.R. Hornecker's Crohn's disease: diagnosis and treatment by a family doctor, 98 (11) (2018), pp. 661–669

Раннее прогнозирование тяжести острого панкреатита с помощью использования классификации Balthazar в ультразвуковой диагностике

Какаулина Люция Назифовна,

к.м.н., доцент кафедры лучевой диагностики и лучевой терапии, ядерной медицины и радиотерапии с курсами, ИДПО ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет»

Верзакова Ирина Викторовна,

д.м.н., профессор, зав. кафедрой лучевой диагностики и лучевой терапии, ядерной медицины и радиотерапии с курсами, ИДПО ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет»

Руденко Валерия Александровна,

аспирант кафедры лучевой диагностики и лучевой терапии, ядерной медицины и радиотерапии с курсами, ИДПО ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет»
E-mail: ler.varlamowa@yandex.ru

Цель исследования: оценить возможность использования компьютерно-томографической классификации острого панкреатита E.J. Balthazar в ультразвуковой диагностике для раннего прогнозирования тяжести острого панкреатита. Материал и методы: проведен анализ результатов ультразвукового исследования органов брюшной полости 418 пациентов с предварительным диагнозом острый панкреатит в условиях приемно-диагностического отделения в раннюю фазу заболевания с использованием классификации Balthazar. Ультразвуковую картину сопоставляли с клинико-лабораторными данными и результатами других методов лучевой диагностики. Тяжесть острого панкреатита определяли с помощью оценки органных и полиорганных дисфункций по шкале SOFA и клинических шкал BISAP и Ranson. Результаты: Клинико-лабораторные признаки органной недостаточности, свидетельствующие о средне-тяжелой и тяжелой степенях заболевания чаще встречались в группе пациентов со стадией острого панкреатита по данным ультразвукового исследования D и E. Осложнения наблюдались достоверно чаще у пациентов с выявленной степенью по шкале Balthazar D и E. Необходимость в оперативном лечении острого панкреатита возникла у пациентов с выявленной при поступлении степенью по шкале Balthazar D и E. Заключение: использование классификации острого панкреатита E.J. Balthazar в ультразвуковой диагностике позволяет в раннюю фазу заболевания выявлять пациентов со средне-тяжелой и тяжелой степенями заболевания и, соответственно, с высоким риском развития осложнений и смертности.

Ключевые слова: острый панкреатит, панкреонекроз, ультразвуковое исследование, шкала E.J. Balthazar.

Введение. Острый панкреатит (ОП) является ургентной высоколетальной патологией, требующей своевременной достоверной диагностики. Наиболее важно раннее выявление тяжелого панкреатита, результаты лечения которого во многом обусловлены сроком его начала [1,2]. Основанием для установления диагноза острого панкреатита, кроме общепринятых трех критериев (боли в животе, трехкратное повышение амилазы или липазы, результаты визуализации органов брюшной полости), является оценка органной дисфункции, а также распространенности некроза поджелудочной железы и наличие инфицирования [3]. Компьютерная томография (КТ) с контрастированием считается методом выбора для диагностики, стадирования и выявления осложнений ОП [4,5,6]. КТ в условиях приемно-диагностического отделения проводится по показаниям: неясность диагноза и дифференциальная диагностика с другими заболеваниями, необходимость подтверждения тяжести по выявленным клиническим прогностическим признакам тяжелого острого панкреатита. Оптимальными сроками выполнения КТ для диагностики панкреонекроза являются 4–14 сутки заболевания [3]. Классификация Balthazar при КТ позволяет определять индекс тяжести ОП в зависимости от степени воспаления, наличия жидкостных скоплений, распространенности некроза. Согласно данным авторов, течение острого панкреатита у пациентов, относящихся к классу А или В по компьютерно-томографической классификации Balthazar, легкое и без осложнений; большинство осложнений наблюдается у пациентов, относящихся к классам D или E [7,8,9,10]. В рекомендациях Всемирного общества по неотложной хирургии от 2019 года (WSES) выполнение УЗИ предусмотрено при ОП при поступлении и экстренной госпитализации [3]. Мы предлагаем использовать высокоинформативную классификацию Balthazar при ультразвуковом исследовании для стадирования острого панкреатита в условиях приемно-диагностического отделения (ПДО).

Цель исследования: оценить возможность применения компьютерно-томографической классификации острого панкреатита по E.J. Balthazar при ультразвуковом исследовании с целью выявления пациентов со средне-тяжелой и тяжелой степенями заболевания и, соответственно, с высоким риском развития осложнений и смертности.

Материал и методы: на базе ГБУЗ РБ БСМП г. Уфы в период 2018–2020 гг. проведен анализ результатов ультразвукового исследования органов брюшной полости 418 пациентов с предвари-

тельным диагнозом острый панкреатит в условиях приемно-диагностического отделения в раннюю фазу заболевания. Для интерпретации полученных ультразвуковых данных использовали классификацию Balthazar [8]. Согласно УЗИ критериям, соответствующим таковым по КТ-шкале Balthazar, стадия А панкреатита была у 10 (7,6%), стадия В – 45 (34,4%), стадия С – 17 (13%), стадия Д – 24 (18,3%) и стадия Е установлена у 17 (13%) пациентов. Выявленные УЗ-признаки ОП: увеличение размеров поджелудочной железы, изменение структуры паренхимы железы, жидкостные скопления в сальниковой сумке, инфильтрат в сальниковой сумке, жидкостные скопления в забрюшинном пространстве. Кроме того, были выявлены УЗ признаки, свидетельствующие о развитии системных проявлений при тяжелой степени заболевания: спленомегалия, выпот в брюшной и плевральных полостях и синдром кишечной недостаточности различной степени. Ультразвуковую картину сопоставляли с клинико-лабораторными данными и результатами других методов лучевой диагностики. При определении степени тяжести использовали международную клиническую классификацию Атланты с выделением ранней и поздней фаз [11, 12, 13]. Тяжесть ОП классифицируется как легкая, умеренная и тяжелая. Легкая форма протекает без дисфункции органа, местных или системных осложнений и обычно разрешается в первую неделю. При умеренной форме отмечается преходящая (<48 часов) дисфункция органа, местные осложнения или обострение сопутствующих заболеваний. Тяжелая форма характеризуется продолжительной (> 48 часов) органной дисфункцией. Для выявления наличия органной дисфункции использовали клинические шкалы: SOFA, BISAP, Ranson. По клинико-лабораторным данным больные распределились следующим образом: легкая степень была определена у 287 пациентов (68,7%), средняя тяжесть течения острого панкреатита наблюдалась у 108 пациентов (25,8%), у 25 человек была зафиксирована тяжелая степень течения заболевания (6%). Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программ “Microsoft-Excel” для Windows, IBM SPSS Statistics 19.

Результаты исследования и их обсуждение. В хирургическом отделении с диагнозом острый панкреатит находились на лечении 350 пациентов и в отделении гнойной хирургии 68 человек. Был произведен отбор 133 пациентов с клиническими признаками среднего и тяжелого острого панкреатита для дальнейшего анализа данных инструментальных и лабораторных методов исследования. Значение по шкале SOFA ≥ 2 балла свидетельствует о наличии транзиторной органной недостаточности и позволяет относить к средней степени тяжести заболевания. При значениях шкалы BISAP ≥ 2 и/или шкалы Ranson ≥ 3 можно судить о наличии персистирующей органной недостаточности и, соответственно, о тяжелой степени тяжести заболевания [14,15]. Признаки транзиторной органной недостаточности чаще наблюдались у пациентов, у которых ультразвуковая картина соответствовала стадиям Balthazar D и E, признаки персистирующей органной недостаточности наблюдались у пациентов, относящихся к стадиям Balthazar D и E по ультразвуковым данным, а также при отсутствии визуализации поджелудочной железы в условиях ПДО (табл. 1).

Таблица 1. Сопоставление ультразвуковых и клинических данных

Стадия Balthazar по УЗ данным		Значение шкалы SOFA ≥ 2 балла	Значение шкалы BISAP ≥ 2 балла и/или шкалы Ranson ≥ 3
A	n-129	n-1 0,8%	n-0
B	n-169	n-13 7,7%	n-0
C	n-24	n-6 25%	n-0
D	n-36	n-35 97,2%	n-16 44,4%
E	n-21	n-19 90,5%	n-16 76,2%
Отсутствие визуализации	n-39	n-24 61,5%	n-3 7,7%

Развитие осложнений у пациентов в соответствии со стадией Balthazar по данным ультразвукового исследования

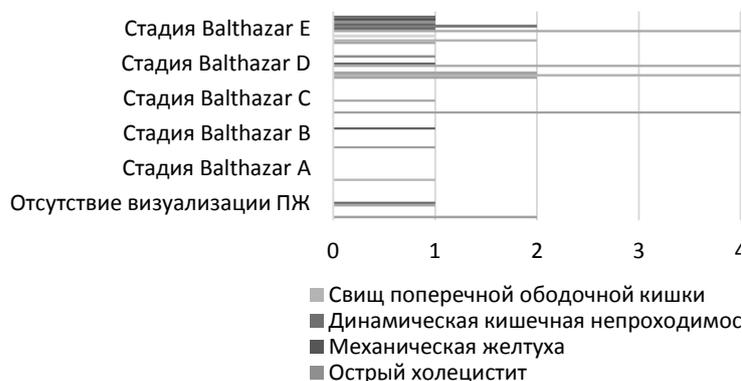

Рис. 1. Развитие осложнений у пациентов в соответствии со стадией ОП по шкале Balthazar по данным ультразвукового исследования

Пациенты с ОП В и С стадиях в подавляющем большинстве имели по клиническим данным легкую степень тяжести заболевания и были пролечены консервативными методами. Как видно из рис. 1, осложнения наблюдались достоверно чаще у пациентов с выявленной степенью по шкале Balthazar D и E. Данные осложнения были дополнительно подтверждены при КТ, интервенционном чрескожном или лапароскопическом дренировании. Подавляющее большинство пациентов (74,4%) получало консервативное лечение в соответствии с национальными клиническими рекомендациями. Лапароскопические операции (оментобурсоскопия, санация, дренирование сальниковой сумки) выполнены 36 больным (8,6%), длительная регионарная внутриартериальная инфузия в чревный ствол ингибиторов протеаз, антибиотиков – 28 (6,7%), минидоступные или открытые хирургические вмешательства – 43 пациентам (10,3%). Повторные оперативные вмешательства по поводу гнойных осложнений во вторую фазу заболевания произведены 15 больным (3,6%). Необходимость в оперативном лечении острого панкреатита возникала у пациентов с выявленной при поступлении степенью по шкале Balthazar D и E (табл. 2). Летальный исход наблюдался у 1 пациента со степенью по шкале Balthazar E.

Таблица 2. Количество оперативных вмешательств у пациентов с различными стадиями ОП по шкале Balthazar по данным ультразвукового исследования

Table 3. Number of surgical interventions in patients with different stages of acute pancreatitis Balthazar by ultrasound data Стадия Balthazar по УЗ данным	Лапароскопические операции	Инфузия в чревный ствол ингибиторов протеаз	Минидоступные или открытые хирургические вмешательства
В	-	-	-
С	-	-	-
Д	n-18	n-5	n-10
Е	n-18	n-23	n-33

Выводы.

1. УЗИ позволяет выявить признаки ОП, установленные при КТ по шкале E.J. Balthazar.
2. Течение острого панкреатита у пациентов, относящихся к классу А или В по классификации Balthazar, легкое и без осложнений; большинство осложнений наблюдается у пациентов, относящихся к классам D или E
3. Использование шкалы Balthazar в ультразвуковой диагностике в совокупности с данными клиничко-лабораторных шкал позволяет прогнозировать степень тяжести острого панкреатита и выявлять группу пациентов с высоким риском развития осложнений.

Литература

1. Costa D.W., Staged multidisciplinary step-up management for necrotizing pancreatitis, Br J Surg 2014; 101: 65–79.
2. Freeman M.L.A step-up approach or open necrosectomy for necrotizing pancreatitis. Pancreas 2012;41:1176–94.
3. Leppäniemi A., Tolonen M., Tarasconi A., Segovia-Lohse H. 2019 WSES guidelines for the management of severe acute pancreatitis. World Journal of Emergency Surgery. 2019;14:27.
4. McPherson SJ, O'Reilly DA, Sinclair MT, Smith N. The use of imaging in acute pancreatitis in United Kingdom hospitals: findings from a national quality of care study. Br J Radiol. 2017;90(1080):20170224. <https://doi.org/10.1259/bjr.20170224>.
5. СБОРНИК МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ «ШКОЛЫ ХИРУРГИИ РОХ» Острый панкреатит. 2015 г. 94 с.
6. Bollen T.L. Acute Pancreatitis. Radiol Clin North Am. 2012;50:429–45.
7. Balthazar EJ. Acute pancreatitis: assessment of severity with clinical and CT evaluation. Radiology. 2002;223:603–13.
8. Balthazar EJ, Robinson DL, Megibow AJ, Ranson JH. Acute pancreatitis: value of CT in establishing prognosis. Radiology. 1990;174:331–6.
9. Shyu JY, Sainani NI, Sahni VA, Chick JF, Chauhan NR, Conwell DL, et al. Necrotizing pancreatitis: diagnosis, imaging, and intervention. Radiographics. 2014;34:1218–39. <https://doi.org/10.1148/rg.345130012>.
10. Hye Won Choi, Hyun Jeong Park, Seo-Youn Choi, Jae Hyuk Do, Na Young Yoon, Ara Ko, Eun Sun Lee, Choi HW, Park HJ. Early Prediction of the Severity of Acute Pancreatitis Using Radiologic and Clinical Scoring Systems With Classification Tree Analysis”, Gastrointestinal Imaging. 2018;1035–1043
11. Peter A Banks, Thomas L Bollen, Christos Dervenis, Hein G Gooszen, Colin D Johnson, Michael G Sarr, Gregory G Tsiotos, Santhi Swaroop Vege. Classification of Acute Pancreatitis-2012: revision of the Atlanta Classification and definitions by international consensus, Acute Pancreatitis Classification Working Group. Gut 2013;62:102–11
12. Ruedi F. Thoeni M.D. The Revised Atlanta Classification of Acute Pancreatitis: Its Importance for the Radiologist and Its Effect on Treatment, Radiology: Number 3-March 2012; 262
13. Bollen T.L. Imaging of Acute Pancreatitis: update of the revised Atlanta Classification. Radiol Clin North Am 2012;50:429–45.
14. Crockett S. D. et al. American Gastroenterological Association Institute guideline on initial management of acute pancreatitis //Gastroenterology. – 2018. – Т. 154. – № . 4. – С. 1096–1101.
15. Bollen T.L. et al. A comparative evaluation of radiologic and clinical scoring systems in the early

prediction of severity of acute pancreatitis, *Am J Gastroenterol* 2012;107:612–9.

EARLY PREDICTION OF THE SEVERITY OF ACUTE PANCREATITIS USING BALTHAZAR GRADE IN ULTRASOUND

Kakaulina L.N., Verzakova I.V., Rudenko V.A.
IDPO of the Bashkir State Medical University

Objective. The objective of our study was to disclosed efficiency of use Balthazar grade in ultrasound for the early prediction of the severity of acute pancreatitis (AP). **Materials and methods.** For this retrospective study, 418 patients with AP who underwent ultrasound on admission to the hospital. Ultrasound data was analyzed with use of Balthazar grade. Ultrasound data compared to clinical laboratory and other radiologic data. The Ranson criteria and the bedside index for severity in acute pancreatitis (BISAP) has become the preferred assessment to determine of the severity of acute pancreatitis. **Results.** Analysis of patient group with by stage D and E Balthazar grade showed a trend of a higher frequency of complications and surgical treatment. Stage D and E Balthazar grade reveled in patient group with clinical date severe acute pancreatitis. **Conclusion.** Use Balthazar grade in ultrasound may be useful for the early prediction of the severity of AP and identification of high-risk patients who require close surveillance.

Keywords: acute pancreatitis, pancreatic necrosis, ultrasound, E.J. Balthazar scale.

References

1. Costa D. U., Step-by-step multidisciplinary step-by-step treatment of necrotic pancreatitis, *Br J Surg* 2014; 101: 65–79.
2. Freeman M.L. Step-by-step approach or open necrosectomy for necrotic pancreatitis. *Pancreas* 2012; 41:1176–94.
3. Leppaniemi A., Tolonen M., Tarasconi A., Segovia-Loze H. 2019 WSES Guidelines for the treatment of severe acute pancreatitis. *World Journal of Emergency Surgery*. 2019;14:27.
4. MacPherson S. J., O'Reilly D. A., Sinclair M.T., Smith N. The use of visualization in acute pancreatitis in hospitals in the United Kingdom: the results of the national study of the quality of

5. medical care. *Br J Radiol*. 2017;90(1080):20170224. <https://doi.org/10.1259/bjr.20170224>.
6. COLLECTION OF METHODOLOGICAL MATERIALS OF THE "SCHOOL OF SURGERY OF THE ROH" Acute pancreatitis. 2015. 94 p.
7. Bollen T.L. Acute pancreatitis. *Radiol Clin North Am*. 2012; 50:429–45.
8. Balthazar E.J. Acute pancreatitis: severity assessment with clinical and computer evaluation. *Radiology*. 2002;223:603–13.
9. Balthazar E. J., Robinson D.L., Megibow A.J., Ranson J.H. Acute pancreatitis: the value of CT in establishing the prognosis. *Radiology*. 1990; 174:331–6.
10. Shyu Ji, Sainani NI, Sahni WA, Chick JF, Chauhan N.R., Conwell D.L., etc. Necrotic pancreatitis: diagnosis, visualization and intervention. *Radiography*. 2014;34:1218–39. <https://doi.org/10.1148/rg.345130012>.
11. Hye Won Choi, Hyun Jung Park1 So-yoon Choi, Jae Hyuk Do, Na Yong Yoon, Ara Ko1 Eun Sun Le1 Choi HW, Park HJ. Early prediction of the severity of Acute Pancreatitis Using Radiological and Clinical assessment Systems With the analysis of the classification tree", *Visualization of the Gastrointestinal tract*. 2018;1035–1043
12. Peter A Banks, Thomas L. Bollen, Christos Derwenis, Hein G Goosen, Colin D. Johnson, Michael G Sarr, Gregory G Tsiotos, Santi Swarup Vege. Classification of acute pancreatitis-2012: revision of the classification and definitions of Atlanta by international consensus, Working Group on the Classification of Acute Pancreatitis. *Gut* 2013;62:102–11
13. Rudy F. Toeni M.D. Revised classification of acute pancreatitis in Atlanta: its importance for the radiologist and its impact on treatment, *Radiology*: No. 3-March 2012; 262
14. Bollen T.L. Visualization of acute pancreatitis: updating the revised classification of Atlanta. *Radiol Clin North Am* 2012;50:429–45.
15. Crockett S. D. et al. Guidelines of the Institute of the American Gastroenterological Association for the initial treatment of acute pancreatitis //Gastroenterology. – 2018. – Vol. 154. – No. 4. – pp. 1096–1101.
16. Bollen T. L. et al. Comparative evaluation of radiological and clinical assessment systems in the early prediction of the severity of acute pancreatitis, *Am J Gastroenterol* 2012;107:612–9.

Региональные проблемы здоровья современной студенческой молодежи высшего учебного заведения

Почекаева Елена Ивановна,

доктор медицинских наук, профессор, Южный федеральный университет (ЮФУ), Академия физической культуры и спорта
E-mail: pochekaeva@list.ru

В Российской Федерации обучается более 4 млн студентов в высших учебных заведениях [2]. Проблема состояния здоровья студенческой молодежи России имеет общегосударственный характер, так как студенты высших учебных заведений являются потенциалом трудовых ресурсов страны [1]. В последние годы в нашей стране недостаточно уделялось времени профилактике заболеваний и популяризации здорового образа жизни, что явилось одной из причин ухудшения состояния здоровья студентов.

В статье представлена информация из литературных источников о заболеваемости населения региона Ростовской области, о причинах ухудшения здоровья студенческой молодежи высших учебных заведений, об основных группах факторов, влияющих на уровень здоровья населения на территории Ростовской области и в Российской Федерации. Показаны результаты исследований по определению приоритетных факторов риска для здоровья студентов на примере студентов Южного федерального университета. Исследования проводились в течение 7 лет. Представлены данные о режиме труда и отдыха студентов, о качестве питания студентов, о параметрах функционального состояния организма студентов, об их самочувствии. Сделан вывод, что одними из приоритетных факторов, влияющих на здоровье студентов Ростовской области, являются факторы окружающей среды.

Ключевые слова: регион, здоровье, студенты, факторы окружающей среды, гипокинезия, здоровый образ жизни.

Введение

По определению Всемирной организации здравоохранения здоровье включает в себя следующие компоненты: физическое, психическое и социальное благополучие. По мнению экспертов, основными факторами, влияющими на здоровье, являются факторы условий и образа жизни людей. Удельный вес их составляет 40–50%, факторы окружающей среды составляют – 25–30%, генетические факторы – 15–20%, медицинского обеспечения – 5–10% [12].

На территории России первое место занимают социально-экономические факторы. Они оказывают влияние на состояние здоровья 97,1 млн человек (66,2%) в 54 субъектах Российской Федерации.

На втором месте находятся санитарно-гигиенические факторы. Им подвержено в 52 субъектах страны ориентировочно население – 93,4 млн человек, что составляет 63,7%.

Только на третьем месте находятся факторы образа жизни. Им подвержено в 41 субъекте России ориентировочно население – 74,3 млн человек, что составляет 50,6% [5].

В стране более 700 образовательных организаций высшего образования ежегодно принимают более 1,1 млн студентов [2].

Состояние здоровья значительной части молодежи перед поступлением в высшие учебные заведения является неудовлетворительным. Так, у 15–16% детей регистрируются заболевания, требующие диспансерного наблюдения и корректирующего лечения; у 1,4% детей в возрасте до 14 лет и у 3,3% подростков по итогам профилактических медицинских осмотров зарегистрировано ожирение [13].

При поступлении абитуриентов в университет меняется не только место проживания, как правило, но и распорядок дня, режима, качество питания и другое. Все это неблагоприятно сказывается на здоровье студентов.

В высших учебных заведениях в связи с реформой образования, балльно-рейтинговой системой, новыми методиками обучения и корректировкой образовательных программ, поменялась структура учебной нагрузки студентов: помимо аудиторной нагрузки большое внимание уделяется самостоятельной работе студентов, работе с ПЭВМ.

Интенсивная умственная работа студентов, гипокинезия приводят к возникновению заболеваний многих органов и систем. Страдают сердечно-сосудистая, нервная системы. Способствуют воз-

никновению заболеваний опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта, психических заболеваний [14].

В городах Ростове-на-Дону и Таганроге, в которых находятся структурные подразделения ЮФУ, высокая антропогенная нагрузка обусловлена в основном транспортом и промышленностью. Автомобильный транспорт – основной источник загрязнения окружающей среды городов.

Автомобильный транспорт загрязняет атмосферный воздух более 150 химическими веществами, промышленные предприятия более 130 химическими веществами, большая часть которых не имеет гигиенических нормативов [8].

При осуществлении контроля за окружающей средой обычно определяются параметры определенных веществ, которые часто не являются объективным показателем опасности вредных факторов, так как не учитываются многочисленные вредные вещества, которые образуются при трансформации исходных веществ при воздействии различных факторов. Например, из бензола могут образовываться более 20 продуктов трансформации [9].

Важными факторами формирования здоровья и качества жизни населения являются питьевая вода и загрязнение почв [11], физические факторы: шум, электромагнитные поля [3–6].

При оценке воздействия факторов окружающей среды не учитывается сочетанное воздействие физических и химических факторов. Исследования ученых показывают, что шумовая нагрузка способна повышать причинно-следственную зависимость факторов риска и отдельных заболеваний детей [11]. Также на уровень заболеваемости населения оказывают влияние и социальные факторы. Так, экономическая дифференциация студентов приводит к существенной разнице в образе жизни.

Часть студентов не могут себе позволить приобрести продукты питания высокого качества, обеспечить полноценный отдых во время каникул. Такие студенты вынуждены подрабатывать в свободное от учебы время, что влечет за собой нарушение режима труда и отдыха, снижение успеваемости, ухудшение состояния здоровья.

Цель работы: выявление приоритетных факторов, влияющих на состояние здоровья студенческой молодежи Южного федерального университета (ЮФУ).

Материал и методы Исследования выполнялись в 2013–2020 годах в Южном федеральном университете, подразделения которого расположены в городах Ростове-на-Дону и Таганроге.

К исследованиям привлекалось 253 студента 1 и 4 курсов. Средний возраст студентов – 20,5 года. Для оценки физического состояния организма студентов использовались результаты функциональных проб (Руффье, Штанге, Генчи, пробы на состояние нервной системы, адаптационный потенциал по формуле Р.М. Баевского).

Осуществлялось анкетирование студентов. В анкете были представлены вопросы, касающиеся об-

раза жизни: режима труда и отдыха, вредных привычек, питания, занятий физической культурой и спортом, условий проживания и учебы; самочувствия, хронических заболеваний, семейного положения.

К статистической обработке было принято 248 анкет, в 5 анкетах информация была не полной или отсутствовала. При обработке данных был принят доверительный интервал $\pm 5\%$.

Результаты исследования

Питание является одним из важнейших факторов, определяющих здоровье населения [12, 15].

Результаты анкетирования показали, что структура и качество питания за последние 3 года улучшилось по сравнению с 2015–2017 годами [16]:

- уменьшилось количество студентов, которые принимают пищу 1 раз в сутки с 5,2% до 4,4%; 2 раза в сутки с 33,7% до 29,5%;
- увеличилось количество студентов, которые соблюдают интервал между приемами пищи 3,5–4 часа с 58,7% до 68,2%;
- суточный рацион питания стал более разнообразным: студенты чаще стали говядину (увеличение с 72,8% до 79,3%); рыбу (с 77,6% до 81,4%); мясо птицы (с 87,7% до 93,4%).

Однако в рационах 56,2% (ранее было 54,1%) широко представлены консервированная продукция и макаронные изделия. Рационы питания бедны овощами и фруктами: в рационах питания они присутствуют у 67,8% студентов. Часть студентов считает, что не обязательно потреблять овощи и фрукты, их можно заменить синтетическими витаминами, которые, как они считают, способны полностью заменять витамины из натуральных продуктов. Более 12% студентов потребляют таблетированные витамины. В основном этим увлекаются студенты первых курсов.

При расчете индекса массы тела было выявлено, что нормальная масса тела встречалась у более, чем 80% студентов, избыточная масса тела – у 6,7% студентов.

Опрос показал, что часть студентов (21,5%) вынуждены совмещать учебу в университете с работой, в основном в вечернее и в ночное время; более 11,7% потребляют спиртные напитки не реже 1 раза в неделю; курят 13,4% студентов. Утреннюю зарядку делают только 11,2% студентов, спортом занимаются 36,7% студентов.

Свое самочувствие оценили, как хорошее – 67,8%, плохое – менее 1%. Здоровыми себя считают более 79% студентов. Остальные студенты указывали на заболевания: опорно-двигательного аппарата (18,3%), желудочно-кишечного тракта (17,4%), органов дыхания (15,7%), сердечно-сосудистой системы (8,8%).

Для оценки функционального состояния организма студентов выполнялись пробы: Руффье, Штанге, Генчи, рассчитывался адаптационный потенциал, пробы на состояние нервной системы.

Неудовлетворительные результаты проб были выявлены по состоянию:

- кислородтранспортной системы – у 5,4%;
- сердечно-сосудистой системы – 7,3%;
- нервной системы – 1,2%.

Удовлетворительная адаптация была зарегистрирована у 75,7%; напряжение механизмов адаптации – у 20,4%; неудовлетворительная адаптация – у 3,9%; срыв адаптации не регистрировался.

В Ростовской области в течение 10 лет регистрируется рост неинфекционной заболеваемости с 1588,5 на 1000 населения в 2009 году, до 1795,98 в 2018 году. В динамике за последние 10 лет наблюдается тенденция роста показателя распространенности массовой неинфекционной

заболеваемости населения Ростовской области с 1588,5 на 1000 населения в 2009 году, до 1795,98 в 2018 году.

Города Ростов-на-Дону и Таганрог относятся к неблагоприятным территориям с высоким уровнем заболеваемости населения [5]. (Роспотребнадзор) Основная часть учебных корпусов ЮФУ находятся на территориях с высокой антропогенной нагрузкой.

Из 19 территорий Ростовской области города Ростов-на-Дону и Таганрог соответственно занимают по рангу 7 и 5 место со степенью напряжения санитарно-гигиенической ситуации – «напряженная» (табл. 1).

Таблица 1. Гигиеническое ранжирование городов по показателю комплексной антропогенной нагрузки в 2019 г.

Город	К вода	К воздуха	К почва	К шум	КН	Ранг	Степень напряжения санитарно-гигиенической ситуации
Ростов-на-Дону	3,24	1,3	2,88	4,68	3,02	7	напряженная
Таганрог	6,05	0,94	3,6	2,38	3,24	5	напряженная

Приоритетными факторами среды обитания городов Ростова-на-Дону и Таганрога, влияющими на состояние здоровья населения, являются: качество питьевой воды, почвы, шум; для города Ростова-на-Дону – дополнительно атмосферный воздух [3–5, 10]. Приоритетными веществами, загрязняющими атмосферный воздух, являются: взвешенные вещества и диоксид азота [6].

За период 2014–2018 годы по Ростовской области первичная заболеваемость болезнями органов дыхания всего населения выросла на 3,4%; мочекаменной болезнью – на 20%, эндокринной системы – на 23,2%; заболеваний, связанных с микронутриентной недостаточностью (нетоксический зоб, тиреоидит, субклинический гипотиреоз, эндемический зоб, связанный с йодной недостаточностью) – 21,5%; злокачественными новообразованиями – 10,5%.

Заболеваемость, характеризующаяся повышенным кровяным давлением, с 2014 года выросла в 2,7 раза.

Наибольший удельный вес в структуре первичной заболеваемости у детей, подростков, взрослых приходится на болезни органов дыхания соответственно – 66,5%; 46,0%; 29,4%. Болезни органов пищеварения у детей, подростков, взрослых составляют соответственно – 4,5%; 7,1%; 5,3%; болезни мочеполовой системы – 1,7%; 4,3%; 9,2%; болезни костно-мышечной системы – 2,1%; 5,1%; 6,3% [6].

Специалистами Роспотребнадзора выявили зависимость состояния здоровья от влияния факторов среды обитания. Установлена прямая сильная корреляционная зависимость между показателями загрязнения атмосферного воздуха взвешенными веществами и заболеваемостью населения:

- аллергическими ринитами в городах Батайске (город-спутник Ростова-на-Дону) и Ростове-на-Дону ($r = 0,882–0,89$).

- астмой и астматическим статусом, в городах Батайске, Ростове-на-Дону (коэффициент ранговой корреляции $r = 0,84–0,9$).
- хроническим бронхитом в городах Батайске, Ростове-на-Дону (коэффициент ранговой корреляции $r = 0,81–0,84$).

В Ростовской области приоритетными загрязнителями питьевой воды являются: общая жесткость, сульфаты, хлориды, железо, марганец, натрий. Питьевая вода с повышенной минерализацией может повышать уровень заболеваемости: мочекаменной и гипертонической болезнями, полиартритами обменного характера. Вода с повышенным содержанием железа вызывает сухость и зуд кожи.

Комбинированное воздействие химических веществ увеличивает рост заболеваний органов пищеварения и иммунной системы [6].

В России реализуются три основные стратегии профилактики неинфекционных заболеваний: популяционная стратегия профилактики (снижение воздействия факторов риска для здоровья), стратегия выявления лиц высокого риска заболеваний путем диспансеризации и профилактических осмотров, стратегия вторичной профилактики (ранняя диагностика, лечебные мероприятия и др.) [7].

Выводы

1. Состояние здоровья значительной части студентов высшего учебного заведения города Ростова-на-Дону неудовлетворительное (3,9%).
2. В основе борьбы с неинфекционными заболеваниями студенческой молодежи на территории Ростовской области должны лежать комплексные меры трех стратегий профилактики неинфекционных заболеваний: популяционной, стратегии выявления лиц высокого риска заболеваний, стратегии вторичной профилактики.
3. При реализации популяционной стратегии профилактики неинфекционных заболеваний сту-

дентов на территории региона необходимо учитывать, что одними из основных факторов, снижающих уровень здоровья студентов, являются не только компоненты образа жизни (гипокинезия, нерациональное питание, стрессовые состояния, недостаток сна, вредные привычки), социальные факторы, но и факторы окружающей среды (загазованность, запыленность атмосферного воздуха, загрязненность почв, вод, шум, электромагнитные поля).

4. На территории региона при оценке параметров факторов окружающей среды, влияющих на состояние здоровья студентов, следует принимать во внимание трансформацию химических веществ, а также сочетанное воздействие химических и физических факторов.

Литература

1. Бобыло А.М. Образование как главный фактор в обеспечении национальных интересов государства // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2018. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-glavnyy-faktor-v-obespechenii-natsionalnyh-interesov-gosudarstva> (дата обращения: 18.03.2021).
2. Бондаренко Н.В., Образование в цифрах:2019: краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 96 с.
3. Бондин В.И., Жаброва Т.А., Каплиев В.А., Лебедева И.А., Лысенко А.В., Мануйленко Э.В., Марченко С.В., Попова Т.В., Почекаева Е.И., Хренкова В.В. Образование. Экология. Здоровье: монография / под редакцией В.И. Бондина. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2012. 278 с.
4. Бондин В.И., Почекаева Е.И., Попова Т.В. Воздействие шума автотранспорта на здоровье населения и меры борьбы с ним в условиях крупного города // Валеология. – 2012. – № 4. – С. 62–67.
5. Государственный доклад о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rospotrebnadzor.ru/> (дата обращения: 1.04.2021).
6. Доклад о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Ростовской области в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.61.rospotrebnadzor.ru/> (дата обращения: 1.04.2021).
7. Задворная Ольга Леонидовна, Борисов Константин Николаевич Развитие стратегий профилактики неинфекционных заболеваний // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2019. № 1 (35). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-strategiy-profilaktiki-neinfektsionnyh-zabolevaniy> (дата обращения: 20.03.2021).
8. Малышева А.Г., Рахманин Ю.А. Физико-химические исследования и методы контроля веществ в гигиене окружающей среды. СПб.: НПО «Профессионал»; 2012. –716с.
9. Малышева А.Г., Рахманин Ю.А., Растяников Е.Г., Козлова Н.Ю. Химико-аналитические аспекты исследования комплексного действия факторов окружающей среды на здоровье населения // Гигиена и санитария. – 2015. – № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/himiko-analiticheskie-aspekty-issledovaniya-kompleksnogo-deystviya-faktorov-okruzhayushey-sredy-na-zdorovie-naseleniya> (дата обращения: 01.04.2021).
10. МР 2.3.1.2432–08 «Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2168105/> (дата обращения: 3.06.2017).
11. Новичкова Н.И., Попова Т.В., Почекаева Е.И. Сочетанное воздействие химических и физических факторов на здоровье детского населения //Сб. Актуальные вопросы организации контроля и надзора за физическими факторами. Материалы Всероссийской практической конференции. – 2017. – С. 298–301.
12. Онищенко Геннадий Григорьевич Актуальные задачи гигиенической науки и практики в сохранении здоровья населения // Гигиена и санитария. – 2015. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-zadachi-gigienicheskoy-nauki-i-praktiki-v-sohranenii-zdorovya-naseleniya> (дата обращения: 01.04.2021).
13. Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 N3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 01.04.2021).
14. Сбитнева О.А. Воздействие учебного процесса на организм студентов // Universum: психология и образование. – 2018. – № 1 (43). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-uchebnogo-protsessa-na-organizm-studentov> (дата обращения: 18.03.2021).
15. Степанова Т.А., Попова Т.В., Почекаева Е.И. Безопасность: Безопасность питания и здоровье населения: учебное пособие // Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Изд-ство Южного федерального университета, 2016. Ч. 2–172 с.
16. Степанова Т.А., Почекаева Е.И. Рациональное питание – важный компонент здорового образа жизни студентов // Спортивная медицина, физическая рекреация, двигательная реабилитация и АФК. – 2017. – С. 136–138.

REGIONAL HEALTH PROBLEMS OF MODERN STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Pochukaeva E.I.

Southern Federal University

In the Russian Federation, more than 4 million students study in higher educational institutions [2]. The problem of the health status of Russian students is of a national nature, since students of higher educational institutions are the potential of the country's labor resources [1]. In recent years, our country has not given enough time to the prevention of diseases and the promotion of a healthy lifestyle, which was one of the reasons for the deterioration of the health of students.

The article presents information from literature sources on the morbidity of the population of the Rostov region, on the reasons for the deterioration of the health of students of higher educational institutions, on the main groups of factors affecting the level of health of the population in the Rostov region and in the Russian Federation. The results of research on determining the priority risk factors for the health of students on the example of students of the Southern Federal University are shown. The research was conducted for 7 years. Data on the work and rest regime of students, on the quality of students' nutrition, on the parameters of the functional state of the students' body, and on their well-being are presented. It is concluded that one of the priority factors affecting the health of students of the Rostov region are environmental factors.

Keywords: region, health, students, environmental factors, hypokinesia, healthy lifestyle.

References

1. Bobylo A.M. Education as the main factor in ensuring the national interests of the state // *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Sociology. Political science.* – 2018. – № 2. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-glavnyy-faktor-v-obespechenii-natsionalnyh-interesov-gosudarstva> (accessed: 18.03.2021).
2. Bondarenko N. V., Education in numbers: 2019: a brief statistical collection / N.V. Bondarenko, L.M. Gokhberg, N.V. Kovaleva et al.; Nats. research. Higher School of Economics, Moscow, Higher School of Economics, 2019, 96 p.
3. Bondin V. I., Zhabrova T.A., Kapliev V.A., Lebedeva I.A., Lysenko A.V., Manuylenko E.V., Marchenko S.V., Popova T.V., Pochekaeva E.I., Khrenkova V.V. Education. Ecology. Health: a monograph / edited by V.I. Bondin. Rostov n/A: SKNTS VSH, 2012. 278 p.
4. Bondin V. I., Pochekaeva E.I., Popova T.V. The impact of motor transport noise on the health of the population and measures to combat it in the conditions of a large city. – 2012. – No. 4. – p. 62–67.
5. State report on the state of sanitary and epidemiological welfare of the population in the Russian Federation in 2019 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.rospotrebnadzor.ru/> (accessed: 1.04.2021).
6. Report on the state of sanitary and epidemiological well-being of the population of the Rostov region in 2019 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.61.rospotrebnadzor.ru/> (accessed: 1.04.2021).
7. Zadornaya Olga Leonidovna, Borisov Konstantin Nikolaevich Development of strategies for the prevention of non-infectious diseases // *Medical technologies. Evaluation and selection.* 2019. No. 1 (35). [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-strategiy-profilaktiki-neinfektsionnyh-zabolevaniy> (accessed: 20.03.2021).
8. Malysheva A. G., Rakhmanin Yu.A. Physical and chemical studies and methods of control of substances in environmental hygiene. St. Petersburg: NPO "Professional"; 2012. – 716s.
9. Malysheva A. G., Rakhmanin Yu. A., Rastiannikov E.G., Kozlova N. Yu. Chemical-analytical aspects of the study of the complex effect of environmental factors on the health of the population. – 2015. – No. 7. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/himiko-analiticheskie-aspekty-issledovaniya-kompleksnogo-deystviya-faktorov-okruzhayuschey-sredy-na-zdorovie-naseleniya> (accessed: 01.04.2021).
10. MP 2.3.1.2432–08 "Norms of physiological needs in energy and food substances for various groups of the population of the Russian Federation" [Electronic resource]. – Access mode: <http://base.garant.ru/2168105>
11. Novichkova N. I., Popova T.V., Pochekaeva E.I. Combined impact of chemical and physical factors on the health of the child population // *Sb. Actual issues of the organization of control and supervision of physical factors. Materials of the All-Russian Practical Conference.* – 2017. – p. 298–301.
12. Onishchenko Gennady Grigoryevich Actual tasks of hygienic science and practice in the preservation of public health // *Hygiene and sanitation.* – 2015. – No. 3. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-zadachi-gigienicheskoy-nauki-i-praktiki-v-sohranении-zdorovya-naseleniya>
13. Order of the Government of the Russian Federation of 24.11.2020 N3081-r "On approval of the Strategy for the development of physical Culture and Sports in the Russian Federation for the period up to 2030" [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.garant.ru> (accessed: 01.04.2021).
14. Sbitneva O.A. The impact of the educational process on the body of students // *Universum: psychology and education.* – 2018. – № 1 (43). [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-uchebnogo-protsesta-na-organizm-studentov> (accessed: 18.03.2021).
15. Stepanova T. A., Popova T.V., Pochekaeva E.I. Safety: Food safety and health of the population: a textbook // Southern Federal University. – Rostov-on-Don: Southern Federal University Publishing House, 2016. Ch. 2–172 p.
16. Stepanova T. A., Pochekaeva E.I. Rational nutrition – an important component of a healthy lifestyle of students // *Sports medicine, physical recreation, motor rehabilitation and AFK.* – 2017. – pp. 136–138.

Эффективность упражнений на растягивание при спастических формах церебрального паралича у подростков

Махмудова Алевтина Искандаровна,
соискатель, Всероссийский научно-исследовательский
институт физической культуры и спорта
E-mail: alevtinaclimber@mail.ru

Настоящая работа посвящена анализу имеющейся литературы в целях анализа эффективности и необходимости проведения упражнений по растяжке для взрослых, страдающих церебральным параличом. В ходе анализа можно обозначить следующие ключевые моменты: не все растяжки одинаково полезны для всех. Это зависит от того, какой тонус мышц у человека – повышенный или пониженный. При этом – при повышенном тоне растяжки нужно делать достаточно аккуратно, чтобы не усугубить ситуацию, но это единственный существующий на данный момент не операционный метод удлинения мышц и снизить отставание ее развития от развития трубчатых костей. Обязательным является учет рефлекторных реакций стрейч-рефлекса и гольджи-рефлекса или как его еще называют в некоторой литературе обратным стрейч-рефлексом.

Из немедикаментозных методов в комплексном лечении детского церебрального паралича по распространенности первое место занимают лечебная гимнастика и массаж. Для преодоления отставания развития детей с ДЦП обычно проводят оздоровительные занятия стандартной физической терапией. Реализация указанных методов позволяет также решить социальные проблемы, так как люди с инвалидностью данного генеза, испытывают сложности при поиске метода в обществе, прикладывают большие усилия в процессе трудоустройства и построение отношений, а также создания семьи.

Ключевые слова: детский церебральный паралич (ДЦП), фитнес, реабилитация, лечебная физическая культура (ЛФК), церебральный паралич у подростков, растяжка, тонус мышц, стрейч-рефлекс, Гольджи-рефлекс.

Основное место в системе детских диагнозов, приводящих к первичной инвалидности, занимают врожденные аномалии развития ребенка и болезни центральной нервной системы. По данным литературных источников, на 1000 новорожденных приходится 5–6 случаев рождения детей с детским церебральным параличом (ДЦП).

Данное заболевание возникает и проявляется в перинатальном, интранатальном раннем постнатальном периодах (т.е. до рождения внутриутробное, в период от появления схваток и до появления ребенка через родовые пути, так же в период новорожденности) или вследствие произошедшей аномалии развития ребенка.

Основная характеристика данного заболевания – это стойкие нарушения двигательных и статокинетических функций, частично корректирующиеся и облегчающиеся как медикаментозно, так и за счет воздействия на мышцы и сухожилия путем формирования двигательных навыков, массажей, снятия напряжения с тонусных мышц, или приведение в тонус мышц, которые слабо развиты или слабы [2, 4, 6].

Довольно много литературы, подробнейшим образом описывающей течение заболевания и путей поддержания организма у детей. Однако, по информации по вопросам эффективности и необходимости проведения упражнений по растяжке для взрослых, страдающих церебральным параличом, число источников ограничено. Вместе с тем, это серьезная не только медицинская, но и социальная проблема, так как люди с инвалидностью данного генеза, ищут свое место в обществе, прикладывают большие усилия в процессе трудоустройства и построение отношений, а также создания семьи.

Важно отметить, что, как и для детей, так и для взрослых, наиболее эффективным является комплексный подход к восстановлению нарушенных функций (массаж, иппотерапия, физиотерапия и обязательно лечебная физическая культура (ЛФК)). При ее проведении особое внимание, вне зависимости от возраста, следует уделить не только развитию координированности движений и ориентированности в пространстве, но и изучение комплекса упражнений для растягивания сухожилий, что так, же способствует наращива-

нию длинны мышц, которые, в процессе роста организма и возрастных изменений, укорачиваются [1, 3, 5].

Следует отметить, что не все растяжки одинаково полезны для всех. Это зависит от того, какой тонус мышц у человека – повышенный или пониженный. При этом – при повышенном тонусе растяжки нужно делать аккуратно, чтобы не усугубить ситуацию, но это единственный существующий на данный момент не операционный метод удлинения мышц и снизить отставание ее развития от развития трубчатых костей.

Обязательным является учет рефлекторных реакций стрейч-рефлекса и гольджи-рефлекса или как его еще называют в некоторой литературе обратным стрейч-рефлексом.

Стрейч-рефлекс – это рефлекторное сокращение мышц в ответ на их растяжение, и чем более резким и широко амплитудным будет растяжение, тем, соответственно, сильнее будет проявляться данный рефлекс. Его основное предназначение – это поддержание постоянного мышечного тонуса и защита мышц человека от излишнего травмирования в процессе жизнедеятельности. Именно благодаря ему, человек может наращивать силу и мощность мышечного корсета. Его проявление позволяет замахнуться перед броском мяча или пружинить перед прыжком.

При активном выполнении упражнений на растягивание мышц и сухожилий рефлекс создает барьер, для уменьшения его влияния. Выполнять все упражнения комплекса для растяжки необходимо максимально плавно и медленно с минимальными амплитудами движений, постепенно увеличивая их [7].

Так же данный рефлекс проявляется по-разному в разогретых и не разогретых мышцах, поэтому комплексу для растягивания мышц должно предшествовать качественное разминание и разогрев той группы мышц, на которую будет осуществлено воздействие.

Гольджи-рефлекс – это еще один инструмент реабилитации и восстановлению больных с ДЦП. Он срабатывает, если в сокращенной мышце накапливается напряжение, доходя до определенного предела, то срабатывает эффект рефлексорной цепи, что заставляет мышцу расслабиться. Это основа пост-изометрического расслабления. Основой методики работы с данным рефлексом становится кратковременное, но интенсивное изометрическое (без двигательное) напряжение мышц и их последующее растяжение. Для достижения наибольших результатов рекомендуется начинать такое чередование с 4–6 повторений, в зависимости от подготовленности организма. Применение такого комплекса положительно сказывается на стойкой гипотонии, снижении спастичности и болезненности в мышцах и сухожилиях.

Так же не стоит забывать о природе возникновения заболевания, которая обусловлена нарушением работы зон головного мозга и нарушением центральной нервной системы, которая при

умеренной нагрузке на нее будет адаптироваться и восстанавливаться. С психологической точки зрения наиболее важным является мотивация такого рода деятельности, ведь не все видят сразу значительный результат в изменении своего состояния. Но поддержка человека на протяжении длительного процесса восстановления со стороны близких крайне важна.

В комплексном лечении детей с ДЦП применение лечебной физической культуры, массажа и физиотерапевтических методов занимают одно из ведущих мест среди применяемых методов. В связи с этим, целью работы явилось исследование эффективности комплексного применения средств физической реабилитации в коррекции двигательных нарушений у детей с ДЦП.

Из немедикаментозных методов в комплексном лечении детского церебрального паралича по распространенности первое место занимают лечебная гимнастика и массаж. Для преодоления отставания развития детей с ДЦП обычно проводят оздоровительные занятия стандартной физической терапией.

Все средства реабилитации больных ДЦП подбираются индивидуально для каждого больного, в зависимости от особенностей тех патологических мышечных синергий, которые определяют основные характеристики патологического двигательного стереотипа с учетом стадии, формы ДЦП, наличия контрактур, интеллектуального развития и других индивидуальных особенностей.

Многие авторы отводят большую роль в реабилитации больных ДЦП лечебной физической культуре. В настоящее время лечебная физкультура продолжает занимать ведущую позицию в восстановительной терапии в области неврологии. При этом до сегодняшнего дня считается, что основным средством лечебной физкультуры в целом, в том числе и в неврологии, было и остается физическое упражнение в различных своих вариациях: пассивное, активное, рефлекторное.

Обследовано 12 детей-подростков обоих полов с диагнозом ДЦП, спастическая диплегия. Исследуемые были разделены на 2 группы по 6 человек: контрольную (группа № 1) и экспериментальную (группа № 2). За ними наблюдали полгода. При этом у исследуемых из первой группы реабилитационные мероприятия подразумевали стандартный массаж, лечебную гимнастику, упражнения по растягиванию. У исследуемых из второй группы занятия включали одни и те же процедуры, но только стандартный массаж и лечебная гимнастика были заменены на фиксационный массаж и онтогенетическую гимнастику соответственно. Соответствующие обследования были проведены до и после курса [8, 9].

Приемы и техника массажа для детей с ДЦП значительно отличаются от тех, что делают здоровым детям. Для исследуемых применялись такие приемы массажа как поглаживание, растирание, разминание, растягивание. При этом усилия массажиста возрастают постепенно.

В результате применения фиксационного массажа и онтогенетической гимнастики все шестеро ребят с ДЦП экспериментальной группы № 2 за полгода улучшили показатели своего общего моторного развития в среднем на величину 0,26: с $(-0,76 \pm 0,06)$ при первоначальном исследовании до $(-0,5 \pm 0,07)$ при вторичном исследовании. В контрольной группе № 1 у всех шестерых ребят с ДЦП средний показатель общего моторного развития изменился в положительную сторону, лишь на 0,01: с $(-0,72 \pm 0,08)$ при первоначальном до $(-0,71 \pm 0,07)$ при вторичном исследовании.

Полученные результаты показали, что фиксационный массаж с онтогенетической гимнастикой как средства адаптивной физической культуры позволяют значительно повысить ее эффективность в развитии общей моторной активности, тонкой моторной координации, восприятия, мышления и в развитии подвижности суставов нижних конечностей.

На основании всего изученного материала, можно сделать следующие выводы:

1. За последние годы количество больных ДЦП выросло в несколько раз, в том числе из-за родовых травм и инфекций.
2. Своевременная и постоянная работа с пациентами с таким недугом позволит их лучше адаптировать к жизни в обществе, улучшить качество их жизни.
3. Среди двигательных расстройств как у взрослых, так и у детей с ДЦП чаще всего проявляется синдром спастичности. Вместе с тем, у взрослых людей с ДЦП спастические расстройства проявляются на 17% чаще, чем у тех же пациентов в детском возрасте. Особенность клиники у взрослых пациентов с ДЦП – высокая частота проявления синдрома мышечной дистонии. Согласно статистике, дистония у взрослых пациентов с ДЦП встречается на 27% чаще, чем в детском возрасте.
4. В числе современных методов восстановления нарушенных двигательных функций как в детском, так и более взрослом возрасте, хорошие результаты показывает физиотерапия, массаж и поструральная терапия.
5. Анализируя динамику амплитуды движений в суставах, функциональные показатели дыхательной и нервно-мышечной системы в исследуемых группах в процессе реабилитации, можно отметить повышение двигательной активности в суставах, снижение спастической активности в мышцах; укрепление мышц; улучшение координации; улучшение дыхательной системы у больных спастическим церебральным параличом.
6. Массаж у специалистов, ЛФК, растяжка с дозированной силой показали себя как высокоэффективное средство для улучшения развития общей моторики у детей с ДЦП и, на сегодняшний день, являются одними из основных методов.

Литература

1. Дубровский, В.И. Детские церебральные параличи. – В кн.: Спортивная медицина: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., доп. / В.И. Дубровский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – С. 425–426.
2. Дубровский, В.И. Реабилитация инвалидов-спортсменов. – В кн.: Спортивная медицина: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., доп. / В.И. Дубровский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. – 2002. – С. 411–417.
3. Сафронова Н.С. Эффективность различных методик фитбол-гимнастики в комплексной реабилитации детей с ДЦП / Н.С. Сафронова, Е.И. Филь, А.В. Филь // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 9 (51). – С. 80–83.
4. Васильева, В.С. Обучение и воспитание дошкольников с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата в условиях инклюзивного образования [Текст]: учеб. пособие / В.С. Васильева, В.Н. Рязанова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та. – 2015. – 149с.
5. Гусаров, А.В. Упражнения с неопредельной статической нагрузкой в практике адаптивной физической культуры / А.В. Гусаров, Н.Е. Ерешко, В.Л. Ростовцев // Физ. культура. Спорт. Туризм. Двигат. рекреация. – 2018. – Т. 3, № 2. – С. 9–24.
6. Ерешко Н.Е. Правила организации инклюзивных физкультурно-спортивных занятий / Н.Е. Ерешко, А.С. Махов // Комплексная безопасность и реабилитация детей с ОВЗ в условиях инклюзивного образования: материалы III науч. (нац.) конф., 16–17 октября 2017 г. – Шуя: Изд-во Шуйского фил. ИвГУ. – 2017. – С. 44–49.
7. Киселёв Д.А. Стабилометрия в диагностике и лечении детей с гемипаретической формой детского церебрального паралича: автореф. дис. канд. мед. наук / Д.А. Киселёв. – М. – 2007. – 26 с.
8. Степанова О.Н. Технология педагогического проектирования физкультурно-оздоровительных занятий со студентами специальных медицинских групп / О.Н. Степанова, Н.Н. Венгерова, С.В. Савин, О.В. Бородулина // Физ. культура, спорт – наука и практика. – 2014. – № 3. – С. 16–21.
9. Скворцов Д.М. Диагностика двигательной патологии инструментальными методами: анализ походки, стабилометрия / Д.В. Скворцов. – М.: Т.М. Андреева. – 2007. – 640 с.

THE EFFECTIVENESS OF STRETCHING EXERCISES FOR SPASTIC FORMS OF CEREBRAL PALSY IN ADOLESCENTS

Makhmudova A.I.

All-Russian Scientific Research Institute of Physical Culture and Sports

This work is devoted to the analysis of the available literature in order to analyze the effectiveness and necessity of stretching exercises for adults with cerebral palsy. During the analysis, the following key points can be identified: not all stretch marks are equally useful for everyone. It depends on what kind of muscle tone a person has – increased or decreased. At the same time, with an increased tone, stretching should be done carefully enough so as not to aggravate the situation, but this is the only non-operational method of muscle lengthening that exists at the moment and to reduce the lag of its development from the development of tubular bones. It is mandatory to take into account the reflex reactions of the stretch reflex and the Golgi reflex, or, as it is also called in some literature, the reverse stretch reflex.

Of the non-drug methods in the complex treatment of cerebral palsy in terms of prevalence, therapeutic exercises and massage take the first place. To overcome the developmental lag in children with cerebral palsy, they usually carry out wellness classes with standard physical therapy.

The implementation of these methods also makes it possible to solve social problems, since people with disabilities of this genesis experience difficulties in finding a method in society, make great efforts in the process of employment and building relationships, as well as creating a family.

Keywords: cerebral palsy (CP), fitness, rehabilitation, physical therapy (exercise therapy), cerebral palsy in adolescents, stretching, muscle tone, stretch reflex, Golgi reflex.

References

1. Dubrovsky, V.I. Cerebral palsy. – In the book: Sports medicine: Textbook. for stud. higher. study. institutions. – 2nd ed., Add. / IN AND. Dubrovsky. – M.: Humanit. ed. center VLADOS, 2002. – S. 425–426.
2. Dubrovsky, V.I. Rehabilitation of disabled athletes. – In the book: Sports medicine: Textbook. for stud. higher. study. institutions. – 2nd ed., Add. / IN AND. Dubrovsky. – M.: Humanit. ed. center VLADOS – 2002. – S. 411–417.
3. Safronova N.S. The effectiveness of various methods of fitball gymnastics in the complex rehabilitation of children with cerebral palsy. Safronova, E.I. Fil, A.V. Fil // Problems of modern science and education. – 2016. – No. 9 (51). – S. 80–83.
4. Vasilieva, V.S. Education and upbringing of preschoolers with dysfunctions of the musculoskeletal system in inclusive education [Text]: textbook. manual / V.S. Vasilieva, V.N. Ryazanov. – Chelyabinsk: Publishing house Chelyab. state ped. un-ta. – 2015. – 149s.
5. Gusarov, AV Exercises with unsaturated static load in the practice of adaptive physical culture / AV Gusarov, NE Ereshko, VL Rostovtsev // Phys. culture. Sport. Tourism. Move. recreation. – 2018. – T. 3, No. 2. – P. 9–24.
6. Ereshko N.E. Rules for the organization of inclusive physical culture and sports activities / N.E. Ereshko, A.S. Makhov // Comprehensive safety and rehabilitation of children with disabilities in inclusive education: materials of III scientific. (nat.) Conf., October 16–17, 2017 – Shuya: Publishing house of Shuisky phil. IvSU. – 2017. – S. 44–49.
7. Kiselev DA Stabilometry in the diagnosis and treatment of children with hemiparetic form of infantile cerebral palsy: author. dis. Cand. honey. Sciences / D.A. Kiselev. – M. – 2007. – 26 p.
8. Stepanova ON Technology of pedagogical design of physical culture and health-improving classes with students of special medical groups / ON Stepanova, NN Vengerova, SV Savin, OV Borodulina // Phys. culture, sports – science and practice. – 2014. – No. 3. – P. 16–21.
9. Skvortsov DM Diagnosis of motor pathology by instrumental methods: gait analysis, stabilometry / DV Skvortsov. – M.: T.M. Andreeva. – 2007. – 640 p.

Возможность коррекции функционального состояния организма человека воздействием информационных образов медикаментов

Жевнеров Владимир Алексеевич,

к.т.наук, доцент, Российский университет дружбы народов
E-mail: jewn@mail.ru

Жевнеров Евгений Владимирович,

к.ф.-м.наук, доцент, Национальный исследовательский
технологический университет «МИСиС»
E-mail: e.v.zhevnerov@gmail.ru

Шкундин Семён Захарович,

д.т.наук, профессор, Национальный исследовательский
технологический университет «МИСиС»
s.shkundin@yandex.ru

Шовкоплас Юрий Александрович,

к.мед.наук, доцент, НПО «Телеметрические системы»
E-mail: shovkoplyas@list.ru

Исследованы особенности воздействия излучений светодиодов, несущих информационные образы медикаментов на функциональное состояние организма волонтеров. Перенос информационного образа медикаментов на светодиоды производился специализированными сертифицированными электромагнитными устройствами серии «ФЕНИКС-М». Воздействие излучения светодиодов производилось на открытые участки кожи и защищённые непрозрачной тканью. Проводимые эксперименты показали идентичность оказываемого воздействия информационных образов и оригиналов медикаментов. При воздействии информационными образами медикаментов исключается появление аллергии, передозировки и прочих побочных явлений, что определяет дальнейшие перспективы применения предлагаемой информационной технологии для профилактической и лечебной коррекции функционального состояния организма человека.

Ключевые слова: информационный образ; энергетические меридианы; светодиоды; вирусы; излучение.

Информационное влияние определенных медицинских препаратов на клетку было выявлено еще в прошлом столетии (1924 г.) российским ученым Н.П. Кравковым. Во второй половине 90-х годов прошлого столетия был обнаружен неэлектромагнитный компонент излучения, индуцируемый светодиодами и лазером, в связи с чем начались исследования по его воздействию на биологические объекты. Изучалось влияние светодиодного излучения непосредственно на кожный покров человека, а также экранированного непрозрачными материалами.

Нами была показана возможность информационного переноса действия [1–2] определенных веществ с помощью светодиодов и определен эффект этого действия на организм спортсменов [3]. Реакции на воздействие реальных препаратов и их информационных образов оказались идентичными [4–5].

Целью настоящей работы было: изучить влияние излучения светодиодов, несущих определенные информационные образы (медикаменты) на функциональное состояние организма волонтеров. На светодиод, испускающий белый свет, с помощью специальной цифровой методики «ФЕНИКС-М» [5], построенной на принципах функционирования ДНК, был совершен информационный перенос образа 1 мл 1% р-ра АТФ. Перенос осуществлялся в 3 мин. временном режиме в первой половине дня. Реакцию на воздействие изготовленного информационного препарата (ИП) оценивали с помощью:

- определения уровня электропроводности точек кожи – контрольных точек измерения (КТИ) и отдельных реперных точек гормональных систем прибором «Имедис-Фолль, МИНИ-ЭКСПЕРТ»;
- показателей скрининговой системы «КМЭ-комплекс медицинский экспертный».

В таблице 1 приведены типичные результаты экспериментов в участии волонтера В., 75 лет, сидящего в кресле и одетого рубашку из хлопка. На область солнечного сплетения волонтера с расстояния 50 см в течение 2 мин производилась световая нагрузка ИП «АТФ». Реакция на воздействие фиксировалась через 3 мин. после нагрузки.

Из табл. 1 видно, что изначально суммарные показатели активности КТИ справа преобладают над показателями слева. В результате 2-мин. нагрузки информационным АТФ показатели актив-

ности КТИ возросли и справа и слева (108–152 и 134–227), что свидетельствовала об активации обменных процессов в организме. В общем активность возросла с 260 до 360 ед. ($P \leq 0,05$).

Таблица 1. Показатели после информационной нагрузки АТФ (режим переноса – 2 мин.)

Волонтер	В., 75 лет			
Нагрузка	ИП-АТФ (2 мин.)			
Меридианы/КТИ	До нагрузки(рука)		После нагрузки (рука)	
	левая	правая	левая	правая
Лимфатической системы	8	10	13	43
Легких	12	30	5	32
Толстого кишечника	10	13	13	18
Нервной системы	7	10	10	22
Кровеносных сосудов	6	7	13	15
Аллергия	17	10	10	18
Эпителия и паренхимы	14	8	25	15
Эндокринной системы	13	13	23	18
Сердца	10	20	22	18
Тонкого кишечника	11	13	18	28
Сумма	108	134	152	227
Отношения:	Левая / Правая		Левая / Правая	
	0,805		0,669	
	Левая / Левая		Правая / Правая	
0,710		0,590		

Отношение левых и правых суммарных показателей после 2-мин. нагрузки информационным АТФ осталось прежним, более того, превалирование значений справа даже возросло (коэффициент 0,669 против 0,805). Полученные результаты могут быть отражением фиксированного правостороннего превалирования активности.

Динамика показателей реперных точек гипофиза и щитовидной желез представлена в табл. 2 и на рис. 1.

Таблица 2. Показатели щитовидной железы и гипофиза после информационной нагрузки АТФ (режим переноса – 2 мин.)

Волонтер	В., 75 лет.			
Нагрузка	ИП-АТФ (2 мин.)			
Точки измерения(ТИ)	До нагрузки(рука)		После нагрузки (рука)	
	Левая	Правая	Левая	Правая
Щитовидной железы	39	45	55	52
Гипофиза	41	57	55	58
Отношения показателей щитовидной железы и гипофиза	0,95	0,79	1,00	0,896

Волонтер	В., 75 лет.			
Нагрузка	ИП-АТФ (2 мин.)			
Точки измерения(ТИ)	До нагрузки(рука)		После нагрузки (рука)	
	Левая	Правая	Левая	Правая
Отношения показателей щитовидной железы	Левая/Правая		Левая/Правая	
	0,87		1,057	
	Левая/Левая		Правая/Правая	
0,709		0,865		
Отношения показателей гипофиза	Левая/Правая		Левая/Правая	
	0,803		0,948	
	Левая/Левая		Правая/Правая	
0,719		0,982		

Рис. 1. Динамика показателей активности КТИ гормональных систем.

Динамика показателей активности КТИ гормональных систем оказалась несколько иной. После нагрузки показатели КТИ щитовидной железы и гипофиза возросли и справа и слева. Если до нагрузки фиксировали превалирование правых значений, как щитовидной железы, так и гипофиза (39–45 и 41–57), то после воздействия значения КТИ щитовидной железы изменились – активность слева оказалась выше правых значений (39–45 и 55–52 соответственно). Характер отношений показателей КТИ гипофиза остался прежним.

Реакция на воздействие ИП-АТФ со стороны возможного иммунного ответа волонтера В., 75 лет представлена на рис. 2, (КМЭ).

Показатели – 10, 50, 100 – отражают степень смещения функции от абсолютного оптимума. Первые два укладываются в пределы физиологической нормы, 100 – смещение за ее границы. В этом случае добавляются знаки (+) и (–). До воздействия волонтер по-разному реагировал на конкретные вирусные антигены, хотя все показатели не были в пределах относительного оптимума (рис. 2). На дистанционное воздействие ИП-АТФ,

организм волонтера ответил максимальным смещением иммунного ответа (все показатели реакции на все вирусные антигены имели значение + 100), (рис. 3). Эти данные отразили способность организма повышать свои энергетические резервы, используя для этого АТФ-азные реакции.

Маркер	Индекс	Описание
Дренаж - Аденовирус B6	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Риновируса S200	50	Не является признаком инфекции
Дренаж - Эпштейн-Барр S24	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - ОРЗ	10	Не является признаком инфекции
Дренаж - герпес простой тип 1 S24	10	Не является признаком инфекции
Дренаж - Аденовирус B10	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Коксаки A9	50	Не является признаком инфекции
Дренаж - Аденовирус B7	10	Не является признаком инфекции
Дренаж - Грипп B S24	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - ветряной оспы S200	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Гриппа B S30	50	Не является признаком инфекции
Дренаж - Коксаки С	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Полиовирус S24	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Коксаки А2	10	Не является признаком инфекции
Дренаж - гепатита В	50	Не является признаком инфекции
Дренаж - гепатита С S15	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Герпес S30	10	Не является признаком инфекции
Дренаж - Гриппа С S30	50	Не является признаком инфекции
Дренаж - Эпштейн-Барр S15	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - герпес простой тип 1	10	Не является признаком инфекции
Дренаж - Гриппа S15	50	Не является признаком инфекции
Дренаж - Ветряной оспы, опоясывающего герпеса S2100	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Папилломавирус S15	10	Не является признаком инфекции
Дренаж - гепатита D S15	50	Не является признаком инфекции
Дренаж - Ротавирус	10	Не является признаком инфекции
Дренаж - НРV8	50	Не является признаком инфекции
Дренаж - герпес S15	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - НРV2	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - гепатита А S24	10	Не является признаком инфекции

Рис. 2. Реакция волонтера В., 75 лет на вирусные нагрузки до воздействия ИП-АТФ

Маркер	Индекс	Описание
Дренаж - Парагриппа S15	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Ротавирус S30	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Коксаки A9	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Герпес	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - гепатита S24	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Коксаки А S200	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Гриппа	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Коксаки А6	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Аденовирус D8	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Эпштейн-Барр S200	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Краснухи S200	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Эпштейн-Барр S200	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Полиовирус	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - гепатита В S200	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Папилломавирус	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Аденовирус B4	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - ОРЗ S15	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Гриппа В S30	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Коксаки С	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Эпштейн-Барр EV	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Аденовирус B6	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - гепатита В	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Грипп S15	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Грипп В S24	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Ветряной оспы, опоясывающего герпеса S200	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Полиовирус S24	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Герпес S200	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - Эпштейн-Барр S15	100	Не является признаком инфекции
Дренаж - герпес простой тип 1	100	Не является признаком инфекции

Рис. 3. Реакция волонтера В., 75 лет на вирусные нагрузки после воздействия ИП-АТФ, (экспозиция – 2 мин.)

Выводы

1. Светодиоды могут быть использованы в качестве информационной профилактической и лечебной коррекции функционального состояния организма человека.
2. Возможно дистанционное использование ИП, не требующее обнаженных участков кожи. Дистанционное воздействие не зависит от характера одежды человека.
3. Эффективность ИП проявляется при использовании 2÷3-х минутной экспозиции.
4. ИП могут быть использованы как в плане профилактики, так в программах коррекции определенных патологических ситуаций.

Литература

1. J. Benveniste; P. Jurgens; W. Hsueh; J. Aissa (21–26 February 1997). "Transatlantic Transfer

of Digitized Antigen Signal by Telephone Link". Journal of Allergy and Clinical Immunology. 99 (1): S175. doi:10.1016/S0091-6749(97)81064-0.

2. В.М. Перельмутер, В.А. Ча, Е.М. Чупракова. Медико-биологические аспекты взаимодействия электромагнитных волн с организмом. Изд-во Томского политехнического университета, Томск, 2009. 128 с.
3. Жевнеров В.А., Шовкопьяс Ю.А., Шкундин С.З., Жевнеров Е.В., Гукасов В.М. Исследование особенностей формирования информационных образов лекарственных веществ // Медицина и высокие технологии. 2019. № 4, С. 42–47.
4. Жевнеров В.А. Мещеряков А.В., Боген М.М. и др. «Практическое применение дистанционного воздействия на функциональные резервы человека при помощи передачи информации, записанной на светодиодах», Образование и Право, № 11, 2019, с. 178–184
5. Шовкопьяс Ю.А., Гукасов В.М., Жевнеров В.А. К вопросу об информационных методах коррекции функционального состояния организма человека // Медицина и высокие технологии. 2019. № 1. С. 23–32

POSSIBILITY OF CORRECTION OF THE FUNCTIONAL STATE OF THE HUMAN BODY BY EXPOSURE TO INFORMATION IMAGES OF MEDICINES

Zhevnerov V.A., Zhevnerov E.V., Shkundin S.Z., Shovkoplyas Yu.A.

Peoples' Friendship University of Russia; National Research Technological University "MISiS"; NPO Telemetric Systems

The features of the impact of the radiation of LEDs carrying informational images of medicines on the functional state of the volunteers' organism have been investigated. The transfer of the informational image of medicines to LEDs was carried out by specialized certified electromagnetic devices of the "PHOENIX-M" series. Exposure to light-emitting diodes radiation was carried out on open areas of the skin and protected by an opaque cloth. The conducted experiments have shown the identity of the impact of information images and originals of medicines. When exposed to informational images of medicines, the appearance of allergies, overdose and other side effects is excluded, which determines the further prospects for using the proposed information technology for preventive and therapeutic correction of the functional state of the human body.

Keywords: transfer of informational action; informational image; energy meridians; LEDs; viruses; radiation.

References

1. J. Benveniste; P. Jurgens; W. Hsueh; J. Aissa (21–26 February 1997). "Transatlantic Transfer of Digitized Antigen Signal by Telephone Link". Journal of Allergy and Clinical Immunology. 99 (1): S175. doi: 10.1016 / S0091-6749 (97) 81064-0.
2. V.M. Perelmutter, V.A. Cha, E.M. Chuprakov. Biomedical aspects of the interaction of electromagnetic waves with the body. Tomsk Polytechnic University, Tomsk, 2009.128 p.
3. Zhevnerov V.A., Shovkoplyas Yu.A., Shkundin S.Z., Zhevnerov E.V., Gukasov V.M. Study of the peculiarities of the formation of information images of medicinal substances // Medicine and high technologies. 2019.No. 4, pp. 42–47.
4. Zhevnerov V.A. Meshcheryakov A.V., Bogen M.M. and others. "Practical application of remote influence on the functional reserves of a person through the transfer of information recorded on LEDs", Education and Law, No. 11, 2019, p. 178–184
5. Shovkoplyas Yu.A., Gukasov V.M., Zhevnerov V.A. On the question of information methods for correcting the functional state of the human body // Medicine and high technologies. 2019. No. 1. P. 23–32

Свойства темперамента мужчин, страдающих онкологическими заболеваниями

Габриянич Марк Александрович,

студент, Институт клинической медицины (лечебное дело),
ФГАОУ ВО «Первый МГМУ имени И.М. Сеченова» Минздрава
России (Сеченовский университет)
E-mail: G4ma@bk.ru

В статье исследуется вопрос особенностей темперамента мужчин, страдающих онкологическими заболеваниями. Внимание уделено изменениям в темпераменте мужчин до и после того, как пациент узнал о диагнозе. Рассмотрены ситуации, при которых мужской темперамент становится более выраженным на фоне онкологической проблемы или изменяется.

Также в статье раскрываются некоторые особенности отношения мужчин в тех или иных типах темперамента к проблеме злокачественной опухоли в целом. Было произведено исследование среди пациентов мужчин, страдающих онкологическим заболеванием.

Выявленные особенности темперамента у больных онкологическим заболеванием мужчин позволяют разработать подходящую программу психологической поддержки. Для страдающих онкологическими заболеваниями психологическая поддержка является критически важным фактором в условиях наличия существенных физиологических проблем. Также в статье уделено внимание вопросу особенностей каждого из темпераментов мужчин в контексте понимания, летального исхода от онкологического заболевания. Вывод сделан на основе анализа множества возможных ситуаций с учетом детального разбора, составляющих темперамента.

Ключевые слова: темперамент, онкологические заболевания, изменения темперамента, психологические переживания, свойства темперамента.

Научных специалистов в области медицины всегда интересовал вопрос связи между физическим и психическим состоянием человека. Многочисленные исследования направлены на выявление связей между различными психологическими особенностями человека и физиологическими процессами в организме. В научной литературе является доказанным положение о том, что такие связи существуют – можно привести простой пример психосоматических расстройств. Именно по этой причине интерес ряда специалистов направлен на исследование темперамента человека.

В частности, интересной темой является исследование особенностей темперамента мужчин, страдающих онкологическими заболеваниями. Этот вопрос важен не только с теоретической, но и с практической точки зрения, поскольку именно онкологические пациенты требуют существенной психологической поддержки, а для этого необходимо понимать не только особенности темперамента, но и возможных в нем изменений. Рассмотрим этот вопрос в ключе особенностей мужского темперамента при подобных болезнях.

Типы темпераментов

Как известно, существует четыре выраженных типа:

- Холерик;
- Флегматик;
- Сангвиник;
- Меланхолик.

Холерик представляет собой порывистую и эмоциональную личность, обладающую неусидчивым характером. Холерик постоянно в движении, ему не свойственно спокойствие, у него часто меняется настроение. Это наиболее активный типаж. Что касается онкологии, то холерик в этом случае может быть абсолютно непредсказуемым в плане психологического состояния и поведения.

Флегматик отличается медлительностью и практически полным отсутствием эмоций. Такой тип темперамента психологически устойчив, редко умеет переключаться с одного вида деятельности на другой, а также быстро реагировать на определенные ситуации. Флегматика очень сложно удивить, но при этом и очень сложно серьезно расстроить. В рамках исследуемого вопроса, флегматики могут довольно легко переносить заболевание.

Сангвиник является подвижным и активным, но не порывистым, как холерик. Это вполне уравновешенная личность, которая способна на проявление эмоций. Сангвиник легко переживает различные неудачи, в то же время искренне радуется своим успехам.

Меланхолик очень впечатлительный и ранимый. Он очень сильно переживает неудачи, причем даже вполне малозначительные. Это очень сдержанный тип личности, склонный к самоосуждению. У меланхоликов часто портится настроение, и редко бывает позитивным. Если говорить о конкретной проблеме болезни, то меланхолики переносят такие ситуации хуже всех остальных.

Следует помнить, что «чистые» варианты темперамента встречаются довольно редко. В подавляющем большинстве приведенные типы темпераментов смешиваются. Конкретный человек может иметь сразу несколько черт, необходимо заметить, что противоположные черты встречаются довольно редко. На нескольких примерах мы исследуем особенности каждого из темпераментов относительно мужчин, которые страдают от онкологических заболеваний.

Мужской темперамент и онкология

Онкологические заболевания, помимо своего физиологического вреда, являются очень сильным источником психологических травм, в частности, для мужчин. Психологические травмы обусловлены пониманием того, что в вопросе онкологических заболеваний присутствует большой процент смертности у пациентов, это может усугубить психологическое состояние пациента еще до начала лечения болезни. Еще одним фактором стресса у мужчин является локализация заболевания. Можно привести пример, рак желудка опасен и мужчина это понимает, но если взять в пример другое онкологическое заболевание такое, как злокачественные образования яичка, то оно будет приносить не только физические, но и серьезные психологические переживания.

Именно на этом фоне можно наблюдать, насколько тот или иной мужской темперамент может реагировать на подобные проблемы. Каждый из типов темперамента влечет за собой определенные мысли и действия со стороны мужчины, который страдает от онкологического заболевания.

Уравновешенные сангвиники довольно спокойно воспринимают существующую проблему, спокойно реагируют на новость о диагнозе. Мужчина-сангвиник является наиболее уравновешенным типом личности, которая имеет возможность без особых трудностей перенести даже такую болезнь, как рак. Речь идет, разумеется, не о физических, а о психологических переживаниях.

Сангвиники часто переносят болезнь с юмором – шутят над собой и над причиной недуга. Они могут принимать участие и даже создавать определенные сообщества для подобных больных с целью общения и обмена мнениями. Сангвиник

редко «уходит в себя», он открытый и позитивный. Впрочем, такому типу темперамента могут быть свойственны мысли о «загробной» жизни. В целом, даже при наличии определенных черт других типов темпераментов, сангвиники легче всего психологически переносят онкологические заболевания.

Флегматики вполне спокойно реагируют на такие диагнозы, как злокачественные образования. В отличие от сангвиников, они игнорируют опасность, чем понимают ее и стараются бороться. У мужчин данное проявление более выражено, чем у женщин, особенно если говорить о флегматиках. Такой типаж будет стараться жить обычной жизнью, может стать отрешенным, прервать контакты с близким окружением. Данному типу не свойственны черты меланхолика.

Флегматики переносят физические боли стойко, так как данный тип личности редко проявляет эмоции, причем не только для окружающих, но и для себя. Специалисты напоминают о прямой связи эмоционального состояния с физиологическим, поэтому флегматикам действительно легче переносить физическую боль. Они реже обращают внимание на внешние раздражители и не застревают на внутреннем состоянии. Это не означает, что данный тип темперамента не может испытывать психологические переживания – процесс психологических переживаний у них не ярко выражен.

Холерики, учитывая особенности их темперамента, очень бурно реагируют на проблему в положительном ключе. Другими словами, мужчины с данным темпераментом настроены бороться с проблемой решительно, используя все доступные возможности. Холерик будет открыто проявлять эмоции, когда будет чувствовать болезненные ощущения. Учитывая особенности онкологических заболеваний, мужчина с диагнозом рак, если говорить именно о холерике, может стать даже более активным, чем он был до диагноза.

Мужчина-холерик, страдающий от онкологического заболевания, может стать действительно невыносимым для окружающих. Это подмечено многочисленными специалистами, которые наблюдали больных с данным типом темперамента. Холерик может известить окружающих и причинить им боль своим поведением. Даже при наличии в характере такого мужчины спокойствия и рассудительности, на фоне понимания безысходности заболевания темперамент даст о себе знать.

Самым впечатлительным типажом в плане темперамента будет меланхолик. Данный тип темперамента проявляется мужчинах более ярко чем в женщинах, особенно если речь идет о проблемах со здоровьем, тем более о таких серьезных, как онкология.

Меланхолик будет страдать не только физически, но и психологически. Ситуация усугубляется психосоматическими расстройствами, которые

причинают большие беспокойства пациенту. Думая о своей болезни, переживая ее, мужчина еще больше причиняет себе боль, особенно если был поставлен диагноз злокачественная опухоль половых органов. Специалисты утверждают, что именно среди мужчин с таким темпераментом наблюдается резкий прогресс заболевания и очень высокая смертность.

Свойства темперамента мужчин, страдающих онкологическими заболеваниями, в плане изменения типа темперамента

Сформированный темперамент человека может незначительно меняться. Как правило, такие изменения происходят с изменением периода жизни: молодость, взросление, пожилой возраст. Но также на изменения темперамента могут влиять серьезные стрессовые ситуации. Злокачественная опухоль является таким фактором, после которого темперамент мужчины может измениться. Наблюдения показали, что данное явление среди пациентов-мужчин происходит часто на фоне болезней и переживаний, связанных с ними. Причем бывают и довольно кардинальные изменения темперамента. Наиболее свойственно это тем мужчинам, которые имели ярко выраженные черты доминирующего темперамента.

Известно множество случаев, после того как мужчина с доминирующим темпераментом – сангвиник, узнав диагноз об онкологическом заболевании, менял свой темперамент на темперамент флегматика.

Это свойственно тем типажам, которые отличаются наличием признаков нескольких типажей темперамента, причем, как уже отмечалось ранее, таких людей большинство. Что касается именно пациентов мужчин, то даже сильный человек с волевым характером может в процессе психологических переживаний на фоне онкологической болезни принимать меланхоличные качества темперамента.

Следует отметить тот факт, что смешение типов темперамента бывает только со схожими темпераментами. Например, черты холерика не смешиваются с чертами меланхолика, поскольку они кардинально противоположны. Отмечено, что выраженные мужчины-сангвиники довольно легко переносят психологические переживания на фоне онкологических заболеваний, но одновременно с этим, данный тип темперамента может уступать схожим типам темперамента.

Свойства темперамента мужчин, страдающих онкологическими заболеваниями, в большинстве случаев отличаются изменчивостью. В зависимости от течения болезни темперамент может проявляться в той или иной степени по-разному, поскольку мужская сущность не допускает проявления явной слабости и для мужчины подобные проблемы являются сильным стрессом. Каждый переносит такой стресс индивидуально.

Для чего важно понимание свойств мужского темперамента в период болезни

Данный вопрос важен для всех пациентов, страдающих от онкологии. Если говорить о мужчинах, то для них важно не само внимание, а признание того, что он страдает, но «по-мужски». Даже меланхолику свойственно ожидать такого признания, хотя холерик в этом плане может быть исключением.

Психологическая поддержка больных онкологическими заболеваниями выходит на новый уровень. Злокачественные опухоли научились лечить, либо же, по крайней мере, снижать страдания и поддерживать функционал организма. Если говорить именно о мужчинах, то им действительно необходимо признание их силы и стойкости – это дает внутреннюю поддержку. Признание отдельно для каждого темперамента должно быть своеобразным, для этого необходимо понимать, насколько те или иные черты выражены у определенного человека.

Следует отметить, что лечение онкологических заболеваний не является гарантией выздоровления. Также не все мужские типы темпераментов верят в результат терапии или предпочитают лечиться. При этом определенные изменения в типаже темперамента могут изменить подход к лечению пациента.

Таким образом можно обозначить тот факт, что основной целью анализа подобных ситуаций является определение того, насколько активную или пассивную позицию занимает мужчина, страдающий онкологическим заболеванием. Выявление темперамента пациента мужчины дает возможность подобрать оптимальную тактику психологической поддержки, что, в свою очередь, поможет в лечении онкологического заболевания.

Литература

1. Мерлин В.С. Психология индивидуальности. Воронеж, 2005.
2. Досталова О. Как сопротивляться раку / Пер. с чешского Н. Антошинцевой. СПб, 1994
3. Чулкова В.А. Совершенствование методов реабилитации онкологических больных. М., 2006.
4. Батрашев А.В. Диагностика темперамента и характера. СПб, 2013.

PROPERTIES OF THE TEMPERAMENT OF MEN SUFFERING FROM CANCER

Gabriyanchik M.A.

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University)

The article examines the issue of the characteristics of the temperament of men suffering from cancer. Attention is paid to changes in the temperament of men before and after the patient learned about the diagnosis. Situations in which male temperament becomes more pronounced against the background of an oncological problem or changes are considered.

Also, the article reveals some features of the attitude of men in certain types of temperament to the problem of malignant tumors in general. A study was conducted among male patients with cancer.

The revealed features of temperament in men with cancer make it possible to develop a suitable program of psychological support. For cancer sufferers, psychological support is critical in the face of significant physiological problems. Also, the article focuses on the issue of the characteristics of each of the temperaments of men in the context of understanding, death from cancer. The conclusion is made on the basis of an analysis of many possible situations, taking into account a detailed analysis of the components of temperament.

Keywords: temperament, oncological diseases, changes in temperament, psychological experiences, properties of temperament.

References

1. Merlin V.S. Psychology of individuality. Voronezh, 2005.
2. Dostalova O. How to resist cancer / Trans. from the Czech by N. Antoshintseva. St. Petersburg, 1994
3. Chulkova V.A. Improvement of methods of rehabilitation of oncological patients. M., 2006.
4. Batrashev A.V. Diagnostics of temperament and character. St. Petersburg, 2013.

Идентичность и психологическое благополучие как предикторы развития ролевого конфликта женщин

Ключник Юлия Сергеевна,

студент, Департамент психологии и образования,
Школа искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный
федеральный университет
E-mail: klujulis@gmail.com

Статья посвящена комплексному исследованию феномена межролевого конфликта работающих женщин в контексте рассмотрения структурно-содержательных особенностей предопределяющих причин его возникновения. Выборку составили 77 женщин в возрасте от 23 до 60 лет, занятых в различных сферах деятельности. Основное внимание уделено эмпирическому анализу следующих критериев: уровень межролевого конфликта (высокий – средний-низкий); гендерная идентичность (маскулинность-андрогиния-фемининность); профессиональная идентичность (преждевременная-диффузная-мораторий-достигнутая-псевдопозитивная); психологическое благополучие (положительные отношения, автономия, управление окружением, личностный рост, цели в жизни, самопринятие). Наряду с этим, учтены также и демографические характеристики испытуемых: семейное положение, количество детей, стаж рабочей деятельности. При помощи факторного анализа выделено 4 компонента, отвечающие за формирование ролевого конфликта – осмысленность и наполненность жизни, профессиональная компетентность, семейная реализация, самостоятельность.

Ключевые слова: ролевой конфликт, гендерная идентичность, профессиональная идентичность, психологическое благополучие, женщины.

Введение

В России женщины составляют значительную часть экономического активного населения. Однако при этом зачастую женщины также в большей степени вовлечены в семейные обязанности. Совмещение работы и семьи, как основная причина ролевого напряжения, – действительность, которую нельзя игнорировать или разрешать исключительно социально-экономическим способом [3]. В соответствии со множеством исследований, человек проводит на рабочем месте ~ 90000 часов в течение всей жизни [1]. Однако, семейная область требует не меньше, а порой в разы больше уделенного времени. В ситуации несогласованного совмещения ролей возникает ролевая перегрузка, напряжение и конфликт. Тем самым, индивид сталкивается с противоречащим множеством требований: рабочая сфера (сотрудник) – встречает порицания, а не поощрения, семейная сфера (супруг/родитель) – не находит должного отклика и поддержки, в то время как личностная сфера оказывается нереализуемой из-за множественного выполнения функций в иных областях [6].

Зачастую авторы связывают возникновение РК с рядом факторов: предьявление несовместимых извне экспектаций относительно ролевого поведения личности (Ерина С.И.) [5]; неудовлетворённость семейными отношениями и профессиональными достижениями (Лекторская Е.В., Алешина Ю. Е) [7], противоречия между преподаваемыми требованиями и возможностями индивида (Гришина Н.В.) [4]; одобрение/неодобрение исполняемой ролью со стороны окружающих (Андреева Г.М) [2].

Таким образом, необходимо более детальное изучение структуры индивидуально-субъективных черт личности и общественных конструктов, опосредующих взаимодействие между социумом и индивидом при исполнении последним предписанных ему правил. Что в дальнейшем даст возможность женщине при решении своих проблем опираться на собственные ресурсы, а не зависеть от других, быть активным субъектом своей деятельности

Материалы и методы

Выборку составили 77 работающих женщин в возрасте от 23 до 60 лет (средний возраст – 39,961) – этап «средней зрелости». Учтены следующие демографические характеристики:

1. Семейное положение (69% – замужем, 13% – разведены, 11% – не замужем, 6% – иная категория);
2. Количество детей (5% – 0, 36% – 1, 46% – 2, 13% – 3 и более).

Используемый психодиагностический инструментариум: полоролевой опросник С. Бем; questionnaire «Work-family conflict» (H. Divna, F.A. Morawska, A. Sanders, R. Matthew, F. Renee); методика изучения профессиональной идентичности (МИПИ) Шнейдер Л.Б.; шкала психологического благополучия Рифф К. (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко).

Результаты

В ходе проведенного исследования нами были выявлены различные уровни выраженности межролевого конфликта работающих женщин, их гендерной и профессиональной идентичностей, а также получен общий показатель психологического благополучия с включением шкал оценок.

Прежде всего, нельзя не отметить распространенность поднятой нами проблемы. В частности, больше трети испытуемых (39%) имеют средний уровень ролевого конфликта при совмещении нескольких видов деятельности. В то время как 15% от общей выборки обладают высоким уровнем и сообщают о наличии затруднений, возникающих при соблюдении баланса между деловой и личной жизнью. Показатель низкого уровня ролевого конфликта, составляющий чуть менее половины опрошенных – 46%, дает основание говорить о конгруэнтности семьи и самореализации работающих женщин. Приведенные ниже диаграммы позволят наиболее наглядно представить результаты и ознакомиться с конфликтующими средами личности – будь то рабочая, семейная или сфера самореализации (рис. 1).

1. Моя работа не позволяет проводить мне достаточно времени с семьей; 87% ответов

Рис. 1. Утверждение методики «Work and family conflict»

Во-первых, высказывание «Моя работа не позволяет проводить мне достаточно времени с семьей» встретило максимально возможный отклик среди опрошенных – выражения равнодушия «ни согласен, ни не согласен» – высказано не было. При этом процент, в той или иной мере согласившихся респонденток, составил 66,6% (2/3 опрошенных) – все это дает основание полагать, что рабочие обязанности действительно занимают большую часть дня, санкционируя шансы взаимодействия с членами семьи в силу ряда причин: график, формат занятости (удаленно, совмещение) и пр. (рис. 2).

2. В конце дня у меня не остается времени делать то, чем я хотела бы заняться дома (например, досуг и увлечения); 87% ответов

Рис. 2. Утверждение методики «Work and family conflict»

Во-вторых, аналогичным образом представлено и следующее высказывание: «В конце дня у меня не остается времени делать то, чем я хотела бы заняться дома (например, досуг и увлечения)». Лишь 36,7% опрошенных выразили свое несогласие по данному вопросу, в то время как больше половины работающих женщин, а именно – 62,1% сообщают о наличии затронутой проблемы. Сместе судить, что на формирование данного явления оказывают влияние следующие факторы:

1. Объем работы (высокая информационная нагрузка, давление времени);
2. Множественная занятость, выражающаяся в выполнении ежедневных рутинных забот (ведение быта, исполнение должностных инструкций);
3. Статус одного из/основного кормильца;
4. Эмоциональные затраты (истощение, выгорание).

Обратим внимание, что влияние работы на семью менее выражено, но тем не менее подлежит тщательному рассмотрению (табл. 1).

Таблица 1. Показатели опросника «Work-family conflict»

Высказывание	Количество согласившихся	Кол-во не согласившихся
Если бы у меня не было семьи – я был бы лучшим работником	20 чел. (26%)	53 чел. (69%)
Работа часто делает меня вспыльчивым и раздражительным дома	35 чел. (45%)	41 чел. (53%)
Моя работа негативно влияет на мою жизнь	28 чел. (36%)	46 чел. (60%)

Как было сказано ранее – негативно-аффективное подкрепление играет важную роль в формировании ролевого конфликта, так как голоса опрошенных воедино разделились на диаметрально противоположные полюса с небольшим преобладанием отрицательного из них (2% остались нейтральны в этом вопросе). Работу как наличие деструктивного факта рассматривают больше трети опрошенных. Равно как четверть женщин – переживание сожаления об упущенных карьерных высотах – 26%.

В результате исследования психологического пола по методике «Bem Sex Role Inventory», именуемой как «Полоролевой опросник» был выявлен преобладающий андрогинный тип (63 испытуемых), что составляет 81% от общей выборки.

Относительно показателей «крайних» величин, которые воспринимаются не как противоположные полюса одномерного континуума, а скорее независимые конструкты – в них имеет место неравномерное распределение данных. В частности, маскулинность представлена лишь одной респонденткой и составляет 1% всего числа опрошенных. В то время как феномен фемининности отметил большую встречаемость – 14 опрошенных, сформировав буквально одну пятую от всей совокупности (18%). Данные результаты полностью соответствуют условию, при котором гендерная типизированность как правило, не превышает 20% встречаемости в выборках. Следовательно, для данной выборки чаще предпочтительна андрогиния – сочетание в поведении маскулинности и фемининности, обеспечивающее испытуемым большие возможности социальной адаптации, то есть являющееся для них наиболее удобной и приемлемой «формой образа действий». Так же нельзя не отметить наличие большого количества универсальных характеристик, присущих респонденткам, таких как: трудолюбие, честность, организованность, справедливость. Которые, как следствие, трансформируют дихотомию «мужественности» и «женственности».

В свою очередь, в методике профессиональной идентичности репрезентативно представлены 5 статусов принадлежности к определенному сообществу (рис. 3).

Рис. 3. Распределение выборки по типам профессиональной идентичности по методике «МИПИ» Шнейдер Л.Б.

Исходя из данных, полученных по МИПИ, отметим наименьшую распространенность (3,8%) категории «преждевременная идентичность», характерными чертами которой являются: не пережитый кризис идентичности, неудовлетворенность избранной специализацией. Как правило, возникает в тех случаях, когда субъект не в полной мере определяет стратегии независимых жизненных выборов, скорее, выступает вариантом навязанной идентичности, формируемым по механизму подражания более значимым личностям. Однако несмотря на то, что профессиональная идентичность в целом должна сформироваться к 30–35 годам, женщины в рассматриваемой группе находились в возрастном диапазоне 46–53 лет. Данный феномен скорее всего является исключением

из правил, нежели статистической закономерностью.

Диффузная идентичность, подразумевающая отсутствие сформированных профессиональных ценностей, целей и убеждений встречена у 7,8%. Зачастую, данная категория наблюдается у студентов и молодых специалистов, что можем отметить и в нашей выборке. Как правило связана с поиском, неполной выработкой идеологии, четких принципов и взглядов, а также нехваткой четко выраженных амбиций касаясь рабочей сферы.

Четверть опрошенных (25,9%) обладает статусом, названным «мораторий», при котором человек находится в состоянии кризиса идентичности и активно пытается разрешить его, пробуя различные варианты. Несмотря на то, что данный тип (как и два предыдущих) в большинстве своем присущ периоду ранней юности, наша выборка не встретила подобных совпадений. В частности, многие работающие женщины находятся в возрастном диапазоне ($M = 43,6$; $\sigma = 10,9$). При этом у большинства испытуемых данной группы рабочий стаж составляет от 15 до 35 лет, а наибольшую распространенность приобретают сферы образования/преподавания и медицины.

Во-первых, в сферах типа «человек-человек» подвергает женщин большему выгоранию, вызывая кризис идентичности, а следовательно – желание сменить область специализации. При этом, важно учитывать и стаж, который принимает значения, равные двум-трем и более десятилетиям (табл. 2). Во-вторых, нетипичная полоролевая область (выступающая традиционно мужской) профессиональной деятельности (правоохранительная, МВД и т.д.) отличается авторитарностью начальства, строгостью, неукоснительностью следования приказам, а также ранним выходом на пенсию. В частности, последний фактор (при его исполнении) может подрывать уверенность в завтрашнем дне, вызывая переживания по поводу прерывания привычной рабочей деятельности. В-третьих, настолько высокий процент может быть сопряжен с личностными кризисами – переживание «середины жизни», выражающееся в конфликте противоречий между чувством стабильности и сомнением в реализации предназначения и собственного потенциала.

Таблица 2. Показатели сферы деятельности и стажа работающих женщин в статусе «Мораторий»

Стаж	Сфера деятельности	Стаж	Сфера деятельности
18 лет	МВД	19 лет	Педагогическая
30 лет	Госслужба	16 лет	Медицина
15 лет	ИП	20 лет	Медицина
22 лет	Преподаватель	26 лет	Преподаватель
35 лет	Образование	17 лет	Мясная промышленность
40 лет	Правоохранительная	25 лет	Энергетика

Несмотря на убеждения о том, что «достигнутая» профессиональная идентичность должна наличествовать у большинства испытуемых выборки, полученные нами результаты утверждают обратное. Лишь 19,4% обладают данным типом. Чувство осмысленности и направленности жизни, складывающееся из: совокупности существенных ценностей, комплекса целей, идей и убеждений, возникающих внутри личности. Критериями выступают: самоотношение со знаком «+» (при оценке субъективных характеристик и при общении с социумом); определенность жизненной ситуации; урегулированный механизм обособления; повышенная рефлексия вкупе с уверенностью в себе при высокой внутренней напряженности.

Одним из главных открытий можем по праву считать процент «псевдопозитивной» идентичности респонденток, равный 44,5%. С одной стороны, данная категория может соотноситься с неприятием, отвержением собственной уникальности. Либо же, с другой стороны, рассматриваться как нарочитое подчеркивание своей самобытности. При этом возможны проявления ригидности Я-концепции, болезненность восприятия критики в свой адрес, низкая рефлексия. В некоторых вариантах псевдоидентичность допускается интерпретировать как гиперидентичность в силу всеобъемлющей интернализации статусом, ролью, занятостью, иным объектом или субъектом, при высоко положительном оценивании имеющихся качеств, стремлении добиться желаемого любыми способами.

Необходимо добавить сравнение результатов как по общему уровню выраженности психологического благополучия, так и по шкалам. Практически половина (48%) работающих женщин обладают средним уровнем психологического благополучия. Помимо этого, свыше трети опрошенных (35%) отличаются высоким уровнем, выражающимся в переживании счастья и удовлетворенности от экзистенциальной наполненности жизни. Лишь 17% имеют низкий уровень, проявляющийся в фрустрированности личности с присущей ей дезорганизацией гармонии внутреннего мира с окружающей средой, а также нарушением равновесия между отдельными компонентами личностного «я».

Наиболее подробному анализу подлежат шкалы данной методики, приведенному ниже (табл. 3).

В соответствии с таблицей нормативных значений, свойственных данной методике, можем отметить, что абсолютное число всех опрошенных находится в «зоне нормальности».

Однако, стоит обозначить различия выраженности шкал в сравнении двух групп работающих женщин. Подчеркнем, что средний возраст работающих женщин, участвовавших в исследовании, составляет ~ 40 лет, поэтому больший акцент в интерпретации сделан на данной категории. Существенно то, что показатели по первой триаде критериев: «положительные отношения», «автономия» и «управление средой» возрастают в те-

чение жизни. Здесь наиболее заметна становится разница в переносе фокуса с внутренней направленности на внешнюю – обширность социальных взаимодействий, которыми «обрастает» человек в течение жизни; возможность избрания осознанной обособленности без ущемления качества коммуникации. Обратным образом обстоит ситуация у возрастной группы 20–35 лет – начальные значения по шкале «положительные отношения» установлены в границе 47,1, в то время как, следуя нормативным значениям, должны находиться на уровне 56,72.

Таблица 3. Показатели средних значений и стандартного отклонения для двух групп женщин по методике психологического благополучия

Шкала	Женщины (20–35 лет)		Женщины (35–55 лет)	
	М	σ	М	σ
Положительные отношения	56	8,9	60,73	9,97
Автономия	57,3	7,11	59,77	7,41
Управление средой	58,2	6,74	60,56	7,14
Личностный рост	63,4	5,56	61,52	8,73
Цели в жизни	64,6	7,93	63,8	7,02
Самопринятие	60,1	7,51	59,52	8,31
Психологическое благополучие	358,6	32,6	365,93	35,37

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что в соответствии с табличными данными лишь одна шкала «управление средой» должна иметь тенденцию к повышению с возрастом (М = 58, σ = 7,35) – для первой возрастной группы, (М = 59, σ = 8,32) – для второй, что наблюдается и в нашей выборке и связано с проживанием опыта, способностью создания должных обстоятельств и условий, приобретением навыка координирования окружением и контроле внешней деятельности.

Среди количественного увеличения первой половины шкал психологического благополучия, заметно и угасание триады «личностный рост», «цели в жизни», «самопринятие», что является закономерным и переживается личностью (в той или иной степени) как ощущение неполной реализованности запланированного: перераспределение перспектив, определяющих векторы жизни; неспособность изменчивости привычного поведения.

Ввиду большого наличия переменных, было принято решение о проведении факторного анализа с применением программы SPSS Statistics. Согласно критерию адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина (КМО), свойственному нашей выборке и равному 0,682, можем сделать вывод о приемлемой адекватности использования данного метода в исследовании. При этом уро-

вень значимости (0,000) удовлетворяет $p < 0,05$ и подчеркивает достоверную применимость факторного анализа. Выделение значимых факторов проводилось с использованием метода главных компонент. Согласно графику «каменистой осыпи» и проценту объясненной совокупной дисперсии (69,173%) было принято решение остановиться на факторах в количестве четырех. В дальнейшем, с целью минимизации факторов, объясняющих переменных (сгенерирования объяснимой матрицы нагрузок), производился факторный анализ по алгоритму ортогонального метода вращения варимакс.

Для наглядности интерпретации факторы, в количестве четырех, приняли названия (табл. 4):

1. Осмысленность и наполненность жизни;
2. Профессиональная компетентность;
3. Семейная реализация;
4. Самостоятельность.

Таблица 4. Сводная таблица значимых показателей матрицы факторов

Фактор	Уровень объясненной дисперсии
Осмысленность и наполненность жизни	
Управление средой	0,827
Цели в жизни	0,809
Ролевой конфликт	-0,794
Самопринятие	0,763
Личностный рост	0,674
Положительные отношения	0,633
Профессиональная компетентность	
Стаж	0,925
Возраст	0,919
Сфера деятельности	0,731
Семейная реализация/материальное обеспечение	
Профессиональная идентичность	0,71
Количество детей	0,546
Семейное положение	0,498
Личностный рост	-0,44
Самостоятельность	
Гендерная идентичность	-0,863
Автономия	0,537
Ролевой конфликт	-0,412

Так как в данной работе рассматривается ролевой конфликт в контексте гендерной и профессиональной идентичностей, то в нижеприведенных факторах можем отметить наличие каждого из рассматриваемых аспектов. Кроме этого, нами вынесены лишь значительные показатели ($\geq 0,5$) без учета минимальных полученных значений.

В частности, первый из них был назван «осмысленность и наполненность жизни» из-за сочетания наибольшего количества шкал психологи-

ческого благополучия, выражающих актуальную степень удовлетворенности жизнью. Иными словами, для предупреждения возникновения ролевого конфликта у личности должны быть, в первую очередь, налажены сферы «управление средой» и «цели в жизни», получившие наибольшие коэффициенты – 0,827 и 0,809 соответственно. То есть, при успешном администрировании обстоятельствами, к которым индивид прикладывает усилия, удовлетворяются личные потребности и достигаются поставленные цели. Что, в свою очередь, не мыслится без доверительных межличностных взаимодействий с включением чувства привязанности, взаимовыручки и сопереживания – подтверждено критерием «положительные отношения» (0,633). Касаясь «осмысленности» жизни – аспекта внутреннего мира человека – шкалы «самопринятие» (0,763) и «личностный рост» (0,674) выражают ощущение непрерывного субъективного развития вкупе с осознанием имеющихся сильных сторон и недостатков без оглядки на неудачи прошлого, а лишь с позитивным восприятием будущего.

Во второй фактор, обозначенный нами как «профессиональная компетентность», входят взаимосвязанные показатели стажа, возраста и сферы деятельности. При этом стаж является предопределяющим (0,925) и обнаруживает взаимосвязь с возникновением РК. Иными словами, чем больше выработка женщины – тем больше шанс возникновения рассогласования. При этом, при увеличении возрастного диапазона возрастает и множественность сфер деятельности личности (0,919 и 0,731 соответственно). А профессиональная идентичность, при ее минимальных значениях, оказывает наибольшее отрицательное влияние на рабочую область личности.

В частности, в третьем аспекте, занимающем промежуточное положение, превалирующей выступает профессиональная деятельность (0,71). Женщина, являясь квалифицированным специалистом в избранной сфере деятельности, пытается обеспечить своей семье должное существование и создать комфортные условия для жизнедеятельности (наравне с супругом или единолично). Подкрепляется данное предположение связью с «семейным положением» (0,498) и «количеством детей» (0,546). С одной стороны, женщина может затрудняться в выборе между двумя важнейшими сферами, вследствие чего, концентрируя внимание и прикладывая силы лишь к обретению стабильного заработка, происходит истощение внутренних ресурсов, потенциально предназначенных для большего карьерного становления и личностного роста (-0,44). При этом, возможно и наличие явления, названного в литературе как «конфликт боязни успеха» – феномен, при котором женщины склонны избегать покорения профессионально-достигаемых высот в силу боязни утратить женственность.

В свою очередь, на четвертый фактор, носящий название «Самостоятельность» влияют пока-

затели гендерной идентичности (-0,863), автономии (0,537) и ролевого конфликта (-0,412). Исходя из которых, по мнению автора, выявляется закономерность: чем ниже гендерная идентичность, тем больше у женщин наличествует преобладание черт автономии, выражающееся в собственной регуляции поведения вне зависимости от мнения окружающих, суверенном проживании стрессовых жизненных моментов, несении ответственности за принятое решение

При этом, необходимо подчеркнуть наличие такого критерия как «социальные взаимодействия», который находит отражение в каждом из обозначенных компонентов. Несмотря на факт отсутствия значительных взаимосвязей, отметим его наличие выраженностью шкалы «позитивные отношения» в каждом из факторов («профессиональная компетентность» – 0,219; «семейная реализация/материальное обеспечение» – 0,388; «самостоятельность» – 0,327).

Выводы

Таким образом, нарушение равновесия между исполняемыми ролями отметила половина испытуемых. Большинству из них присуща андрогиния, а также тип псевдопозитивной идентичности. Стаж и сфера деятельности обнаруживают прямую взаимосвязь с формированием ролевого конфликта (по причинам – нетипичная полоролевая деятельность, эмоциональное выгорание и пр.). Количество детей не встретило влияния ни на одну из рассматриваемых черт. Можем предположить, что для «идеального» соблюдения баланса личной и деловой сфер женщины, необходимо соблюдать процентное соотношение каждого из компонентов. Так, выявленные 4 фактора: осмысленность и наполненность жизни, профессиональная компетентность, семейная реализация, самостоятельность должны быть соразмерны равны и составлять по 25% каждый. При отклонении в большую или меньшую из сторон, может происходить нарушение привычного гомеостатического состояния и возникновение конфликта между ролями. При этом необходимо выделить аспект «социальные взаимодействия», но не в качестве самостоятельной единицы, а как характеристику, участвующую в каждом из вышеперечисленных разделов.

На основе полученных результатов, дальнейшему изучению подлежат стратегии по уменьшению ролевого напряжения работающих женщин.

Литература

1. Pryce-Jones J. (2010). Happiness at work: Maximizing your psychological capital for success. Wiley-Blackwell.
2. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специаль-

ности «Психология» // Москва: Аспект Пресс, 2017. – 363 с.

3. Гаврилица О. А Ролевой конфликт работающей женщины / дис ... канд-та психол. наук: 19.00.05. – Москва, 1998. – 185 с.
4. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
5. Ерина С.И. Ролевой конфликт и его диагностика в деятельности руководителя: Учеб. пособие / С.И. Ерина; М-во образования Рос. Федерации. Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2000. – 107.
6. Кошелева Ю.П. Теоретические подходы к ролевому поведению и межролевой конфликт / Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. Вып. 1 (790). – 2018. – С. 132–152.
7. Кулагина Н. В. – Внутрличностный гендерный конфликт профессиональной роли у работающих мужчин и женщин: состояние проблемы и некоторые пути её решения // Психолог. – 2013. – № 2. – С. 138–228.

IDENTITY AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AS PREDICTORS OF THE DEVELOPMENT OF WOMEN'S ROLE CONFLICT

Kluchnik Ju.S.
Far East Federal University

The article is devoted to a comprehensive study of the phenomenon of inter-role conflict in working women in the context of considering the structural and content features of the predetermining causes of its occurrence. The sample consisted of 77 women aged 23 to 60, employed in various fields of activity. The main attention is paid to the empirical analysis of the following criteria: the level of inter-role conflict (high – medium-low); gender identity (masculinity-androgyny-femininity); professional identity (premature-diffuse-moratorium-achieved-pseudo-positive); psychological well-being (positive relationships, autonomy, environmental management, personal growth, goals in life, self-acceptance). Along with this, the demographic characteristics of the subjects were also taken into account: marital status, number of children, work experience. Using factor analysis, 4 components were identified that are responsible for the formation of role conflict – meaningfulness and fullness of life, professional competence, family realization, independence.

Keywords: role conflict, gender identity, professional identity, psychological well-being, women.

References

1. Andreeva G.M. Social Psychology: Textbook for Students of Higher Education Studying in Psychology // Moscow: Aspect Press, 2017. – 363 p.
2. Erina S.I. Role Conflict and its Diagnosis in Manager's Activity: Textbook / S.I. Erina; Ministry of Education of the Russian Federation. Federation. Yaroslavl State University. P.G. Demidov. – Yaroslavl: Yaroslavl State University. 2000. – 107 p.
3. Gavrilitsa O. A Role Conflict of a Working Woman / Ph. Candidate of Psychological Sciences: 19.00.05. – Moscow, 1998. – 185 p.
4. Grishina N.V. Psychology of Conflict. Saint-Petersburg: Peter, 2008. – 544 p.
5. Kosheleva Y.P. Theoretical approaches to role behavior and inter-role conflict / Vestnik MGLU. Education and Pedagogical Sciences. Issue. 1 (790). – 2018. – P. 132–152.
6. Kulagina N. V. – Intrapersonal gender conflict of professional role in working men and women: state of the problem and some ways to solve it // Psychologist. – 2013. – № 2. – P. 138–228.
7. Pryce-Jones J. (2010). Happiness at work: Maximizing your psychological capital for success. Wiley-Blackwell.

Развитие представлений о явлении деструкции в западноевропейской философской мысли докантовского периода

Беломыцев Арсений Анатольевич,

начальник отдела профилактики экстремизма
Управления мониторинга состояния межнациональных
и межконфессиональных отношений, профилактики
экстремизма и взаимодействия с религиозными
объединениями; соискатель ученой степени кандидата наук
кафедры философских наук Московского государственного
лингвистического университета
E-mail: abelomycev@mail.ru

Часть процессов, сопровождающих трансформацию российского общества, в современных общественных науках характеризуется в качестве «деструктивных». При этом понятие «деструкции» не всегда определяется строго, зачастую сама оценка «деструктивности» носит скорее эмоциональный, нежели рационально-дискурсивный характер. Ввиду недостатка адекватного теоретического (прежде всего, философского) осмысления данного явления, возникает потребность диахронного анализа представлений о деструкции, а также категориях ее модальности. В данной статье проанализирован имплицитный период развития представлений о деструкции, выявлена необходимость смещения исследовательских установок при рассмотрении философских учений докантовского периода. Теоретические выводы, полученные в результате исследования, могут выступать в качестве основы для дальнейшего развития прикладных аспектов концепции социальной деструктивности.

Ключевые слова: деструктивность, социальная деструкция, деструктивные процессы, социальная энтропия.

Вопросы развития и становления представлений о «деструктивном», а также философской концептуализации понятия «деструктивности» рассматривались рядом отечественных исследователей, среди которых следует выделить Г.А. Борисову, С.А. Колесникова, А.А. Трошина, Н.В. Трошину, Е.В. Сатыбалову, П.Е. Суслонова, Н.В. Цойлик. Вместе с тем лишь в монографии С.А. Колесникова «Деструктивность: аспекты философско-культурологических интерпретаций» предпринята попытка систематического разбора этапов становления представлений о «деструктивном». Автор заимствует определение деструктивности, понимаемой как «действие, главной целью которого является нарушение, ослабление, разрушение или уничтожение чего-либо созидательного, а также создание и усиление негативных явлений и процессов в человеке, семье, обществе и природе» [1]. Относительно широкая предметная область, включаемая в содержание понятия деструкции, призвана, по-видимому, включить в объем понятия исторически предшествующие аспекты понимания «деструктивного», а также привлечь к рассмотрению смежные явления в диахронном срезе.

С.А. Колесников, выделив морально-этическую, сегрегационную, синтетическую, полидоминантную и дезартикуляционно-реконструктивную стадии генезиса феномена деструктивности, приходит к выводу о необходимости выработки нового синтетического подхода к решению проблемы деструктивности. Автор в целом подвергает критике общеевропейскую «сегрегационную» направленность в осмыслении данного понятия, акцентируя внимание на непродуктивности аналитических подходов мыслителей Нового времени, направленных на преодоление феномена деструкции [2].

Вместе с тем С.А. Колесников утверждает, что, несмотря на возникновение первых коннотаций деструктивности в контексте морально-аксиологических норм, лишь относительно трудов И. Канта правомерно говорить о начале процесса конкретизации параметров деструктивности. Соглашаясь с тем, что данные интуиции присутствовали на протяжении всей истории философии, докантовский период формирования представлений о «деструктивном» автор характеризует как «афазийный», не подкрепляя свои выводы соответствующей аргументацией.

В работах других исследователей специальный анализ исторического развития представлений о «деструктивном», охватывающий период до экспликации данного понятия в рамках психоаналитического направления в психологии XX века, также не производился. В некоторых работах титульный лист лишь косвенно соответствует содержанию (как, например, в монографии М.В. Пугацкого «Философские аспекты преодоления социальной деструктивности», касающейся пограничных состояниях человека и социума, где тождественность между анализируемыми состояниями и социальной деструктивностью, по всей видимости, очевидна лишь автору).

Задача данного исследования состоит в освещении, с нашей точки зрения, наиболее значимых этапов развития представлений о явлении деструкции в истории западной философии, а также выявлении их основных характеристик.

Анализ развития представлений о феномене деструкции в европейской философской мысли следует начать с концептуального определения понятия «деструктивности», а также смежных с ним. Далее данные понятия будут операционализированы путем обращения к релевантным элементам каждой из рассматриваемых философских систем.

В соответствии с Социологическим энциклопедическим словарем, деструкция (от лат. *destructio* – разрушение) – это разрушение существующей структуры системы, явления, процесса, приводящее к утрате их функций [3]. Семантически близким понятию деструкции выступает понятие социальной дезинтеграции (франц. *disintegration* – распад, расщепление), определяемое в данном словаре как «процесс распада внутренней структуры социальной группы или социальной системы»; в Социологическом словаре издания 2008 г. содержание данного понятия представлено как «процесс распада социальных структур и целостных социальных систем [4]».

В области аксиологии к понятиям деструкции и дезинтеграции тесно примыкает представление о зле. В соответствии с Новой философской энциклопедией, зло – это универсалия культуры, охватывающая негативные состояния человека (старение, болезнь, смерть, нищета, униженность) и силы, вызывающие эти состояния (природные стихии, общественные условия, деятельность людей) [5]. В процессе развития философской мысли определялся генезис деструктивных сторон действительности, степень их опасности, а также способы нейтрализации, заключающиеся в попытках выработки антидеструктивных моделей и стратегий.

Забегая вперед, заметим, что ходе дифференциации культуры в первоначально едином понятии зла постепенно выявляются различные планы, которые могут быть условно определены как космический, социальный и этический. Рассмотрим последовательно представления о «разрушительном» в западноевропейской философской мысли, начиная с периода ее зарождения.

В центре внимания философов античности в первую очередь оказался вселенский аспект понятия зла, понимаемый как все пронизывающий метафизический «вред», как зло космического порядка. Так, Гераклит Эфесский и Эмпедокл из Агригента полагали, что «все окружающее нас пространство полно зла, причем зло простирается от Земли до Луны» [6]. Автор «Псевдо-Гераклитовых писем» утверждает, что и тридцати тысяч гесиодовских Эриний «не хватит на все зло мира» [7, СС. 186–187]. Субстанциальную негативность мира подчеркивает Нумений из Апамеи: «Ибо если мир – из материи, то он, несомненно, создан из предсуществующей злой природы» [7, С. 202].

По свидетельству Аристотеля, Пифагорейцы полагали «дурное» (в других переводах – «злое» [8]) одним из десяти начал, расположенных попарно [9]. Далее в «Никомаховой этике» мы находим: «Зло – свойство безграничного, как образно выражались пифагорейцы, а добро – ограниченного» [7, С. 472].

Интуиции деструкции и дезинтеграции мы встречаем далее у Эмпедокла: «Под действием Злобы все [элементы] разнообразны и все порознь. Под действием Любви они сходятся и вожделяют друг друга» [7, С. 349]. Гераклит, согласно свидетельству Ипполита Римского, «и добро и зло [...] полагает одним и тем же» [7, С. 215].

Проблематичным представляется разделение собственно этических и социальных аспектов явления деструкции в античной философской мысли. Вместе с тем ранние элементы рефлексии деструктивного непосредственно в социальной сфере мы встречаем в свидетельствах Ямвлиха о пифагорейцах: «Вообще, думали они, надо полагать, что нет большего зла, чем анархия, так как человек по своей природе не может спастись, если никто им не руководит» [7, С. 494].

В части суждений античных философов акцентируется внимание на аспектах «нечестивого поведения», «порочности», «дурного», «ненависти», т.е. этическом плане зла (деструкции). Диоген Лаэртский так передает этическое учение Платона: «Все сущее бывает или злом, или благом, или безразличным. Злом мы называем то, что всегда приносит вред: безрассудство, неразумие, несправедливость и прочее подобное. Благом мы называем противоположное этому. Ни зло, ни благо – это то, что иногда полезно, иногда вредно (например, гулять, сидеть, есть) или вовсе не полезно и не вредно» [10, С. 164].

Высшим благом, целью (в трудах Платона, так же, как и его ученика Аристотеля, понятия «благо», «польза», «цель» следует рассматривать в качестве синонимов) Платон полагал смесь красоты, соразмерности и истины [11].

Платоновское понимание зла неоднозначно – в разных текстах оно предстает в различных планах: как предшествующее современному космосу состояние, «древний беспорядок» [12, СС. 33–34], как действие злой души [12, С. 421], а также как

телесная природа (в силу своей сводимости к материи) [13]. В дальнейшем платоническая традиция не сможет выработать единого представления о природе зла (разрушения).

Этическая философия Платона тесно примыкает к его политическому учению, поскольку, согласно мысли философа, индивидуальная добродетель приобретает свое наполнение посредством отношения к общественной жизни государства, рассматриваемой как «общее дело». При столкновении с благом античного полиса индивидуальное благо практически исчезает – квинтэссенцией данного мировоззрения выступает знаменитая погребальная речь Перикла из второй книги «Истории» Фукидида [14].

Этика Аристотеля изложена в трех трактатах, самым объемным из которых является Никомахова этика. Предмет своей этической философии Стагирит определяет как «благо» или, говоря менее возвышенно, «цель» (так же, как и у Платона, в трудах Аристотеля данные понятия синонимичны). Высшим благом, по Аристотелю, является политика (ей подчинены все остальные блага – цели). Философ обращает внимание на проблему относительности зла: «меньшее зло считается в известной степени благом» [15], «при сравнении с большим меньшее зло подпадает определению блага, ибо меньшее зло предпочтительнее большего, а что предпочтительно, то и благо, и, чем больше [нечто предпочитают], тем большее [это благо]» [10, С. 275].

В силу преобладания роли социального аспекта в этике Платона и Аристотеля, их этические учения принято называть «социальными». Однако, несмотря на утверждение Аристотелем на первых страницах Никомаховой этики высшего блага в качестве блага полиса и народа, на последующих страницах трактата мыслитель в основном говорит об устройении жизни каждого отдельного человека (так же, как и Платон, ранее выступавший с индивидуалистическим посылом «правильного устройства души»). Таким образом, сквозь социальную этику Платона и Аристотеля «прорастает» индивидуальная этика, которая в дальнейшем найдет свое развитие в философских школах эпохи эллинизма.

Зенон Китийский, основатель стоической школы, утверждал, что зло – «это и сами пороки (как неразумие, трусость, несправедливость и прочее), и причастные к ним порочные поступки, и дурные люди, и порождаемые злом отчаяние, недовольство и прочее» [10, С. 275]. Вместе с тем в трудах мыслителя, наряду с суждениями об этическом корне зла, мы встречаем высказывания и об источнике социальном. Философ классифицирует проявления зла по категориям: зло бывает или «душевное» (включающее пороки и порочные поступки), «внешнее», под которым Зенон понимает, прежде всего, «неразумную родину», или же, в качестве третьего варианта, «ни то ни другое».

Представители скептицизма отвергали представления ранних античных философов о суще-

ствовании добра и зла по природе [10, С. 360]: «одно и то же [...] для одних – добро, для других – зло» [10, С. 358], «если бы от природы существовали добро и зло, они были бы добром или злом для всех, как снег холоден для всех; но нет такого добра или зла, которые были бы общими для всех, а стало быть, нет добра и зла от природы» [10, С. 363].

Похожие утверждения мы находим и у эпикурейцев. Так, Эпикур, обращаясь в письме к Менекею, пишет: «равным образом и всякая боль есть зло, но не всякой боли следует избегать; а надо обо всем судить, рассматривая и соразмеряя полезное и неполезное – ведь порой мы и на благо смотрим как на зло и, напротив, на зло – как на благо» [10, С. 404].

Плотин, продолжая платоническую традицию, ставит перед собой задачу определения чистого, беспримесного зла. В трактате «Энеады» он критикует понимание зла как «злой души», если понимать под ней Мировую Душу. При постановке задачи отыскания общей природы для отдельных зол, Мировая Душа не может выступать такой природой в силу того, что в таком случае она «имеет благого, и тогда не будет иметь в себе и жизни, хотя все еще будет [называться] душой» [16]. Н.В. Волкова указывает, что в качестве производящей причины зла в философской системе Плотина может выступать «дерзость и желание» индивидуальных душ «быть самими по себе» [17].

Поиски Плотина приводят его к мысли о том, что только материя может являться чистым злом, оказываясь им в силу отсутствия каких-либо качеств, что является следствием противоположности материи форме (ведь всякое качество имеет своим источником умопостигаемую форму – и потому является благом). В дальнейшем данный подход получит свое развитие в средневековых концепциях оправдания Бога.

Философия европейского средневековья продолжила попытки решения проблемы зла (деструкции), однако имела принципиальные отличия от мысли предшествующих эпох. Средневековая философия носила теоцентричный характер – центральной философемой этой эпохи становится отношение человек – Бог. Проблема существования зла решается в рамках теодицеи (греч. букв. «оправдание Бога») – логических построений, стремящихся согласовать идею благого и разумного Божественного управления миром с наличием темных сторон бытия – мирового зла [18]. Обратим внимание, что данное понятие будет сформулировано Лейбницем в XVII в. и в контексте Средневековья может употребляться лишь ретроспективно. Разрешением данного противоречия выступает утверждение о том, что зло нельзя рассматривать как нечто самосущее, что его, напротив, следует представить как отсутствие или недостаток блага. Так, если болезнь есть отсутствие здоровья, невежество есть недостаток знания, следовательно, зло является пробелом в бытии, возникающим там, где отсутствует какое-то

благо. Отсюда следует вывод, что, если зло никем не сотворено, оно теряет свой онтологический статус. С утратой злом реального статуса причиной конкретных проявлений деструктивности признается абсолютизация частной точки зрения – непонимания того, что тварный мир создан для общего блага всех населяющих его существ.

В философии Нового времени мы находим трактовку зла в декартовском учении о страстях. Источником страстей может являться как благо, так и зло. Злом, по Декарту, оказывается то, что «наши внутренние чувства или наш разум заставляют нас считать [...] противным нашей природе» [19]. Стоит отметить, что зло у Декарта познаваемо рационально, а «безобразное» познается исключительно посредством чувств. Так, например, страсть печали вызвана у человека сознанием наличия какого-то зла, причем человек не всегда в состоянии определить конкретное зло, послужившее причиной этого состояния. При этом картезианское зло не существует как некая самостоятельная сущность, его нельзя выбрать как благо. Не может быть позитивного стремления к злу (как, впрочем, считали и античные мыслители). Причина зла заключается в том, что человек не всегда ясно видит его основания: зло возможно там, где присутствует безразличие, где возможно лишь смутное видение того, что в данном случае есть зло, т.е. когда человек ясно видит, он не способен на свершение зла. М. Мамардашвили выражает эту мысль в емкой аналогии: «Вот прямая, выдерживаемая прямая. Когда она выдерживается, других линий быть не может» [20].

Любопытно, что «зло», согласно учению философа, аллегорически распространяется в область гносеологии – здесь мы встречаем злого гения, демона Декарта, манипуляции которого могут оказаться единственным достоянием нашего мышления. Принцип радикального сомнения требует доказать, что злой гений «не водит нас за нос». Если опровергнуть существование демона не получится – под сомнением оказываются как основания научного познания, так и мир в целом. По мысли Декарта, человек, осуществляя акт «*cogito*» (в чем человек, как доказывает философ, сомневаться не может), не способен впасть в заблуждение (ведь в этот момент он «видит» незамутненно), а значит совершение зла невозможно. В этой мысли Декарта во многом следует за вышеописанными построениями средневековой отрицательной теологии – реально существует только добро (позитивное действие Бога по Декарту), а зло оказывается явленным лишь при его отсутствии.

Сделав остановку на кратком изложении мысли Картезия о природе зла, обратим внимание на явную несостоятельность суждений С.А. Колесникова о докантовском периоде рефлексии «деструктивного» как лишенном внятной артикуляции «медиумном бормотании». В приведенных нами источниках очевидны достижения мыслителей в выявлении и конкретизации параметров «разрушительного».

Обращаясь к источникам философской мысли указанного периода, мы видим попытки разграничения зла метафизического, как объективного несовершенства, физического, находящего свое выражение в страданиях, а также морального, заключающегося в неправильном устройении души, незнании блага или, позднее, в греховности. Рассмотрение данных модусов зла в докантовском периоде нельзя считать «метафизическими» в смысле эпистемологической изолированности и нечувствительности к противоречиям – приведенные источники свидетельствуют, по меньшей мере, об интуитивной диалектичности производимых рассуждений.

В качестве общей содержательной черты философских систем в докантовский период, правомерно выделить убеждение о прирожденности, неизменности зла, а также его независимости от сознания и воли человека. Лишь в этом смысле можно согласиться с автором, с известными ограничениями признав период рефлексии понятий «зла», «разрушения», «распада», «ненависти», «греха» и т.д. условно «метафизическим». Далее мы увидим, что данная ценностно-познавательная установка будет преодолена в философской мысли И. Канта.

И. Кант, автор труда «Об изначально злом в человеческой природе», оставаясь в рамках картезианской парадигмы, провозглашает закон причинности в отношении природной сущности человека, где природному детерминизму противостоит моральный закон, опирающийся на свободу воли.

Философ ступает принципиально отличным от предшествующих ему мыслителей путем, со времен античности придерживающихся строго дихотомического разделения чувственной и умозрительной сфер, принципиально несводимых в области этики. Так, например, Ипполит Римский передает мысли Эмпедокла: «Эмпедокл говорит, что существует мир, управляемый злой Ненавистью, и другой – умопостигаемый, управляемый Любовью. Посредине между двумя враждебными началами находится справедливое слово, согласно которому разделенное Ненавистью собирается вместе и в согласии с Любовью сообразовывается с Одним. Вот это самое справедливое слово, выступающее соратником Любви, Эмпедокл называет Музой...» [7, С. 409]. У Канта человеческая природа имеет не только естественно обусловленные сущностные черты (которые не могут быть злыми или добрыми в силу отсутствия на этом уровне этико-аксиологического регулятора), но и обладает существенной субъективностью, находящей выражение в воле и свободе. Кант локализует зло там и только там, где мы не хотим ему сознательно противодействовать, т.е. не на природном уровне, а именно в субъективной сфере, регулируемой ответственной моралью. «Основание злого находится не в каком-либо объекте, который определяет произвол через влечение, и не в каком-либо естественном побуждении, а только в правиле, которое произвол устанавливает себе для применения своей свободы, т.е. в некоторой максиме» [21,

С. 91]. Согласно Канту, как зло, так и добро с необходимостью должны представлять собой свободные действия для того, чтобы их можно было оценивать с точки зрения морали.

Отказываясь от объективного рассмотрения атрибутивности зла в пользу моральной субъектности, рассуждения Канта позволяют вырваться из круга философских дискуссий (чьи корни можно усмотреть еще в приведенном выше отрывке Зенона), в которых одни философы (например, Т. Гоббс) настаивают на принципиальной порочности природы человека, другие (Ж.-Ж. Руссо) строят разнообразные «антроподицеи», третьи воздерживаются от утверждений, признавая ответственность за деформирующими жизненными обстоятельствами (Гельвеций, Дидро).

При этом Кант вовсе не отрицает значения объективно присущих человеку характеристик. Философ, постулируя в трактате «Религия в пределах только разума» изначальные «задатки животности», «задатки человечности» и «задатки личности», утверждает тройную сущность человека – природную, общественную и личностную. «Задатки животности» («физическое и чисто механическое себялюбие») означают инстинкты, «человечности» – имеют отношение к социальному действию («сравнительное себялюбие»), наконец, «задатки личности» Кант использует для выражения свободной индивидуальности человека. Человека как существо природное и социальное подвержен порокам, однако личность не может быть причастной злу в силу своей тождественности нравственному закону [21, СС. 96–98].

Таким образом, Кант пересматривает сложившееся представление о человеческой природе, утверждая, что ей присущи не только детерминированные природой черты, но и субъективная (во многом определяющая) сущность. Природа человека может являться злой или доброй соответственно его ничем не стесняемой воле, т.е. из субъективного основания. «Суждение «человек зол» выражает только то, что человек сознает моральный закон и тем не менее принимает в свою максимум (случайное) отступление от него» [22].

Именно кантовская модель морали уже в XIX веке откроет возможность сперва абстрагироваться от субъективного биологизма и психологизма, а затем приблизиться к рассмотрению явления деструктивности на обобщенном социально-философском уровне. Учением о задатках Кант открывает путь к аналитическому, предметно определенному рассмотрению зла в трех его планах – биологическом, социальном, личностном, а в дальнейшем и к поиску практических стратегий противодействия деструктивным процессам как на индивидуальном, так и на общественном уровнях.

Реализуемая исключительно на субъективном уровне возможность (свобода) выбора добра или зла позволит в дальнейшем приступить к разработке практико-ориентированных антидеструктивных проектов. Усилия по выработке и реали-

зации стратегий, направленных против деструктивного начала, предпринимались еще в глубокой античности (так, уже у Гераклита мы встречаем преодоление деструкции посредством переживания чужих страстей при созерцании комедии и трагедии, а также участия в священнодействиях мистериального культа [7, С. 241], что сближает воззрения «плачущего» философа с учением о катарсисе Аристотеля), но именно Кант ставит эту мысль – постулирование атрибутивности зла по человеческой природе, но одновременно принципиальную возможность ее преодоления с помощью морального закона – на «твердые рельсы». Дальнейшая философская мысль сконцентрируется на практике «оттеснения» процессов разрушения, расщепления существующих структур, не останавливаясь лишь на этапе постановки проблемы.

Итак, понятие деструктивности (оговоримся, что данное понятие правомочно использовать по отношению к рассмотренному периоду лишь ретроспективно) в соответствии с современными определениями включает четкие практические коннотации, однозначную «посюсторонность». Часть исследователей высказывает мысль о том, что в истории философии до Канта деструктивность предстает неотделимой от понятия «метафизического зла». Произведенный анализ источников показал, что в ходе дифференциации культуры в первоначально неразделенном понятии зла постепенно выявляются различные планы, которые могут быть условно определены как космический, социальный и этический. В космическом плане зло предстает в качестве безличного хаоса, противостоящего космосу как мировому порядку; при рассмотрении на социальном уровне зло обретает облик общественных сил, разрушающих социальное целое; в этическом ракурсе зло проявляется в дисгармонии духовного и телесного. Так, понимание зла в античности находит свое отражение в трех ракурсах – метафизическом, социальном и этическом, предстающими в относительно неразделенном виде (в наибольшей «слитости» оказываются социальный и этический планы рассмотрения).

Приведенные в начале рассуждений определения указывают на то, что явления, с необходимостью сопровождающие деструктивные, дезинтеграционные процессы, могут быть отвлеченно детерминированы природными причинами, являться человеку на практике в качестве результата действий социальных субъектов, либо же выступать следствием императивов, заданных масштабными социальными процессами. Вместе с тем представление о деструкции как общественно обусловленном явлении (социальный план рассмотрения деструкции) начинает формироваться относительно поздно – в философии Нового времени, постепенно освобождаясь от метафизического «налета» путем сознательного отказа от прескрипций онтологического «зла» в пользу практического осмысления деструктивности.

Сложно согласиться с выводами части исследователей, отказывающих философии докантовского периода в артикуляции конкретных аспектов деструктивности и вместе с тем отстаивающих мнение о том, что докантовский период был всецело метафизичен. «Метафизичность» философских учений столь длительного периода может выражаться лишь в их принципиальной установке на атрибутивность и неразделимую связь категорий зла и добра, определяемых объективными факторами. Очевидно, что установка на общую метафизичность представлений о «разрушительном» в докантовской философии существенно ограничивает возможности исследователя при анализе проблематики деструктивности, в связи с чем указанный период развития европейской мысли следует охарактеризовать в качестве *синкретического*.

Таким образом, историческое развитие представлений о «деструктивном» в западной философской мысли правомерно разделить на 2 периода – *синкретический* (характеризующийся первоначальной нерасчленённостью космического, социального, этического планов зла (деструкции), недостаточным вниманием к поиску посюсторонних источников разрушения, а также нечувствительностью к взаимосвязи различных общественных явлений) и *аналитический* (отличающийся направленностью познающего субъекта на раскрытие внутренних причин движения и развития деструктивных явлений и процессов, источник которых зачастую усматривается во внутренних противоречиях).

Модусы человеческой деструктивности (в том виде, в котором они рассматриваются современными науками) – биологический, социальный и лично-психологический (субъективный) – развиваются в рамках длительного синкретического периода, когда представления о зле включают в себя и практически тождественны представлениям о разрушении, ненависти, страхе, ужасе и т.д. Вырвавшись за рамки тавтологического теоретизирования, этическое учение И. Канта открывает новый ракурс рефлексии категории зла, закладывает основания для практического осмысления деструктивности и, таким образом, знаменует начало *аналитического* периода, характеризующегося тенденцией к предметному осмыслению первоначально единого представления о «негативном» в различных областях гуманитарного знания, а также стремлением к выработке стратегий, направленных на преодоление деструкции.

Вместе с тем в философской мысли вплоть до XX в. понятие о деструкции представлено лишь имплицитно. Рассмотрение исторических особенностей экспликации данного понятия является целью дальнейших исследований.

Литература

1. Авт. колл.: архиепископ Иоанн (Попов), Возьмителъ А.А., Хвыля-Олинтер А.И. Научно-методическое пособие: Духовная безо-

пасность России (актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности). М., 2005, С. 70

2. Колесников С.А. Деструктивность: аспекты философско-культурологических интерпретаций: монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. 178 с. С. 4.
3. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. 488 с.
4. Социологический словарь. Отв. ред.: Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2008. 608 с.
5. Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Предс. научно-ред. совета В.С. Стёпин. 2-е изд., М.: Мысль, 2010.
6. Ипполит Римский. О философских умозрениях или обличение всех ересей // О Христе и антихристе. СПб.: Библиополис, 2008. С. 351.
7. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.
8. Аристотель. Метафизика. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 50.
9. Аристотель. Метафизика. Книга I. // Сочинения в 4 т. Т. 1. Институт философии академии наук СССР, М.: Мысль, 1976. С. 76.
10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Институт философии Академии наук СССР. М.: Мысль, 1986. 571 с.
11. Платон. Филеб. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Институт философии Академии наук СССР. М.: Мысль, 1994. С. 75.
12. Платон. Политик. Сочинения в 4 т. Т. 3, ч. 2. СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. СС. 33–34.
13. Платон. Политик. Сочинения в 4 т. Т. 3, ч. 1. СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 480.
14. Фукидид. История. Книга II. Л.: Наука, 1981. СС. 79–84.
15. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. Институт философии Академии наук СССР. М.: Мысль, 1983. С. 146.
16. Плотин. Первая эннеада. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2004. С. 286.
17. Волкова Н.П. Проблема зла в философии Плотина, 2011. С. 37.
18. С. Аверинцев. Теодицея // Философская Энциклопедия. В 5 т. М.: Советская энциклопедия. Под редакцией Ф.В. Константинова. 1960–1970.
19. Декарт. Страсти Души. Сочинения в 2-х томах (т. 1). Институт философии Академии наук СССР. М.: Мысль, 1989. С. 517.
20. Мамардашвили М. Картезианские размышления. М.: Прогресс, 1993. С. 57.

21. И. Кант. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 709 с.
22. И. Кант. Сочинения в 6 томах. Т. 4, ч. 2. Институт философии Академии наук СССР. М.: Мысль, 1965. С. 34.

THE DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT THE PHENOMENON OF DESTRUCTION IN WESTERN EUROPEAN PHILOSOPHICAL THOUGHT IN THE PRE-KANTIAN PERIOD

Belomytsev A.A.

Moscow State Linguistic University

Some of the processes accompanying the transformation of Russian society are characterized in the modern social sciences as “destructive”. At the same time, the concept of “destruction” is not always strictly defined; often the very assessment of “destructiveness” is more emotional than rational-discursive in nature. In view of the lack of an adequate theoretical (primarily philosophical) understanding of this phenomenon, there is a need for a diachronic analysis of ideas about destruction, as well as the categories of its modality. This article analyzes the implicit period of the development of ideas about destruction, reveals the need to shift research attitudes when considering the philosophical teachings of the pre-Kant period. The theoretical conclusions obtained as a result of the study can serve as a basis for the further development of the applied aspects of the concept of social destructiveness.

Keywords: destructiveness, social destruction, destructive processes, social entropy.

References

1. Auth. call: Archbishop John (Popov), Votitel A.A., Khvylya-Olinter A.I. Scientific and methodological manual: Spiritual security of Russia (actual theoretical, methodological and practical problems of spiritual security). M., 2005, p. 70
2. Kolesnikov S.A. Destructiveness: aspects of philosophical and cultural interpretations: monograph. Belgorod: BelGU Publishing House, 2010. 178 p. P. 4.
3. Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Coordinating Editor – Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. M.: Publishing group INFRA-M – NORMA, 1998. 488 p.

4. Sociological Dictionary. Resp. ed.: G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. M.: Norma, 2008. 608 p.
5. New Philosophical Encyclopedia / Institute of Philosophy RAS; Prev. scientific-ed. Council of V.S. Stepin. 2nd ed., M.: Mysl, 2010.
6. Hippolytus of Rome. On philosophical speculations or exposure of all heresies // On Christ and the Antichrist. SPb.: Bibliopolis, 2008. S. 351.
7. Fragments of the early Greek philosophers. Part 1. From epic theocosmogonies to the emergence of atomistics. Moscow: Nauka, 1989. 576 p.
8. Aristotle. Metaphysics. M.: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2006. S. 50.
9. Aristotle. Metaphysics. Book I. // Works in 4 volumes. V. 1. Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow: Mysl', 1976. P. 76.
10. Diogenes Laertius. About the life, teachings and sayings of famous philosophers. Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Mysl', 1986. 571 p.
11. Plato. Fileb. Collected works in 4 volumes. Vol. 3. Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences. M.: Mysl, 1994. S. 75.
12. Plato. Politician. Compositions in 4 volumes. Vol. 3, part 2. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. un-that; “Publishing house of Oleg Abyshko”, 2007. SS. 33–34.
13. Plato. Politician. Compositions in 4 volumes. Vol. 3, part 1. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. un-that; Oleg Abyshko Publishing House, 2007. P. 480.
14. Thucydides. History. Book II. L.: Nauka, 1981. SS. 79–84.
15. Aristotle. Works in 4 volumes. V. 4. Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences. M.: Mysl', 1983. S. 146.
16. Plotinus. First Ennead. SPb.: “Publishing house of Oleg Abyshko”, 2004. P. 286.
17. Volkova N.P. The problem of evil in the philosophy of Plotinus, 2011, p. 37.
18. S. Averintsev. Theodicy // Philosophical Encyclopedia. In 5 volumes. M.: Soviet encyclopedia. Edited by F.V. Konstantinov. 1960–1970.
19. Descartes. Passion of the Soul. Works in 2 volumes (v. 1). Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences. M.: Mysl', 1989. S. 517.
20. Mamardashvili M. Cartesian reflections. M.: Progress, 1993. S. 57.
21. I. Kant. Treatises and letters. Moscow: Nauka, 1980. 709 p.
22. I. Kant. Works in 6 volumes. Vol. 4, part 2. Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences. M.: Mysl', 1965. S. 34.

Диагностика адаптации представителей асоциальной молодёжи в условиях специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа

Кушнарёв Александр Петрович,

кандидат медицинских наук, соискатель, Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова
E-mail: saha74@mail.ru

Статья посвящена исследованию адаптации трудновоспитуемых подростков мужского пола, в зависимости от семейной ситуации, связанной с наличием или отсутствием осуждённых родственников. В исследовании приняли участие воспитанники специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа. Определено, что процесс социально-психологической адаптации воспитанников специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа является многоплановым. Наличие асоциальной семьи оказывает влияние на адаптационные способности подростков, попавших в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Подростки из асоциальных семей имеют характерный эскапизм с погружением в криминальную сферу, низкий уровень самооценки, что негативно влияет на процесс воспитания и исправления. Для обеих групп асоциальной молодёжи характерна адаптивная стратегия нападения.

Ключевые слова: адаптация, медицинская психология, трудновоспитуемые подростки, асоциальная молодёжь, девиантное поведение семейные условия.

Введение. Устойчивое развитие любого общества зависит от состояния психического здоровья молодого поколения [2, 4]. В современной девиантологии активно ведутся дискуссии о ключевых факторах, предрасполагающих к совершению антисоциальных действий: индивидуальный, психологический, личностный, социальный или психолого-педагогический [7]. Существуют неоднозначные мнения о влиянии средового фактора на формирование девиантного поведения, а также формирование адаптационных способностей у подростков. Адаптационные способности радикально увеличивают количество и уровень факторов среды, к которым данный индивид может адаптироваться. Уровень адаптационных способностей является показателем адаптивности или личностного адаптивного потенциала [8]. Так, при рассмотрении процесса адаптации личности, К.А. Абульханова-Славская и Е.В. Евдокимов считают, что это взаимовлияние социума и индивида. Имеется в виду та социальная группа, к которой он примыкает (общественные институты, семья, микросоциум и др.) [1, 3]. С другой стороны, имеются данные исследований о антисоциальном поведении, проводимых на усыновлённых благополучными в социальном плане семьями однойцевых близнецах от антисоциальных родителей [9]. На успешность адаптационного процесса, в том числе и антисоциального, влияет не только специфика окружающей среды, но и активно развивающиеся внутренние психогенетические резервы индивидуума [14]. По этой причине считается, что негативная среда плюс негативный внутренний потенциал могут чаще давать в совокупности девиации, приводящие к проблемам с законом у социальной молодёжи. Однако по данным отечественных и зарубежных исследователей в развитии девиантного поведения у подростков средовый фактор может уступать место личностным психологическим особенностям [7, 11, 12, 13].

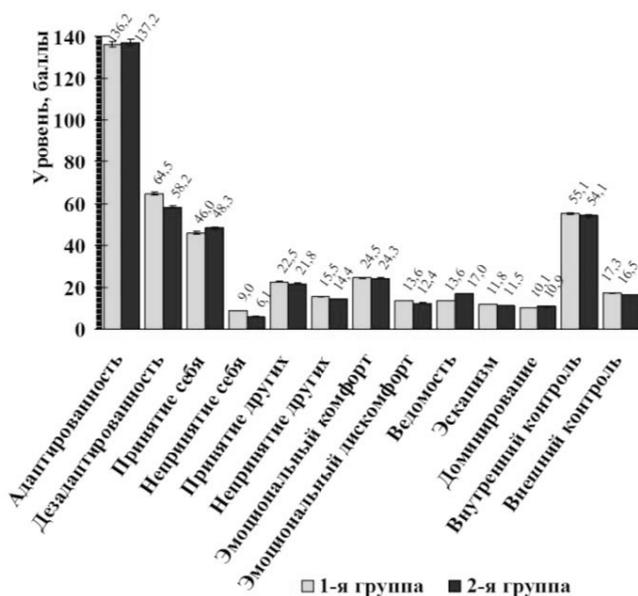
Вопрос влияния асоциальной семьи, личностного адаптивного потенциала на развитие девиантного поведения у подростков, а также формирования установки на возможность совершения правонарушения до сих пор остаётся дискуссионным. Для определения значения выше указанных факторов в адаптации подростков проведён анализ психологического уровня функционального состояния воспитанников в условиях (далее СУВУЗТ).

Цель исследования – выявить влияние семейной среды на социально-психологическую адаптацию асоциальной молодёжи в условиях СУВУЗТ.

Материалы и методы исследования. В исследовании принимали участие 100 подростков мужского пола со средним возрастом 15 ± 2 года, находящихся в СУВУЗТ за совершение общественно опасных деяний до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Все участники были условно разделены на две группы. Первую группу составили 56 воспитанников из семей, не имеющих осуждённых родителей. Во вторую группу вошли 44 воспитанника, чьи родители были осуждены за противоправные деяния. Межгрупповое различие состояло в личностном развитии обследуемых, обусловленном индивидуальными психолого-педагогическими особенностями семейного воспитания.

Психологический уровень функционального состояния воспитанников СУВУЗТ оценивался с помощью опросников: «Шкала социально-психологической адаптированности» К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации Т.В. Снегиревой [10]; «Шкала «Я-концепции» Е. Пирса и Д. Харриса в адаптации А.М. Прихожан [6]; «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой [5]. С целью уточнения индивидуальных и личностных психологических особенностей обследуемых, дополнительно проводилось психологическое интервьюирование.

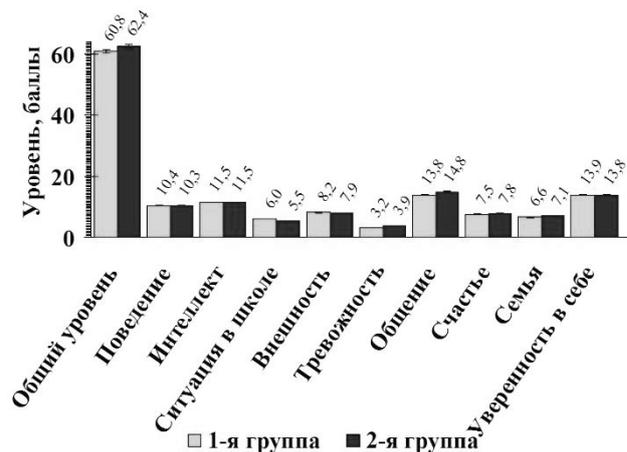
Статистическая обработка всех данных полученных при исследованиях проходила на основании анализа показателей с расчётом достоверности результатов исследования. Межгрупповые анализы осуществлены с применением t-критерия Стьюдента с достижение уровня значимости $p < 0,05$ (считали критерием достоверности), и факторного анализа с факторными весами $\geq 0,5$.

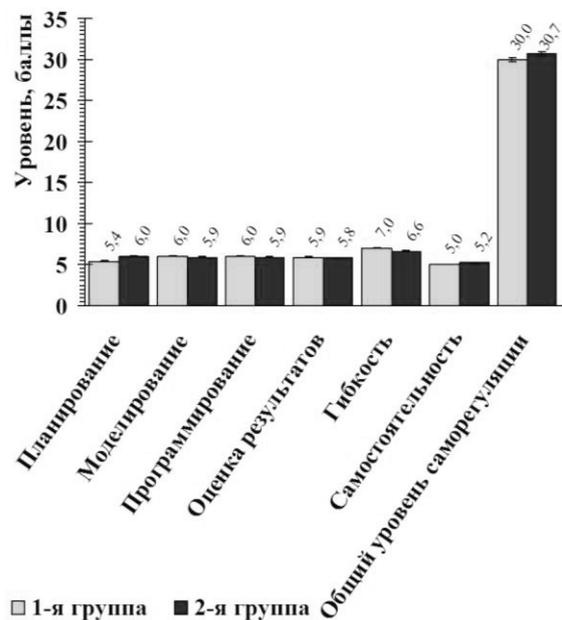
Рис. 1. Показатели шкал социально-психологической адаптации в обследуемых группах

Результаты исследования. При оценке тестовых показателей психологического уровня функционального состояния обследуемых воспитанников СУВУЗТ (рис. 1, 2, 3) во второй группе об-

следуемых определяется более высокий статистически значимый ($p < 0,05$) уровень показателей по шкале «непринятия себя», что вероятнее всего явилось последствием недостаточного внимания со стороны семьи, и негативного влияния окружающей антисоциальной молодёжной среды. Как результат, у данных воспитанников СУВУЗТ выстроилась отрицательная самооценка. По остальным шкалам применяемых методик для оценки психологического уровня функционального состояния воспитанников СУВУЗТ между первой и второй группами достоверно значимых различий ($p \geq 0,05$) не установлено.

Рис. 2. Показатели шкал методики «Я-концепции» в обследуемых группах

Рис. 3. Показатели шкал опросника «Стиль саморегуляции поведения» в обследуемых группах

Для дальнейшего определения характера и качества внутри выборочных переменных был произведён факторный анализ.

Фактор «Деадаптированность» в обследуемых группах характеризуют показатели «ведомость», «доминирование», «адаптированность», «принятие себя» и «внутренний контроль» (рис. 4).

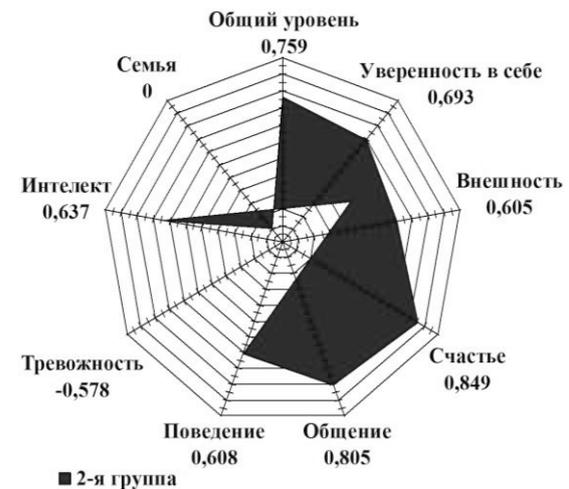
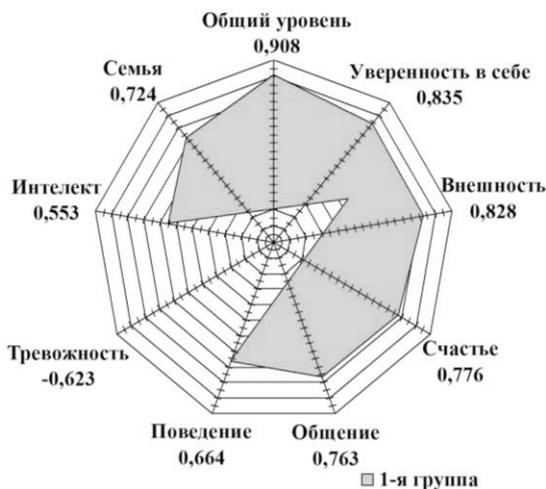
Рис. 4. Распределение показателей компонентов анализа для фактора «Деадаптированность» в обследуемых группах, баллы

Представители первой группы легко поддаются влиянию из вне, имеют низкие волевые качества, испытывают проблемы с адаптацией и принятием себя, не способны самостоятельно принимать решения и ищут виновных в собственных жизненных проблемах.

Во второй группе наряду с выраженной деадаптированностью процесс адаптации протекает менее травматично за счёт внутреннего контроля

и принятия себя, который выражается в определённой ответственности за построения собственной жизни. Воспитанники второй группы трудно поддаются мерам воспитательного и исправительного характера. Для них характерен уход от реальности и романтизация криминальной жизни.

Фактор «Я-концепция» в обследуемых группах в большей степени характеризует показатель «семья» (рис. 5).

Рис. 5. Распределение показателей компонентов анализа для фактора «Я-концепция» в обследуемых группах, баллы

У представителей первой группы отмечается сильная зависимая связь от семьи, им трудно адаптироваться к новым социальным отношениям и условиям содержания, одновременно они обладают определённой уверенностью в себе и надеждой на скорейшее возвращение домой. Свой отрыв от семьи они компенсируют общением со сверстниками в условиях СУВУЗТ.

Во второй группе самооценка положения в семье отсутствует, что возможно связано с изначальным разрывом тесной связи с членами антисоциальной семьи и их заботой о воспитаннике. Адаптация к условиям СУВУЗТ у данной группы осуществляется без каких либо ограничений. Условия содержания в СУВУЗТ воспринимаются воспитанниками, как своеобразная забота, заменяющая им семью и дом.

Фактор «Саморегуляция» в обследуемых группах характеризуют показатели «оценка результатов», «моделирование», «гибкость» (рис. 6).

В обеих группах определяется адаптивная стратегия нападения, которая заключается в активном изменении ситуации.

Представители первой группы имеют целевые установки и способны разнопланово моделировать свои действия для достижения ожидаемых результатов.

Для представителей второй группы характерна неадекватная оценка своих поступков, неспособность прогнозировать возможности неблагоприятного развития ситуации в будущем и безразличное отношение к ней. Они не могут отказаться от начатых действий, несмотря на их отрицательные последствия, что возможно связано с низким

морально-нравственным воздействием их семей и доминирующим влиянием окружающей асоци-

альной молодёжной среды на подростков в прошлом.

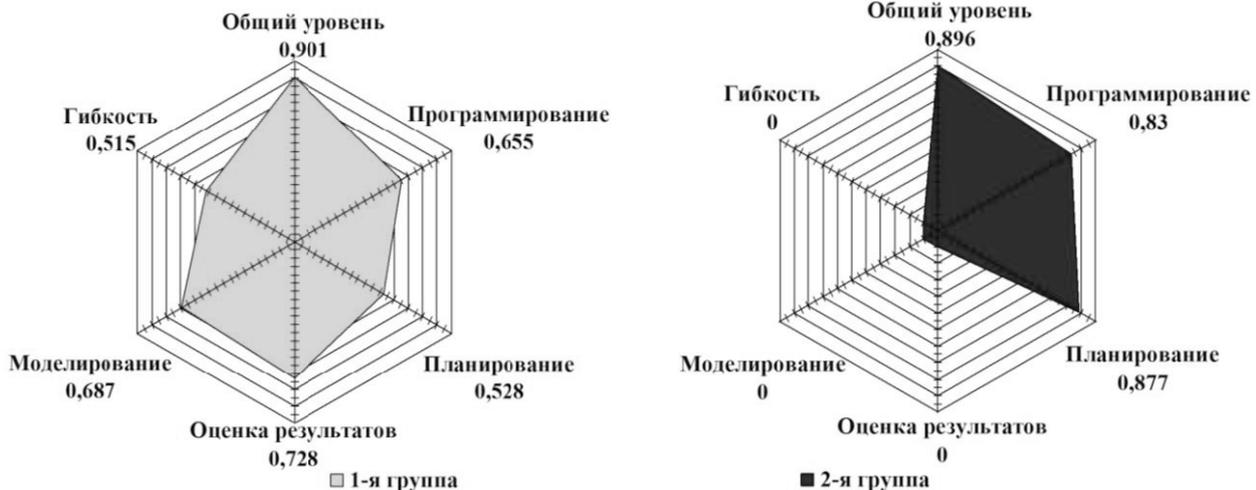

Рис. 6. Распределение показателей компонентов анализа для фактора «Саморегуляция» в обследуемых группах, баллы

Заключение. Процесс социально-психологической адаптации воспитанников СУВУЗТ из семей, не имеющих осуждённых родителей и воспитанников, чьи родители были осуждены за противоправные деяния, протекает неоднородно. Наличие асоциальной семьи оказывает влияние на адаптационные способности подростков, попавших в СУВУЗТ. Процесс адаптации подростков, не имеющих осуждённых родителей имеет определённые трудности, которые сопряжены с сохраняющейся связью с их семьями. Вместе с тем они поддаются воспитанию. Адаптация у подростков из асоциальных семей протекает более органично, для них характерен эскапизм с погружением в криминальную сферу, низкий уровень самооценки, что в свою очередь негативно влияет на процесс воспитания и исправления. Для обеих групп асоциальной молодёжи характерна адаптивная стратегия нападения.

Нормальное протекание процессов адаптации асоциальной молодёжи, находящихся в СУВУЗТ находится в прямой зависимости от целой линейки необходимых условий, основными из них являются:

- высокий уровень психолого-педагогической подготовки работников СУВУЗТ;
- точность оценивания индивидуальных личностных особенностей воспитанников СУВУЗТ;
- отлаженность работы работников СУВУЗТ по управлению этапами адаптации воспитанников;
- существование чётко отлаженной программы внесения изменений в психолого-педагогические подходы к работе воспитанниками СУВУЗТ в зависимости от социального статуса их семей;
- личные качества воспитанника, проходящего адаптацию в условиях СУВУЗТ, коррелирующие с его психикой, возрастом и социальным статусом семьи.

Литература

1. Абульханова-Славская, К.А. Деятельность и психология личности / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1980. – 228 с.
2. Дмитриева, Т.Б. Психиатрия: национальное руководство / Т.Б. Дмитриева. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. – 1000 с.
3. Евдокимов, Е.В. Эмоциональные состояния в экстремальных условиях деятельности и их коррекция / Е.В. Евдокимов // Вестник психотерапии. – 2008. – № 26 (31). – С. 56–66.
4. Макушкин, Е.В. Агрессивное криминальное поведение у детей и подростков с нарушенным развитием / Е.В. Макушкин. – М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2009. – 240 с.
5. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции / В.И. Моросанова. – М.: Наука, 1998. – с. 192.
6. Прихожан, А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста / А.М. Прихожан. – М.: АНО «ПЭБ», 2007. – 56 с.
7. Реан, А.А. Социальная педагогическая психология / А.А. Реан, Я.А. Коломенский. – СПб.: Питер, 1999. – 416 с.
8. Сапов, И.А. Неспецифические механизмы адаптации человека / И.А. Сапов, В.С. Новиков. – М.: Наука, 1984. – С. 13–24.
9. Семке, В.Я. Пенитенциарная психология и психопатология: руководство: в 2 т. / В.Я. Семке, С.И. Гусев, Г.Я. Снегирева; под ред. Т.Б. Дмитриевой, В.Я. Семке, А.С. Кононца. – М.: Томск: Кемерово, 2007. – Т. 1. – 576 с.; Т. 2. – 544 с.
10. Снегирёва, Т.В. Методика изучения особенностей личностной саморегуляции / Т.В. Снегирёва // Диагностическая и коррекционная работа школьного психолога: под ред. И.В. Дубровиной. – М.: Сборник трудов АПН СССР, 1987. – с. 92–96.

11. Сушков, И.Р. Личность преступника (социально-психологические аспекты) / И.Р. Сушков, Ю.В. Макарова. – Иваново: ИВГУ, 2006. – 26 с.
12. Фогель, Ф. Генетика человека: в 3 т. Т. 3: пер. с англ. / Ф. Фогель, А. Мотульски. – М.: Мир, 1990. – 366 с.
13. Douglas, K. 5-HTTLPR as a potential moderator of the effects of adverse childhood experiences on risk of antisocial personality disorder / K. Douglas, G. Chan, J. Gelernter [et al.] // *Psychiatr. Genet.* – 2011. – Vol. 21 (5). – P. 240–248.
14. Fergusson, D.M. Moderating role of the MAOA genotype in antisocial behavior / D.M. Fergusson, J.M. Boden, L.J. Horwood [et al.] // *Br.J. Psychiatry.* – 2012. – Vol. 200 (2). – P. 116–123.

DIAGNOSTICS OF ADAPTATION OF REPRESENTATIVES OF ASOCIAL YOUTH IN THE CONDITIONS OF A SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTION OF A CLOSED TYPE

Kushnarev A.P.

Military Medical Academy named after Kirov

The article is devoted to the study of the adaptation of difficult-to-educate male adolescents, depending on the family situation associated with the presence or absence of convicted relatives. The study involved inmates of a special educational institution of a closed type. It has been determined that the process of social and psychological adaptation of pupils of a special educational institution of a closed type is multifaceted. The presence of an asocial family affects the adaptive abilities of adolescents who have entered a special educational institution of a closed type. Adolescents from asocial families have a characteristic escapism with immersion in the criminal sphere, a low level of self-esteem, which negatively affects the process of education and correction. Both groups of asocial youth are characterized by an adaptive attack strategy.

Keywords: adaptation, medical psychology, difficult-to-educate adolescents, asocial youth, deviant behavior, family conditions.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya, K.A. Activity and personality psychology / K.A. Abulkhanova-Slavskaya. – M.: Nauka, 1980. – 228 p.
2. Dmitrieva, T.B. Psychiatry: national leadership / T.B. Dmitrieva. – M.: GEOTAR-Media, 2009. – 1000 p.
3. Evdokimov, E. V Emotional states in extreme conditions of activity and their correction / E.V. Evdokimov // *Bulletin of psychotherapy.* – 2008. – Vol. 26 (31). – P. 56–66.
4. Makushkin, E.V. Aggressive criminal behavior in children and adolescents with impaired development / E.V. Makushkin. – M.: LLC "Medical Information Agency", 2009. – 240 p.
5. Morosanova, V.I. Individual style of self-regulation / V.I. Morosanova. – M.: Nauka, 1998. – p. 192.
6. Prihogan, A.M. Diagnostics of the personal development of adolescent children / A.M. Prihogan. – M.: ANO "PEB", 2007. – 56 p.
7. Rean, A.A. Social educational psychology / A.A. Rean, Y.A. Kolomensky. – SPb.: Peter, 1999. – 416 p.
8. Sapov, I.A. Nonspecific mechanisms of human adaptation / I.A. Sapov, V.S. Novikov. – M.: Nauka, 1984. – P. 13–24.
9. Semke, V.Y. Penitentiary psychology and psychopathology: leadership: in 2 volumes / V.Y. Semke, S.I. Gusev, G.Y. Snegireva; ed. T.B. Dmitrieva, V.Y. Semke, A.S. Kononts. – M.: Tomsk: Kemerovo, 2007. – T. 1. – 576 p.; T. 2. – 544 p.
10. Snegireva, T.V. Methodology for studying the characteristics of personal self-regulation / T.V. Snegireva // *Diagnostic and correctional work of a school psychologist: ed. I.V. Dubrovina.* – M.: Proceedings of the USSR Academy of Pedagogical Sciences, 1987. – p. 92–96.
11. Sushkov, I.R. Personality of the criminal (social and psychological aspects) / I.R. Sushkov, Y.V. Makarova. – Ivanovo: IvGU, 2006. – 26 p.
12. Fogel, F. Human Genetics: in 3 volumes. Vol. 3: trans. from English / F. Vogel, A. Motulski. – M.: Mir, 1990. – 366 p.
13. Douglas, K. 5-HTTLPR as a potential moderator of the effects of adverse childhood experiences on risk of antisocial personality disorder / K. Douglas, G. Chan, J. Gelernter [et al.] // *Psychiatr. Genet.* – 2011. – Vol. 21 (5). – P. 240–248.
14. Fergusson, D.M. Moderating role of the MAOA genotype in antisocial behavior / D.M. Fergusson, J.M. Boden, L.J. Horwood [et al.] // *Br.J. Psychiatry.* – 2012. – Vol. 200 (2). – P. 116–123.

Социально-психологическое измерение современной стратегической нестабильности

Роткин Николай Викторович,

соискатель, 12 кафедра философии и религиоведения,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: dr.nikolay1812@yandex.ru

Рассмотрены теоретические подходы к понятию «стратегическая нестабильность», определены ее содержательные характеристики в современном мире. Выделены формы, измерения, субъекты и факторы современной стратегической нестабильности. Внимание сосредоточено на социально-психологическом измерении современной стратегической нестабильности. Рассмотрены различные теоретические подходы к объяснению социально-психологических причин стратегической нестабильности. Показано как соотношение больших социальных групп в дестабилизированной стране (регионе), состояние элементов социально-группового сознания, активность и направленность поведения и взаимодействия больших социальных групп формируют социально-психологический уровень-измерение стратегической нестабильности. Обосновано существенное изменение его содержания под влиянием изменений в сознании и поведении больших социальных групп, применения технологий управляемой дестабилизации. Автор обосновывает, что социально-психологическая нестабильность подвергается управлению. Цель такого управления заключается в улучшении (ухудшении) социально-психологической ситуации, формировании и укреплении стратегической стабильности (дестабилизации обстановки).

Ключевые слова: стратегическая нестабильность, социально-психологическое измерение, большие социальные группы, технологии управляемой дестабилизации, война.

Хаотизация глобальных социально-политических, финансово-экономических, культурно-мировоззренческих, информационно-коммуникационных и военно-стратегических процессов остро актуализирует проблему стратегической нестабильности как многомерного социального явления современности.

Важнейшей составляющей современной стратегической нестабильности стала дестабилизация социально-психологической обстановки в отдельных странах и целых регионах планеты. Это связано с той ролью, которую сегодня играют соотношение, сознание и поведение больших социальных групп, выделяемых из общего социального контекста по различным основаниям (национальному, расовому, религиозному, культурно-историческому, идеологическому, профессиональному, возрастному и др.). Именно на противоречиях между большими социальными группами разжигаются войны и революции, меняются политические режимы и разрушаются государства. Это дает основание говорить о наличии социально-психологического измерения современной стратегической нестабильности.

Вместе с тем сегодня становится все более очевидным то обстоятельство, что стратегическая нестабильность (в т.ч. социально-психологическая) как форма бытия, функционирования и взаимодействия больших социальных систем, будучи исследованной человечеством на частно научном и междисциплинарном уровнях, подвергается управляющему воздействию, технологизируется и используется для достижения военных целей различными субъектами мировой политики без прямого открытого вооруженного противоборства, став способом управления глобальными процессами современности и достижения мирового господства. В связи с чем выработка эффективных и научно обоснованных мер противодействия технологиям управляемой дестабилизации становится залогом успешной организации национальной обороны и обеспечения национальной безопасности России.

Понимание стратегической нестабильности как социального феномена связано с теоретической разработкой проблемы стратегической стабильности, как ее противоположности и декларируемой заветной цели международной политики. Оба данных понятия не исследованы в научной энциклопедической литературе. Изначально они представляли собой скорее категории международного права, характеризующие состояние отношений между государствами и их коалициями и были

связаны с наличием или отсутствием устойчивых отношений между ведущими государствами послевоенного мира и соотношением их стратегического ядерного вооружения.

Это было связано с тем, что именно ядерное оружие понималось, как стратегическое, следовательно, в основном его наличие, возможность и угроза применения, соотносились с понятием стратегической стабильности или нестабильности. В наше время, когда помимо ядерного оружия, появились иные применимые на стратегическом уровне технологии (социогуманитарные, информационные, экономические, политические и т.д.), которые по своему поражающему воздействию сравнимы или даже превосходят традиционное оружие массового поражения на физических принципах, меняется и содержание понятий стратегической стабильности и нестабильности, появляются их новые измерения.

Исследователь Н.П. Ромашкина отмечает, что «сегодня речь идет о двух подходах или даже расколе между сторонниками классического отношения к стратегической стабильности, сложившегося в период биполярности (когда собственно и возник сам этот термин) и сторонниками абсолютно нового понимания вызовов и путей обеспечения стратегической стабильности в современных условиях» [5].

В классическом понимании стратегическая стабильность тождественна собственно военно-стратегической стабильности, которая определяется как «устойчивое состояние отношений между государствами (коалициями государств), при котором ни одна из сторон не намерена первой использовать стратегические силы или стратегические ядерные силы и не реализует программы создания новых стратегических вооружений» [1].

С распадом СССР и двухполярного мироопорядка большую актуальность приобретает именно категория стратегической *нестабильности*. Исследователи состояния современного мира отмечают его нестабильность. Так, А.С. Панарин еще в 2003 году отмечал, что «XXI век только начался, а уже окрещен в целом как стратегически нестабильный, т.е. как непредсказуемо пертурбационный в самых существенных моментах» [4, С. 5].

С.М. Мандрыка определяет современную стратегическую нестабильность как «состояние, отношение и процесс бытия различных социальных систем (цивилизаций, государств, общественных и религиозных организаций, транснациональных корпораций и др.), характеризующихся крайней степенью неустойчивости состояния, неадекватностью в оценке обстановки и друг друга, разновекторной направленностью развития без учета взаимных интересов» [3, С. 14].

Исследователь описывает структуру стратегической нестабильности, включающую субъекты, объекты, технологии, уровни и регионы нестабильности. К субъектам стратегической нестабильности С.М. Мандрыка относит: «транснациональные корпорации, компании и банки, осуществляющие

хищническую финансово-экономическую деятельность; наиболее развитые государства мира, стремящиеся закрепить, развить и удержать собственное доминирование в мире в качестве супердержав; некоторые международные неправительственные и религиозные организации; политические и экономические элиты, неадекватно оценивающие свои возможности и потребности» [3, С. 14].

Стратегическая нестабильность в современных условиях существует и развивается не столько как объективное явление, сколько как явление, спровоцированное деятельностью конкретных субъектов мировой политики и глобальной экономики, следовательно, она все больше приобретает субъективный и во многом даже технологический характер.

Это обусловлено тем, что современное человечество, используя методологию социальной философии, социологии, социальной психологии, когнитивных наук и других наук, научилось создавать технологические модели управления политическими системами, социально-политическими процессами, общественным мнением, при этом не всегда в конструктивном ключе. Разрабатываются технологии «цветных революций».

Но всякая область научного знания на определенном этапе своей институционализации находит свое военное применение. В случае с социально-гуманитарным знанием таким оружием стали технологии управляемой дестабилизации, у которых имеются собственные поражающие факторы, превосходящие по разрушительной силе ядерные, химические и биологические аналоги: миллионы унесенных человеческих жизней в результате локальных войн и вооруженных конфликтов на территориях разрушенных государств, тотальная криминализация дестабилизированных обществ, распространение терроризма, наркоторговли и наркомании, других деструктивных явлений общественной жизни, невозможных или сведенных к минимуму при наличии стабильных политических систем.

Выделяют различные уровни-измерения современной стратегической нестабильности: «антропологическое, социально-экономическое, геополитическое, экологическое, технологическое» [3] и др. Но в итоге если не всё, то многое определяется поведением людей, а именно больших социальных групп (наций, классов, религиозных, профессиональных и других крупных сообществ), когда под воздействием финансово-экономических, культурно-мировоззренческих, социально-политических, информационно-коммуникационных, природно-климатических, военно-стратегических факторов формируется кризисное социально-групповое сознание, которое, в свою очередь, провоцирует кризисное поведение масс, и тогда решающим фактором стратегической нестабильности становится социально-психологический фактор – ее социально-психологическое измерение.

Понимая под социально-психологическими явлениями, такие элементы социального бытия, которые связаны с «мыслями, эмоциями и поведением людей, обусловленными их взаимодействием в социальных группах, а также психологическими характеристиками самих социальных групп» [1], социально-психологические условия стратегической нестабильности правомерно определить как географически и исторически конкретную совокупность причин и обстоятельств, связанных с соотношением различных социальных групп, характером их сознания, поведения и взаимодействия, оказывающих влияние на устойчивость состояния, отношения и процесс бытия больших социальных систем (государств, наций, цивилизаций, транснациональных корпораций, религиозных объединений).

Под социальной группой понимается «общность людей, выделяемая из более широкого социального контекста по какому-либо признаку» [1]. Если рассматривать стратегический уровень, то очевидно, что будут иметь значение соотношение и психологические характеристики именно больших социальных групп, под которыми понимаются «общности людей, существующие в масштабе всего общества в целом: социальные слои, профессиональные группы, этнические и религиозные сообщества, возрастные группы» [1].

Исходя из приведенных определений, правомерно констатировать, что социально-психологические условия стратегической нестабильности можно разделить на три группы, характеризующие:

- соотношение больших социальных групп в дестабилизированной стране (регионе);
- состояние элементов социально-группового сознания;
- активность и направленность поведения и взаимодействия больших социальных групп.

Влияние первой группы социально-психологических условий стратегической нестабильности связано с разнообразием и сложностью социально-психологического портрета различных стран и регионов планеты, чем «пестрее» портрет тем больше набор возможных противоречий, характерный для того или иного общества. Сложная неоднородная социальная структура общества предполагает, сложные и противоречивые социальные отношения, которые, в свою очередь, обуславливают формирование конфликтогенной социальной среды.

С одной стороны, чем крупнее социальная система, тем она конкурентноспособнее, но вместе с тем ее сложность является основанием ее уязвимости. История знает много примеров, когда могущественные империи, не знавшие поражений от внешних врагов, рушились, под воздействием внутренних противоречиями. В основе этих противоречий лежало разновекторное развитие составляющих их больших социальных общностей: социальных классов, религиозных, этнических и территориальных сообществ.

Соотношение больших социальных групп в том или ином обществе формирует возможные риски и основания дестабилизации обстановки в стране (регионе). Например, разнообразие религиозно-конфессиональной карты Ближнего Востока, с учетом того, что религия, как древнейшая форма общественного сознания и социально-групповой идентичности, формирует базовые представления о жизненных смыслах и нормах поведения, стала социально-психологическим условием острых культурно-исторических противоречий между большими группами населения стран региона, которые при стечении соответствующих военно-политических и экономических обстоятельств, вылились в острейший по своей интенсивности и бескомпромиссности конфликт на территории Сирийской Арабской Республики.

Оценка дифференциации общества по этническим, культурным, профессиональным, демографическим и другим основаниям также позволяют выявить потенциальные очаги дестабилизации обстановки и угрозы стратегической стабильности.

При анализе социально-группового компонента стратегической нестабильности нельзя недооценивать роль и значение временных социальных групп, создаваемых ситуативно по конкретному поводу, таких как социальные движения: различные протестные политические (повстанческие, экстремистские, террористические) движения, профессиональные союзы, молодежные субкультуры и т.п. В отличие от религиозных, этнических или демографических групп, они малочисленны, но более организованы, так как выделены из общего социального контекста не по факту своего происхождения, а по общности взглядов и убеждений, сплочены идеологически, как единомышленники, а значит способны к более организованной социальной активности и коллективным действиям.

Вместе с тем социальные движения формируются на основе идентичности и идеологии представляемых больших социальных групп для защиты и продвижения их интересов. Например, движение активистов «Black Lives Matter», выступавшее в США от имени негроидной расы против насилия в отношении ее представителей.

Истоки социально-психологических теорий объяснения причин нестабильности сознания и поведения больших социальных групп восходят к трудам Г. Лебона [2] о психологии поведения масс, Э. Дюркгейма [10] об аномии и работам П.А. Сорокина [6] о подавленных базовых инстинктах населения, обобщившего опыт русской революции с бихевиористских позиций.

Г. Лебон соотносил массовую психологию и механизмы власти. Одним из ключевых стало заключение о том, «масса преклоняется перед сильной властью и готова восстать против слабой власти» [2].

Эта концепция оказалась довольно устойчивой. Так она выглядит у Б. де Жувенеля: «Против кого взбунтовался народ? Против Людовика XIV?

Нет, против благодушного Людовика XVI, даже не приказавшего своим швейцарцам стрелять. Против Петра Великого? Нет, против незлобивого Николая II, который не осмелился даже отомстить за своего дорогого Распутина. Против Генриха VIII–Синей Бороды? Нет, против Карла I, который после нескольких посползновений к единовластию покорно согласился на прозябание и никому не угрожал... Народы никогда не восстают против власти, которая гнетет их и попирает. Ее жестокость вызывает страх, а бывает, что и восторг перед этим бичом великих мира сего» [8].

П.А. Сорокин видел причины социальных катаклизмов в ущемлении безусловных рефлексов, а именно в «росте ущемления главных инстинктов, массовом характере этого ущемления, бессилии групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов» [6].

Продолжением данного подхода стала теория относительной депривации (от лат. *deprivatio* – потеря, лишение), разработанная американскими социологами.

Т. Гарр пишет об относительной депривации как основе коллективного насилия в политике. Он определяет относительную депривацию «как восприятие индивидом расхождения между его ценностными ожиданиями и ценностными возможностями» [11, С. 3–9].

При этом под ценностными ожиданиями понимаются блага и условия жизни, на которые люди, по их мнению, могут претендовать. Под ценностными возможностями понимаются блага и условия жизни, которые люди могли бы получить [11].

По результатам сравнения собственных возможностей и ожиданий с реально получаемыми благами люди осознают несправедливость действующей системы распределения благ, что вызывает чувство неудовлетворенности. При установлении значительной разницы между ожиданиями и возможностями индивид впадает в состояние фрустрации, которая выливается в агрессию. Таким образом, при политизации данной неудовлетворенности, в обществе нарастает протестный потенциал против существующего порядка и действующей политической системы.

Основной вывод данной теории состоит в утверждении о мотивационном базисе насилия. Природа этого насилия раскрывается в цепочке «фрустрация – гнев – агрессия» [11].

Выделяют три модели развития относительной депривации. В соответствии с первой моделью относительная депривация развивается в результате роста недовольства людей своим положением. Депривация растет по мере распространения мнений о несправедливости распределения благ и о том, что простой гражданин достоин большего. Ключевую роль играет не само экономическое положение индивида, а его оценка, которая может меняться под внешним информационным воздействием.

Вторая модель развития депривации предполагает сохранение на прежнем уровне ценностей и ожиданий при значительном ухудшении экономического положения. Сравнение нынешнего положения с более лучшим прежним порождает недовольство и протестное поведение [11].

Третья модель, представленная Дж. Девисом, известна как «прогрессивная депривация» и объединяет в себе элементы предыдущих моделей. Согласно ей депривация прогрессивно развивается в обществе, в котором после экономического роста наступает спад, при этом социальные ожидания продолжают расти. Несбывшиеся надежды порождают еще большие протест и агрессию [9, С. 5].

Принцип Дж. Дэвиса гласит, что революции происходят не в период наиболее острых кризисов и не во время устойчивого роста, а в ситуации, когда период подъема, внушивший людям надежду, сменяется резким упадком. Так мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 году, пришел на смену периоду подъема, вследствие чего реальное материальное положение людей во многих странах разошлось с их ожиданиями, что вылилось в многочисленные протестные движения разной интенсивности по всему миру.

Теория относительной депривации стала классической в объяснении природы социальной нестабильности. Вместе с тем модель относительной депривации не объясняла, как индивидуальная неудовлетворенность переходит в кризисное поведение масс. Неудовлетворенность и критичность есть в любом обществе, и даже высокий уровень недовольства среди населения существующим положением вещей, хотя и повышает шансы на формирование и развитие протестного движения до его радикальных форм и общенациональных масштабов, все же не всегда приводит к данным последствиям.

Глобальная информатизация и интенсивное развитие информационных технологий открыло безграничные возможности для управляющего технологического воздействия на относительную депривацию в сознании больших социальных групп, тем самым провоцируя протестные действия и массовую агрессию.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации к основным угрозам государственной и общественной безопасности отнесена «деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций» [7].

Очевидно, что под «цветными революциями» подразумевается серия политико-технологических

переворотов, прокатившихся в последние десятилетия по постсоветскому пространству, Северной Африке и Ближнему Востоку. В основу данных политических событий легла спровоцированная различными факторами и политическими технологиями *социально-психологическая нестабильность*, которая в общем контексте стратегической нестабильности характеризуется *крайней степенью неустойчивости функционирования сознания и поведения различных больших социальных групп, их неадекватностью в оценке обстановки и друг друга, разновекторной направленностью развития без учета взаимных интересов*.

Под влиянием процессов милитаризации современного информационного пространства, распространения войн нового типа и применения технологий управляемой дестабилизации социально-психологическая обстановка в странах и регионах планеты стала управляемой, и, следовательно, должна войти в зону ответственности органов военного и политического управления, как сфера, оказывающая непосредственное влияние на национальную безопасность России и стратегическую стабильность.

Таким образом, социально-психологические условия стратегической нестабильности представляют собой географически и исторически конкретную совокупность причин и обстоятельств, связанных с соотношением различных социальных групп, характером их сознания, поведения и взаимодействия, оказывающих влияние на устойчивость состояния, отношения и процесс бытия больших социальных систем (государств, наций, цивилизаций, транснациональных корпораций, религиозных объединений).

Социально-психологические условия стратегической нестабильности, включая в себя соотношение больших социальных групп в дестабилизированной стране (регионе), состояние элементов социально-группового сознания, активность и направленность поведения и взаимодействия больших социальных групп, формируют социально-психологическую нестабильность как уровень измерения стратегической нестабильности.

Следует учитывать, что сама по себе социально-психологическая нестабильность подвергается управлению. Цель такого управления заключается в улучшении (ухудшении) социально-психологической ситуации, формировании и укреплении стратегической стабильности (дестабилизации обстановки).

Понимая современную стратегическую нестабильность, как сложное социальное явление, определяющее форму правления отдельных государств, социально-политическое и экономическое устройство современных общественных систем, интенсивность и направленность их трансформации, систему международных отношений и геополитическую картину мира в целом, развивающееся по объективным законам, закономерностям и принципами социального бытия, нельзя отрицать, что человечество исследовало ее до техно-

логической степени управляемости и военного применения.

Вместе с тем применение технологий стратегической дестабилизации и использование социальной психологии, как сферы военного противостояния, как продолжение политики иными средствами, как попытку конструировать будущее человечества, представляется крайне опасным для всего мирового сообщества и существования человеческой цивилизации. Это утверждение представляется таким же справедливым, как было бы справедливым аналогичное утверждение, относительно применения современных технологий ядерного вооружения.

Литература

1. Большая российская энциклопедия / URL: https://bigenc.ru/military_science/text (дата обращения: 04.03.2021 г.).
2. Лебон Г. Психология масс. С предисловием Н. Старикова. СПб.: Питер, 2015. 244 с.
3. Мандрыка С.М. Государственная безопасность в условиях современной стратегической нестабильности (социально-философский анализ): Автореф. дис. кан-та филос. наук. М. 2008. 25 с.
4. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 5.
5. Ромашкина Н.П. Стратегическая стабильность в эпоху информационно-коммуникационных технологий // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments> (дата обращения: 04.03.2020 г.).
6. Сорокин П.А. Социология революции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 552 с.
7. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://base.garant.ru/71296054/#friends> (дата обращения: 26.02.2021).
8. Шульц Э.Э. Причины революций: голова или кошелек? // Историческая психология и социология истории. Том 7, номер 1 / 2014 // URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/244526/> (дата обращения: 12.09.2020 г.).
9. Дэвис Дж. К теории революции // Американское социологическое обозрение. 1962. Т. 27. С. 5.
10. Дюркгейм Э. Исследования в классической социологической теории: видение социального мира. Pine Forge Press. С. 128.
11. Гарт Т. Почему люди бунтуют. Princeton, 1970. С 3–9.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL DIMENSION OF CONTEMPORARY STRATEGIC INSTABILITY

Rotkin N.V.

Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation

Theoretical approaches to the concept of "strategic instability" are considered, its substantive characteristics in the modern world are

determined. The forms, dimensions, subjects and factors of modern strategic instability are highlighted. Attention is focused on the socio-psychological dimension of contemporary strategic instability. Various theoretical approaches to explaining the socio-psychological causes of strategic instability are considered. It is shown how the ratio of large social groups in a destabilized country (region), the state of elements of social-group consciousness, the activity and orientation of behavior and interaction of large social groups form the socio-psychological level-dimension of strategic instability. Substantiated is a significant change in its content under the influence of changes in the consciousness and behavior of large social groups, the use of technologies of controlled destabilization. The author proves that socio-psychological instability is subject to management. The purpose of such management is to improve (deteriorate) the socio-psychological situation, to form and strengthen strategic stability (destabilize the situation).

Keywords: strategic instability, socio-psychological dimension, large social groups, technologies of controlled destabilization, war.

References

1. Big Russian Encyclopedia / URL: https://bigenc.ru/military_science/text (date of access: 03/04/2021).
2. Lebon G. Psychology of the masses. With a foreword by N. Starikov. SPb: Peter, 2015.244 p.
3. Mandryka S.M. State security in the context of modern strategic instability (socio-philosophical analysis): Author's abstract. dis. can-ta philosophy. sciences. M. 2008.25 p.
4. Panarin A.S. Strategic instability in the 21st century. M., 2003. S. 5.
5. Romashkina N.P. Strategic stability in the era of information and communication technologies // URL: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments> (date of access: 03/04/2020).
6. Sorokin P.A. Sociology of the Revolution. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010.552 p.
7. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 N 683 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // URL: <http://base.garant.ru/71296054/#-friends> (date of access: 02.26.2021).
8. Schultz E.E. Causes of revolutions: head or wallet? // Historical psychology and sociology of history. Volume 7, number 1/2014 // URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/244526/> (date of access: 09/12/2020).
9. Davies J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962, vol. 27, p. 5.
10. Durkheim E. Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World. Pine Forge Press. P. 128.
11. Gurr T.R. Whu Men Rebel. Princeton, 1970. P. 3–9.

Профориентационная деятельность в условиях пандемии COVID-2019

Дианина Елена Вадимовна,

старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, Государственный университет управления
E-mail: elena-dianina@yandex.ru;

Статья посвящена изучению профориентационной деятельности во время пандемии COVID-2019. В работе рассматриваются теоретические основы понятия профориентационной деятельности и профориентации, проблемы перехода образования в дистанционный формат вследствие пандемии COVID-2019, влияние пандемии на профориентационную деятельность. Цель данной статьи – выявить проблемы в профориентационной работе во время пандемии и дать рекомендации для усовершенствования профориентационной деятельности. В статье приведены результаты авторского социологического исследования по изучению организации и проведению профориентационной работы в условиях дистанционного формата обучения. В статье выявлено неоднозначное влияние пандемии на выбор будущей профессии. А также была установлена заинтересованность молодых людей в проведении профориентации. На основе результатов исследования были разработаны рекомендации по усовершенствованию профориентационной деятельности. Полученные результаты могут использоваться руководством высших и средних учебных заведений, Департаментом образования города Москвы.

Ключевые слова: профориентация, профориентационная деятельность, старшеклассники, дистанционное обучение, система образования, пандемия.

Пандемия COVID-2019 внесла серьезные изменения во все сферы общественной жизни. Огромное негативное влияние оказала на социально-экономическую сферу, в том числе и на рынок труда. Это повлекло за собой рост безработицы, сокращение рабочих мест. Некоторые эксперты отмечают и положительные моменты пандемии – развитие цифровой образовательной среды. Это проявляется в использовании платформ для дистанционного обучения (ZOOM, Teams, Skype, WhatsApp и др.), проведения экзаменов в онлайн-формате [6].

Не стало исключением и образование, которое перешло по большей части в онлайн-формат, что вызвало трудности: увеличилась нагрузка как на преподавателей, так и на школьников. Учащимся сложно удерживать внимание в таком формате, что ведет к проблемам усвоения программы. Не все участники образовательного процесса были технически подготовлены к переходу на онлайн-обучение. Преподаватели вынуждены менять формат проведения занятий, разрабатывать интерактивные материалы для удержания внимания учащихся. А также увеличилась в несколько раз нагрузка на преподавателей. Новые реалии поставили вопрос перед системой образования, в том числе, в организации и проведении профориентационной ориентации.

Рассмотрим более подробно понятия «профориентация» и «профориентационная деятельность». Социологический словарь трактует профессиональную ориентацию как «процесс определения индивидом того вида трудовой деятельности, в которой он хочет себя проявить, осознание своих склонностей и способностей к этому виду деятельности и осведомленности о каналах и средствах приобретения знаний, умений и навыков для овладения конкретной профессией» [7]. Следует отметить, что в данной статье профориентационная работа рассматривается как центральный элемент профориентационной деятельности. Под профориентационной деятельностью понимается как управляемый процесс, имеющий выраженный социальный характер, направленный на удовлетворение потребностей обучающейся молодежи в профессиональном самоопределении через осознание собственных способностей и возможностей их реализации в соответствии с запросами рынка труда [1]. В свою очередь, профориентационная работа определяется как профессиональная ориентация как центральный элемент

профориентационной деятельности, представляющий систему методов и способов подготовки обучающихся старших классов к осуществлению профессионального выбора в соответствии с индивидуальными возможностями, общественными потребностями и спецификой рынка труда.

Существуют несколько взглядов в сфере образования на влияние пандемии на профориентационную деятельность старшеклассников. Одни эксперты считают, что старшеклассники стали относиться более осмысленно и ответственно к выбору профессионального будущего, они уделяют больше внимания «активному поиску информации о востребованных и интересных для них сферах деятельности» [6].

Однако, другие специалисты отмечают, что эта работа не всегда результативна и, по-прежнему, выбор направления подготовки и вуза носит спонтанный характер, а, тем более, в период пандемии. Об этом могут свидетельствовать результаты исследования, проведенного WorldSkills Russia при поддержке Минпросвещения России. По результатам исследования было выявлено, что у 70% старшеклассников недостаточно сформированы представления о своей будущей профессиональной деятельности и только 5% респондентов определились с профессией [4]. Следует отметить, что даже определивших с профессией подростки осуществляют свой выбор только на момент поступления в вуз и не задумываются о востребованности профессии после окончания вуза. Для решения этой проблемы необходимо предоставлять данную информацию обучающимся на специализированных Интернет-ресурсах, так как рынок труда развивается динамично, постоянно появляются новые профессии и отмирают старые.

Так, по данным исследования сайта Glassdoor, проведенным в 2020 году, востребованными профессиями во время пандемии являются специалист по коммуникациям в сфере здравоохранения, аналитик медицинских данных и др. Однако спрос на данные профессии имеет временный характер, связанный именно с пандемией [3].

Однако, согласно ряда экспертных мнений, медицинские профессии будут востребованными и перспективными в течение 10 лет, особенно биоинженер, биофармаколог, биоинформатик, нейропсихолог [2].

Также, по данным исследования сайта Glassdoor, после окончания пандемии может увеличиться спрос на такие профессии, как: антикризисный менеджер, эксперт по цифровой трансформации, программист, эксперт по Big Data, разработчик цифровых продуктов, а также помощник по уходу за пожилыми людьми и пациентами и др. [3].

Проанализировав данные исследования и мнения экспертов, можно делать вывод о том, что востребованными профессиями будущего станут в области медицины и IT-сферы. По данным того же источника, на сегодняшний день существенное снижение будет наблюдаться в таких отраслях

как авиация, сферы услуг индустрии гостеприимства, туризм, шоу-бизнес [3].

Также следует отметить, что в период пандемии проводились профориентационные мероприятия на городском уровне. К наиболее крупным проектам в Москве сеть технопарков «Кванториум» – просветительско-образовательные площадки, направленные на подготовку новых инженерных кадров и разработку инновационных технологий. Отдельно можно выделить проект «Билет в будущее», который осуществляется на федеральном уровне и направлен на определение осознанного выбора обучающимися профессионального будущего посредством психологического тестирования и участия в практических профессиональных мероприятиях и практикумах (экскурсии на чемпионаты профессионального мастерства и профориентационные фестивали, очные или онлайн-пробы с представителями профессиональных компетенций) [4].

Проект «Школа старшеклассников», созданный по инициативе Департамента образования и науки города Москвы с целью «создать для школьников мотивирующую среду для получения умений и навыков, которые помогут в будущем задавать вектор развития города, стать востребованными специалистами в своей области» [5]. Во время пандемии все мероприятия проходили дистанционно как для обучающихся, так и для преподавателей.

На региональных уровнях развиваются государственные программы, например, «Профсреда». Данный проект предоставляет возможность подросткам пройти профессиональные пробы, в том числе, и получить представления о конкретной работе на практике. Также в рамках проекта проводятся тренинги, мастер-классы и другие просветительские мероприятия. Проект «Профсреда» реализуется на базах колледжей Москвы, что определяет его направленность на рабочие профессии [4].

Вузы и средние профессиональные учреждения во время пандемии ведут активную работу по привлечению абитуриентов в виде проведения различных мероприятий (дней открытых дверей, олимпиад и т.д.) в онлайн-формате.

С целью изучения профориентации в условиях пандемии было проведено социологическое исследование в апреле 2021 года. В исследовании приняли участие 306 студентов I курса московских вузов направлений подготовки рекламы и связей с общественностью, социологии, маркетинга, управления персоналом, политологии.

По результатам авторского исследования, студенты отметили, что в основном профориентация в период пандемии COVID-19 проводилась иногда (51%) и не проводилась (41,7%). И лишь 7,3% студентов отметили, что работа по профориентации проводилась постоянно.

Особенно востребованными и посещаемыми мероприятиями по выбору профессии, по мнению первокурсников, стали Дни открытых дверей в ВУ-

Зах в онлайн-формате (19,5%), мастер-классы, встречи со специалистами в онлайн-формате (12,2%). Менее востребованными оказались профориентационные уроки в школе в онлайн-формате (7,3%), онлайн-консультация психолога и психологическая диагностика профессиональной направленности личности (по 2,4%). Больше половины респондентов (56,1%) не посещали никакие профориентационные мероприятия. За консультацией при выборе будущей профессии в городские профориентационные центры обращались 17% респондентов, ничего не знают о городских центрах профориентации 27% респондентов и больше половины респондентов (56%) не обращались за консультацией в городские профориентационные центры. В связи с тем, что в настоящее время существует множество городских проектов, направленных на выбор профессии, был задан вопрос относительно участия респондентов в них. Результаты опроса первокурсников позволили выявить, что большинство респондентов не участвовали в подобных мероприятиях (82%), принимали участие в городских профориентационных мероприятиях 18% респондентов. Наиболее востребованными проектами, реализуемые на уровне города Москвы по профориентации, стали: «Университетские субботы», выставка вузов в Манеже, «Профессиональная среда».

По мнению первокурсников, для усовершенствования деятельности по профориентации старшеклассников необходимо, в первую очередь, уделять внимание профориентации в школе «проводить тестирование личных качеств обучающихся для более точных результатов и предрасположенности к той или иной профессии», проводить «индивидуальную работу со школьниками», а также ввести «профориентационные уроки в школе постоянно и выделять на нее больше учебных часов». Также респонденты отметили, что для повышения эффективности данной работы важно приглашать больше преподавателей, студентов вузов и профессионалов в своей сфере, чтобы «заинтересовать учеников своим опытом, успешностью, перспективой». При этом респонденты отметили, что на подобных встречах основное внимание должно уделяться «не лекциям о проходных баллах и вузах, а информации о самих профессиях». Также респонденты считают, что «профориентация действительно была бы полезной, если бы не превращалась в рекламу того или иного вуза». Со стороны государства следует обратить внимание на создание «летних программ, бесплатных стажировок для старшеклассников», проводить «больше университетских суббот по различным направлениям». По результатам ответов респондентов, можно сделать вывод о том, что профориентационная деятельность является весьма актуальной при выборе будущей профессиональной направленности.

Пандемия оказала влияние на систему образования, на принципы выбора старшеклассниками будущей профессии. По результатам проведенного социологического исследования можно

дать ряд рекомендаций по усовершенствованию профориентационной деятельности. Во-первых, проводить профессиональную диагностику по изучению личных качеств подростков и их способностей. При этом обязательно давать обратную связь по результатам тестирования старшеклассников. Во-вторых, привлекать к проведению профориентации студентов и преподавателей вузов, а также соответствующих специалистов. Но важно, чтобы такие встречи проводились в формате мастер-классов, деловых игр, но не сводились к агитации к поступлению в определенный вуз. В-третьих, проводить данную работу систематически на уровне школ с информированием об изменениях ситуации на рынке труда. Например, централизованно предоставлять информацию обучающимся о востребованных профессиях на специализированных Интернет-ресурсах. В-четвертых, информировать подростков о городских профориентационных мероприятиях и проектах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что профориентационная деятельность в период пандемии COVID-2019 имеет неоднозначное влияние на осознанный выбор старшеклассников. Старшеклассники стали подходить более осознанно к выбору будущей профессии и проявлять интерес к самому содержанию профессии. Также проводятся многочисленные профориентационные мероприятия на федеральном уровне. Однако проведенное исследование первокурсников показало, что большинство из подростков не посещают данные мероприятия или не знают о них. На сегодняшний день вся профориентационная деятельность осуществляется в основном на уровне школы. Результаты опроса выявили, что в период пандемии такая работа проводилась несистематично или не проводилась вовсе. Это можно объяснить чрезмерной загруженностью и неподготовленностью системы образования во время перехода на дистанционное обучение. Интересно отметить, что сами подростки заинтересованы и нуждаются в профориентационных мероприятиях, особенно на уровне школы.

Литература

1. Дианина Е.В., Тихонова Е.В. Профориентационная деятельность в общеобразовательных учреждениях как объект социального управления // Социодинамика. – 2019. – № 4. – С. 24–30. DOI: 10.25136/2409–7144.2019.4.29414 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29414 (дата обращения: 26.06.2021)
2. Какие специалисты будут нарасхват в России после пандемии. Подборка идеальных профессий. // Журнал «Секрет фирмы». URL: <https://secretmag.ru/survival/kakie-specialisty-budut-naraskhvat-v-rossii-posle-pandemii-podborka-idealnykh-professii.htm> (дата обращения: 27.06.2021)
3. Какие профессии будут востребованы после пандемии коронавируса? // Forbes.ru. URL:

<https://www.forbes.ru/billionaire-school/397199-kakie-professii-budut-vostrebovany-posle-pandemii-koronavirusa> (дата обращения: 28.06.2021)

4. Карьера как предчувствие: зачем нужна новая система профориентации. // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5dbaa6cc9a79474002964e21><https://www.rbc.ru/trends/education/5dbaa6cc9a79474002964e21> (дата обращения: 28.06.2021)
5. О проекте «Школа старшеклассника». // URL: <http://profil.mos.ru/hi-sch/project/o-proekte/school2.html> (дата обращения: 30.06.2021)
6. Пандемия заставила: школьники иначе посмотрели на выбор профессии. URL: <https://yandex.ru/turbo/news.ru/s/society/pandemiya-zastavila-shkolniki-inache-posmotreli-na-vybor-professii> (дата обращения: 28.06.2021)
7. Социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/print/sociology/Professionalnaja-Orientacija-6846.html> (дата обращения: 28.06.2021).

PROORIENTATION IN THE COVID-2019 PANDEMIC

Dianina E.V.

State University of Management.

The article is devoted to the study of career guidance during the COVID-2019 pandemic. The paper examines the theoretical foundations of the concept of career guidance and career guidance, the problems of transition of education to a distance learning format due to the COVID-2019 pandemic, the impact of the pandemic on career guidance. The purpose of this article is to identify problems in career guidance work during a pandemic and provide recommendations for improving career guidance activities. The article presents the results of the author's sociological research on the organization and

conduct of vocational guidance work in a distance learning format. The article reveals the ambiguous influence of the pandemic on the choice of a future profession. And also the interest of young people in conducting vocational guidance was established. Based on the results of the study, recommendations were developed to improve vocational guidance activities. The results obtained can be used by the leadership of higher and secondary educational institutions, the Moscow City Department of Education.

Keywords: career guidance, career guidance, high school students, distance learning, education system, pandemic.

References

1. Dianina E.V., Tikhonova E.V. Career guidance in educational institutions as an object of social management // *Sociodynamics*. – 2019. – No. 4. – P. 24–30. DOI: 10.25136 / 2409–7144.2019.4.29414 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29414 (дата обращения: 26.06.2021)
2. What kind of specialists will be snapped up in Russia after the pandemic. A selection of ideal professions // Journal "The secret of the firm". URL: <https://secretmag.ru/survival/kakie-specialisty-budut-naraskhvat-v-rossii-posle-pandemii-podborka-idealnykh-professii.htm> (дата обращения: 27.06.2021)
3. What professions will be in demand after the coronavirus pandemic? // *Forbes.ru*. URL: <https://www.forbes.ru/billionaire-school/397199-kakie-professii-budut-vostrebovany-posle-pandemii-koronavirusa> (дата обращения: 28.06.2021)
4. Career as a premonition: why do we need a new vocational guidance system // *RBC*. URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5dbaa6cc9a79474002964e21> <https://www.rbc.ru/trends/education/5dbaa6cc9a79474002964e21> (дата обращения: 28.06.2021)
5. About the project «School for high school students» // URL: <http://profil.mos.ru/hi-sch/project/o-proekte/school2.html> (дата обращения: 30.06.2021)
6. The pandemic forced: schoolchildren looked differently at the choice of profession. URL: <https://yandex.ru/turbo/news.ru/s/society/pandemiya-zastavila-shkolniki-inache-posmotreli-na-vybor-professii> (дата обращения: 28.06.2021)
7. Sociological Dictionary. URL: <http://enc-dic.com/print/sociology/Professionalnaja-Orientacija-6846.html> (дата обращения: 28.06.2021).

Сравнительное исследование общественно-культурного пространства метрополитена (на примере Москвы и Уханя)

Вань Тао,

магистрант Института иностранных языков Ланьчжоуского университета
E-mail: taowan0415@gmail.com

Лю Ци,

магистрант Института иностранных языков Ланьчжоуского университета
E-mail: 1223913869@qq.com

В данной статье рассматривается проблема целесообразного использования пространства метрополитена в аспекте культурно-просветительской работы с гражданами и гостями страны. Целью данной работы является сравнительный анализ культурного пространства Московского и Уханьского метрополитена для выявления их особенностей и преимуществ, чтобы предоставить рекомендательно-справочные информации по созданию культурного пространства метро в Ухане и других городах Китая.

В результате исследования констатируется, что культурное пространство Московского метрополитена всемирно признано как такое, которое приближено к идеальному: оно отражает в высоко художественной форме историю страны и города, национальное своеобразие культуры, доступно и ненавязчиво. Пространство Уханьского метрополитена используется не в полной мере для культурно-просветительской работы, хотя имеются достойные начинания.

В статье делаются следующие выводы: пространство метрополитена, как самое посещаемое разнообразной аудиторией, может быть полифункциональным и использоваться в целях оздоровления граждан и гостей страны с самобытной культурой города и его историей, что приведет не только к повышению культурного уровня населения, но и к развитию такой области экономики, как туризм. Оно должно отражать многообразие национальной культуры города, быть доступным для восприятия и в то же время информативным и высоко художественным.

Ключевые слова: региональная культура, культурное пространство метрополитена, функции пространства метрополитена, Московский метрополитен, Уханьский метрополитен.

Постановка проблемы. По мере стремительно-го развития экономики и общества строительство инфраструктуры метро становится все более приоритетным направлением в развитии железнодорожного транспорта в крупных городах мира. Это объясняется тем, что метро играет ключевую роль в предоставлении услуг по транспортному передвижению и облегчению нагрузки городского наземного движения. Однако мир меняется и в наше время метро уже нельзя рассматривать просто как транспортное средство. Метрополитен в настоящее время полифункционален – это своеобразный регистратор культуры города и экран для ее презентации.

В последние годы во всех крупных городах Китая ведется масштабное строительство метрополитена, появились ряды новых эксплуатационных линий. В городе Ухане, который представляет собой мегаполис Китая, за последние годы достигнуты высокие результаты в строительстве метрополитена. Но существует еще много проблем в культурном дизайне пространства метро.

Общество заинтересовано в полифункциональности пространства метрополитена, поэтому ученые исследуют его возможности: Анализируется и описывается Московский метрополитен как культурный феномен в целом (М. Вальдес-Одриосола[1]); Исследуется влияние культурного пространства метрополитена на процесс социализации жителей мегаполиса (Д. Сальникова [2]); Подробно анализируются функции ансамблей Московского метрополитена на его отдельных станциях – «Площадь революции», «Маяковская» (М. Вальдес-Одриосола[3]); Проводится сравнительный анализ культурно-эстетических функций советского и российского метро (А. Шамец[4]); Рассматривается пространство метрополитена эпохи Сталина как отражение исторической и культурно-политической действительности [5]. Не остается без внимания ученых и подземная архитектура станций будущего (Д. Бойцов [6]).

В последние годы в Китае тоже постепенно расширяется круг исследований по проектированию культурного пространства метрополитена [7] Рен Фупэн.[8] Гао Руи. Е Цин. Однако остаются недостаточно освещенными возможности заимствования положительного опыта строительства культурного пространства Московского метрополитена другими странами и городами, в том числе в КНР.

Методы исследования. Основными методами исследования являются анализ специальной литературы, в которой освещаются результаты изучения сферы дизайна культурного пространства

метрополитена; наблюдение и сопоставительный анализ культурного пространства метрополитена в городах Москва и в Ухань; обобщение полученных материалов с целью создания рекомендаций для строительства полифункционального пространства станций метрополитена в городах КНР.

Результаты исследования. В результате исследования пространства Уханьского метрополитена, установлено, что он оснащен новейшими передовыми технологиями и системой, но функция метро, единственная – средством передвижения обеспечение транспортного передвижения жителей города, а культурная функция метро не реализуется.

Напротив, зарубежные страны занимают лидирующие позиции в дизайне культурного пространства метрополитена. К примеру, Франкфуртский метрополитен Германии, Московский метрополитен России, Многосторонний метрополитен Канады и т.д. В этих странах гораздо выше уровень теоретических и практических разработок в области создания культурных пространств метрополитена.

При строительстве и дизайне метро таких городов, как Пекин, Нанкин и Сиань, уделяется все больше внимания культурным аспектам. В процессе строительства метро в Ухане проведены лишь первоначальные исследования и внедрение их результатов в практику создания метро как культурного пространства, однако эти результаты пока незначительны.

Московский метрополитен – самый красивый подземный дворец искусств – известен во всем мире. Метрополитен не только предоставляет москвичам удобный и быстрый сервис передвижения, но и делает каждую поездку граждан культурным путешествием. Московский метрополитен имеет уникальные дизайнерские концепции и идеи, а планировка и декорация внутренних станций обладают глубоким историческим и культурным колоритом: масштабный дизайн арочной формы, классическая рельефная резьба по дереву, взятая из истории русской архитектуры, коннотативные названия станций метро. Это визуальное оформление метрополитена передает культурные коннотации русской нации и отражает культуру и искусство интернационального города Москвы. Дизайн и интерьер станции метрополитена основаны на идее: одна станция – один вид. При этом подземное пространство и наземная историческая траектория отражают и дополняют друг друга. Ученый М. Вальдес-Одриосола в статье «Культурное чудо города – Московский метрополитен» отмечает: «Московский метрополитен – это мост между историей и реальностью с уникальным художественным стилем. Пространственное и культурное строительство интерьера московского метрополитена отлично и рационально, чрезвычайно привлекательно и имеет большое значение для культурного строительства города в целом» [1].

Простота и эстетика вагонов Московского метрополитена – органичное сочетание современных технологий и исторических элементов. Старомодные вагоны напоминают о советской эпохе, а со-

временный интерьер дает ощущение современности, таким образом у пассажиров Московского метрополитена создается ощущение дислокации во времени и пространстве, прекрасное визуальное впечатление. Коммерческие рекламы в вагонах крайне редки, на внутренних стенах вагонов содержатся тексты с теплыми отзывами горожан о городе Москве. В Московском метро также можно встретить фрагменты, воссоздающие классические русские фильмы, такие как «Сибирский цирюльник» и «Утомленные солнцем», классические произведения литературы – «Война и мир» и др.; большое количество фрагментов произведений литературных гигантов, портреты выдающихся личностей, внесших большой вклад в развитие государства и русской нации.

На электронном дисплее в вагонах всегда отображается программа МОСКВА 24, которая предоставляет пассажирам ежедневные новости Москвы, рекомендации к сезонному отдыху, викторины о стране и др. Все, что показывается в метро, имеет тесную связь с жизнью народа и города Москвы. Это дает возможность москвичам и гостям города почувствовать человеческий аспект города и его сильный культурно-гуманистический дух.

Стремительное развитие Московского метрополитена было вызвано модернизацией города и, в свою очередь, метрополитен подпитывал и стимулировал развитие самого города.

Красота Московского метрополитена сочетается с богатством исторических элементов и современных эстетических фрагментов; он запечатлевает культурную ментальность горожан, сложившуюся таким образом, чтобы радовать публику своим духом, унаследованным духом и развивающим уникальную культуру города.

Станции в Московском метро чаще всего носят названия улиц, площадей. Учитывая тот факт, что в Москве около 200 названий станций метро, можно сделать вывод о том, что в них отражены названия практически всех улиц и переулков, связанных с историческими событиями и выдающимися личностями. Таким образом, Московский метрополитен отразил развитие российской истории. Вне зависимости от материального состояния московского метро (а со временем интерьер метро будет постепенно изнашиваться и стареть, обновляться), духовная культура и история, которую оно несет, не исчезнет с течением времени, а со временем будет все глубже и глубже запечатлеваться в духовном мире людей именно потому, что станции Московского метрополитена – не просто транспортные точки.

Станция «Парк Победы» несет в себе историческую память о Великой Отечественной войне, которую не забудут поколения всех россиян, никто никогда не забудет этот тяжелый период в истории, не говоря уже о храбрых подвигах солдат, о родных и близких, погибших при защите Родины. В День Победы каждый год в парке Победы проходят торжественные праздничные мероприятия. На станциях метро тоже сохранились фрески в па-

мять о Великой Отечественной войне. Станцию метро «Парк Победы» также рассматривают как важный источник патриотического воспитания.

На станции «Площадь Революции» представлена историческая картина Октябрьской революции, с ее высоким пространством, великолепными украшениями и яркими статуями людей, среди которых красноармейцы с оружием в руках, революционный патруль на службе, советские знаменосцы, революционные вожди со страстными речами и т.д., что наглядно демонстрирует захватывающую историческую картину Октябрьской революции, словно перенося вас в бурную революционную историческую эпоху.

Станция «Маяковская» – вершина мозаического искусства в строительстве и дизайне культурного пространства Московского метрополитена: 34 мозаические картины украшают высокий потолок подземного зала, дополненного освещением, что напоминает галерею искусства. Станция «Маяковская» – одна из самых известных культурных точек на карте Москвы, обязательное место посещения для иностранных туристов, квинтэссенция российской национальной культуры, которая входит в состав российского государственного культурного наследия.

Каждая из станций Московского метрополитена спроектирована с разными дизайнерскими решениями и декоративными приемами и стилями. Дизайнеры воспользовались различными элементами и идеями, такими как гранит, мрамор, витражи и керамика, что придало дизайну и оформлению интерьера метро множество разнообразных впечатлений. Станция метро «Ленинская», «Чеховская», «Библиотека», «Третьяковская» и многие другие – лучшие художественные шедевры в культуре города Москвы и России, привлекающие людей всех слоев общества своими сильными и самобытными культурными факторами.

При проектировании и строительстве общественного культурного пространства Московского метрополитена рационально используются современные технологии для творческого освещения и презентации информации об исторических событиях и личностях, что не только усиливает общую эстетику станции метро, но и ненавязчиво рассказывает историю Москвы и России проезжающим пассажирам, добываясь идеального сочетания двух функций метрополитена – транспортной и культурной.

Первая линия метрополитена в Ухане начала работать значительно позже, чем в Москве – в 2000 году, но метро интенсивно развилось и быстро достигло колоссального масштаба: сетка линий охватила весь город. Уханьский метрополитен насчитывает 14 действующих линий, сформирована сеть подземных железнодорожных маршрутов общей протяженностью 606 км, включающая 228 станций.

Город Ухань как международный мегаполис хорошо связан линиями метро. В начале строительства метрополитена форма и декоративное

оформление станций носили характер однообразный и скучный – все они были одинаковыми. В связи с модернизацией города Уханя его облик преобразуется. Дизайн культурного пространства метрополитена все больше устремляется к разнообразию. Художественное оформление внутреннего пространства метрополитена также значительно улучшается. Многие последние по времени строительства станции обладают отчетливо выраженными особенностями, отражающими региональную историю и национально-культурный колорит Ухани. Создатели метро, реализуя традиционную культурную коннотацию современными научными и технологическими средствами, значительно усиливают духовность и культурную интерактивность пространства метрополитена.

Однако в процессе исследования также было обнаружено, что существует много проблем в проектировании культурного пространства метро Уханя. Древняя история города накопила богатое историческое культурное наследие и уникальные региональные народные обычаи, которые являются драгоценными ресурсами, нуждающимися в разумном использовании во время проектирования и строительства Уханьского метро. В то же время модернизация города Уханя породила появление большого количества выдающихся личностей и памятных исторических деяний, которые целесообразно увековечить в памяти народа. Разумная интеграция политических, экономических, исторических, фольклорных и других культурных достижений города в пространстве метрополитена составляет не только трудность, но и приоритетное направление, на которое следует обратить особое внимание при расширении и создании метро будущего.

Считается, что самое красивое место в метро Уханя – станция метро CBD. Голубой фон звездного неба гармонирует с куполом, а все звездное небо над станцией метро, созданное из сине-фиолетового прозрачного стекла, образует символическое космическое пространство; композиция гармонична и доставляет эстетическое наслаждение.

Дизайн станции метро «Шуйи-роуд» основан на историческом фоне Учанского восстания (1911 г., вооруженное выступление, послужившее началом Синьхайской революции). Тематический цвет станции – красный, что символизирует революционный дух, смелость и подвижничество. На станции выставлены некоторые ценные исторические фотографии Учанского восстания, что позволяет публике узнать об этой славной истории Уханя, не заходя в музей. Это вызывает у горожан интерес и тягу к более глубокому познанию этого исторического события. Мы наблюдаем пример удачного сочетания дизайна внутреннего пространства метрополитена с историей родного края, что не только украшает метро и расширяет культурный опыт пассажиров, но и реализует функцию познания истории и культуры.

В Ухане имеется много других уникальных станций метро: станция Fuxing Road с темой – «На-

дежда на возрождение», станция Чжунцзяцунь с культурной стеной «Древний ритм высокой горы», станция Улидунь с исторической и культурной тематикой на стене -»Период Чжан Чжидун во главе Хубэя», станция Хуншаньская площадь с темой «Поэзия и культура Цзинчу», станция Ванцзя Вань с темой «Модный ритм», станция Парк Тань Синьпэй, названная в память о знаменитом мастере Пекинской оперы Тань Синьпэй, станция Парк Гуан Гу с темой «Современная наука и информационная техника» – все эти станции метро обладают своими особыми характеристиками, в которых прослеживается целесообразное сочетание культуры, истории с внутренним пространством метро, что значительно усиливает духовную атмосферу в метро Уханя и подчеркивает культурный колорит города. В этом наблюдается успешная тенденция проектирования метро как транспортной артерии и культурного пространства города.

Однако следует признать, что эти уникальные станции – лишь малая часть всех станций метрополитена в Ухане, а большинство из них страдают стереотипной скукой и отсутствием новизны. С развитием и модернизацией города Уханя будет вводиться в эксплуатацию все больше и больше линий метро. Как реализовать идеальное сочетание культурной и транспортной функций метро при проектировании новых станций и как разумно модернизировать старые – это вопросы, которым необходимо уделять значительно больше внимания в будущем.

Акцентируем внимание на проблемах в проектировании внутреннего культурного пространства Уханьского метрополитена. К ним относятся следующие:

1) Отсутствие региональных особенностей и наличие гомогенизации.

В художественном дизайне уханьского метро не хватает уникальных региональных элементов культуры для выражения колорита Уханя: лишь несколько станций построено с оригинальным дизайном, отражающим особенности города.

Московское метро, с точки зрения культурного дизайна, – противоположность Уханьскому. При этом практически каждая станция Московского метро выглядит как культурно-художественный шедевр дизайнеров, несмотря на наличие некоторых станций, выдержанных в современном минималистском дизайне. Дизайн большинства станций Уханьского метро в основном однофункциональный – предоставление пассажирам услуг передвижения с одной станции на другую. Дизайн станции не выражает региональных особенностей Уханя как города с древней историей и культурой, и имеет тенденцию к гомогенизации. Например, многие станции на линии 2, такие как станция Мэйюань и станция Вокзал Учан, имеют в точности одинаковые стилевые и декоративные элементы.

2) Отсутствие интерактивного взаимодействия между пространством метро и пассажирами.

По сравнению с Московским метрополитеном Уханьский метрополитен имеет более выражен-

ную транспортную функцию и слабо реализованную культурную функцию. И это вполне объяснимо: вследствие огромного населения города, насчитывающего десятки миллионов жителей (10 220 000 человек), первоначально главной целью Уханьского метрополитена было снятие транспортного давления. В то же время строительство и эксплуатация метро являются дорогостоящими, а минималистский подход к реконструкции метро значительно сокращает расходы на строительство. В результате на большинстве первых станций метрополитена отсутствуют элементы культуры, а на пустых стенах станций, как правило, преобладает коммерческая реклама. Эти коммерческие элементы едва ли резонируют с духовностью и обеспечением культурной подпитки пассажиров. Интерактивность между людьми и городом также становится односторонней, а гуманистическая атмосфера города значительно ослабляется.

Градостроители должны учесть общественное мнение и найти другие способы компенсировать финансовые затраты, пока метро зарабатывает деньги перевозками пассажиров.

3) Дисбаланс между наследием региональной культуры и модернизацией города.

В результате политики реформ и открытости Китая сверхбыстрое развитие китайских городов привело к тому, что экономическое строительство стало развиваться быстрее, чем культурное. Строительство метрополитена отражает идеологическую позицию: экономические выгоды являются основой и поэтому строительство метро в большей степени ориентировано на экономическое направление, а культурное – лишь дополнение к экономическим выгодам.

Ухань, будучи древним историческим и культурным городом, обладает особой культурой в каждом небольшом районе. Именно эти фрагментированные культурные очаги составляют целостную уханьскую культуру. Однако быстрые изменения в темпах развития общества кардинально сместили путь восприятия культурного наследия города и строительства культурного пространства метрополитена. Стремление к скорости повлекло игнорирование культурных ценностей при проектировании внутреннего пространства метрополитена. Проектируется включение культурных факторов неглубокого содержания путем простой имплантации поверхностных форм и накопления их в метро. Такие станции не в состоянии быть целостным образом и представлять богатую региональную культуру Уханя: фольклор, городскую историю, подземное и наземное строительство. Резюмируя сказанное, подчеркнем, что Ухань испытал дисбаланс в процессе модернизации, в котором культурное строительство серьезно отстает от экономического строительства.

Выводы. Пространство метро – публичное пространство, где находит выражение публичное искусство. Если иметь в виду, что «публичное искусство – выражение города, форма современной культуры», то есть произведения дизайна,

созданные художниками для воплощения в этом пространстве, то тогда проектирование и строительство культурного пространства внутри метро должно воспроизводить историю, обычаи и другие культурные ценности, имеющиеся в городе, с помощью определенных методов и средств, превращая метро в еще один новый источник городского общественного искусства.

Московское метро как важное место распространения общественной культуры в городе пополняет духовное богатство города, позитивно выражает самобытность и культурные ценности Москвы, отражает высокий уровень гордости и отождествления горожанами себя со своим городом, обогащает имидж Москвы как мегаполиса. Когда московское метро стало заметным общественным искусством, тогда эти его ценные качества пробудили мышление и сознание не только москвичей и градостроителей столицы, но и, на наш взгляд, ретроспективное переосмысление градостроителями Китая, как взять на себя инициативу по изучению положительного опыта зарубежного строительства метрополитена в плане выражения культурного дизайна.

Народная культура – источник духовности. В то время как промышленное производство решает проблему материального выживания человека, культура занимается тем, как удовлетворить потребности человека на более высоком уровне, как по-настоящему осознать ценность человека, как осознать высшую заботу о человеке и как сформировать духовное пространство человека, чтобы человеческий характер и способности лучше отвечали потребностям социального развития. В этом отношении официальная мейнстримовая культура и элитарная культура научных кругов играют роль путеводителей, а народная культура имеет более широкую аудиторию и универсальную применимость. Использование народной культуры средствами массовой коммуникации с помощью современных технологий делает ее более доступной и приемлемой для широкой публики.

«Как одна из форм визуальной коммуникации городской культуры метро взяло на себя важную ответственность за формирование культурного пространства, так как в процессе культурного развития и развития современных технологий коммуникация визуальной культуры в метро становится все более диверсифицированной и популярной, следовательно, художественное проектирование пространства метро должно руководствоваться современными технологиями и интегрировать диверсифицированные методы визуальной коммуникации, чтобы в пространстве метро подсознательно происходило унаследование культуры города «[10]. Как обычное транспортное средство, используемое большинством населения ежедневно, метро тесно связано с жизнью широкой общественности. По мнению Гао Руи, благодаря разнообразным методам визуальной коммуникации в культурном дизайне метро, наличию широкой аудитории и современных технологий, город-

ская культура может быть унаследована и развита в пространстве метро. Городская культура приходит к горожанам, каждый строит городскую культуру, и каждый делится плодами строительства городской культуры.

Культура Московского метрополитена направлена на людей и близка им, поскольку создана москвичами не как павильон, который создает у публики странное ощущение недостижимости. Это также важное направление, которое Ухань и другие города Китая должны учитывать при проектировании культурного пространства метро в будущем: пусть общественность строит городскую культуру метро, пусть общественность принимает городскую культуру метро, а затем пусть граждане тонко определяют, чувствуют, запоминают и активно продвигают культуру, содержащую ценности их собственного города, их культурные и исторические места.

Формирование визитной карточки города. Каждый город в ходе своего исторического развития сформировал уникальную региональную культуру, включающую в себя традиции, обычаи, народное искусство, достопримечательности, свою особую кухню и т.д. В определенной степени эти элементы представляют собой духовный стиль, имидж города и формируют внешнюю визитную карточку города. Отличная визитная карточка может позволить городу занять выгодное положение в международном обмене и деловой торговле, привлечении инвестиций, а также дать возможность отечественным и иностранным туристам лучше понять местные особые культурные туристические ресурсы и стимулировать развитие туризма. Например, Нанкин – «древняя столица шести династий», Ухань – «город рек», Санья – «тропический туристический курорт», Куньмин – «город весны» и т.д. Эти городские визитные карточки прекрасно известны в Китае и на международном уровне.

Вход культуры в метро не только подчеркивает красоту самого метро, но и делает метро экраном и носителем городской культуры для внешнего мира. Дизайн культурного пространства Московского метрополитена вобрал в себя великую национальную память об Отечественной войне, бурлящую историю Октябрьской революции, прекрасную поэзию Пушкина, мощный литературный дух Толстого, Чехова и других литературных гигантов, сделал московский метрополитен самым красивым подземным дворцом искусств в мире, визитной карточкой города, прославившегося на весь мир. Отражение городской культуры в культурном пространстве метро формирует визитную карточку и культурный имидж города.

Достопримечательности Уханя: Башня жёлтого журавля, величественный мост через реку Янцзы, буддийская святыня Гуйюань, 1000-летний королевский храм Баотонг, Красные ворота демократии в Азии, Дом заседаний (ЦК КПК) 7 августа (1927 г.) и другие – могут через пространство метро стать достоянием посетителей всего мира, формируя позитивное представление об уникаль-

ной культуре Уханя. Следует прислушаться к мнению ученых, считающих, что метрополитеновская культура ... является важной частью культурной системы города, и, учитывая эту важность, строительство метро с культурным пространством должно быть реализовано на практике не для пустой помпезности, а с целью культивирования эстетических вкусов, культурных традиций, интегрируя их с модой и адаптируя к местным условиям. [10]. Строительство культурного пространства внутри метро городов Китая имеет тенденцию к фрагментарности, и Ухань и другие китайские города должны воспользоваться вертикальным соответствием между системой метро и ресурсами культурного наследия на земле, чтобы интегрировать подземные и наземные культурные ресурсы, делая метро коридором городской культуры. И в том процессе разумно сокращать коммерциализацию метро, в полной мере использовать современные информационные технологии, идти в ногу со временем, удалить грубое и выразить квинтэссенцию национальной культуры, полностью отразить гуманистическую заботу о человеке, показать культурное очарование города. Надеемся, что китайская культура метро выйдет на международную арену наряду с Московским метро, Лондонским и другими метрополитенами.

Литература

1. Московский метрополитен как культурный феномен, Мария Сантьяговна.
2. Влияние культурного пространства московского метрополитена на процесс социализации жителей мегаполиса, Сальникова Дарья Сергеевна.
3. Социально-культурные функции ансамблей московского метрополитена «Площадь революции» и «Маяковская», Вальдес Мария Сантьяговна.
4. Социально-культурные функции советского и российского метро, Шамец Андрей Андреевич.
5. Метро эпохи Сталина как отражение исторической и культурно-политической действительности, Громадина А.А., Данилова В.Е.
6. Подземная архитектура: новые образы станций московского метрополитена, Бойцов Д.А.
7. Рен Фупэн. Интеграция общественного пространства метрополитена и декоративного искусства [D]. Циндаоский технологический университет, 2017.
8. Гао Руи. Исследование состояния визуальной коммуникации городской культуры в пространстве метрополитена и ее развитие [J]. Design, 2016(17):140–141.

9. Е Цин. Исследование выражений и методов общественного искусства на специальных художественных станциях Уханьского метрополитена [J]. Красота и время(на), 2015(07):56–66.
10. Лю Тун: Исследование региональных культурных особенностей дизайна общественного искусства Сианьского метрополитена [D]. Сианьский университет архитектуры и науки, 2011.

A COMPARATIVE STUDY OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE METRO (USING MOSCOW AND WUHAN AS EXAMPLES)

Wan Tao, Liu Qi
Lanzhou University

This article examines the problem of the expedient use of the metro space in the aspect of cultural and educational work with citizens and guests of the country. The purpose of this work is a comparative analysis of the cultural space of the Moscow and Wuhan subways to identify their features and advantages, in order to provide advisory and reference information on the creation of the cultural space of the subway in Wuhan and other cities in China.

As a result of the study, it is stated that the cultural space of the Moscow Metro is internationally recognized as one that is close to the ideal: it reflects in a highly artistic form the history of the country and the city, the national identity of culture, accessible and unobtrusive. The space of the Wuhan Metro is not fully used for cultural and educational work, although there are worthy undertakings.

The article draws the following conclusions: the metro space, as the most visited by a diverse audience, can be multifunctional and used to familiarize citizens and guests of the country with the original culture of the city and its history, which will lead not only to an increase in the cultural level of the population, but also to the development of such areas of economics like tourism. It should reflect the diversity of the city's national culture, be comprehensible and at the same time informative and highly artistic.

Keywords: regional culture, metro cultural space, metro space functions, Moscow Metro, Wuhan Metro.

References

1. A cultural phenomenon – Moscow metro. Maria Santiagovna.
2. The influence of Moscow metro's cultural space on the socialization process of metropolitan residents, Salnikova Darya Sergeevna.
3. The art collection of Moscow metro – the social and cultural functions of «Ploshchad Revoluion» and «Moyakovskaya « Station, Valdes Maria Santiago Vna.
4. Social and cultural functions of metros in the Soviet Union and Russia. Andrey Andreevich Shamets.
5. A reflection of historical, cultural and political realities- Metros in Stalin Era, Gromadina A.A., Danilova V.E.
6. Underground building: A New Image of Moscow Metro Station, Boizov D.A.
7. Ren Fupeng. The integration of metro public space and decorative arts [D]. Qingdao University of Technology, 2017.
8. Gao Rui. On the current situation and development of visual communication of urban culture in domestic metro space [J]. Design, 2016 (17): 140–141.
9. Ye Qing, Ding Xiao, Wang Chang. Research on public art expression forms and techniques in Wuhan metro characteristic art stations [J]. Beauty and Times (I), 2015 (07): 56–66.
10. Liu Tong. Research on Regional Cultural Characteristics of Public Art Design of Xi'an Metro [D]. Xi'an University of Architecture and Technology, 2011.

К вопросу определения структуры социальных отношений в воинских коллективах

Коржев Сергей Васильевич,

преподаватель кафедры космических войск Военного учебного центра при Московском авиационном институте (национальном исследовательском университете)
E-mail: Korzhev_8080@mail.ru

В данной статье предпринята попытка рассмотреть один из возможных теоретических подходов к анализу структуры социальных отношений в воинских коллективах Вооруженных Сил Российской Федерации и управления ими в рамках военной организации. Специфика выполняемых военнослужащими задач обуславливают существование в воинских подразделениях особой совокупности взаимоотношений, которые характеризуют организационную структуру воинского коллектива. Особенностью отношений в военной организации выступает их строгая регламентация в соответствии с требованиями руководящих документов, действующих в Вооруженных Силах Российской Федерации. Основное внимание сосредоточено на неформальном компоненте социальной структуры воинского коллектива. Социологический анализ неформальной структуры дает возможность подробнее исследовать функциональные связи, механизмы внутриколлективных взаимоотношений между различными категориями военнослужащих, уточнить характер социальных процессов, протекающих в воинских коллективах, выявить факторы, обуславливающие стабильное функционирование подразделения, а также определить основные противоречия и условия их разрешения.

Ключевые слова: воинский коллектив, социальные отношения, управление, формальная и неформальная структура.

Актуальным требованием современных социальных практик выступает применение комплексного, всестороннего, системного подхода к решению различного множества задач по управлению социальными отношениями в мидл-организациях – воинских коллективах Вооруженных Сил Российской Федерации.

В настоящее время в российской армии предпринимаются активные, действенные меры по совершенствованию управления военнослужащими, военно-социальными отношениями в воинских коллективах [1]. Вырабатывается комплексная система мероприятий, обеспечивающая эффективное и последовательное включение личного состава во сферы функциональной деятельности воинских коллективов. Создание такой системы обуславливает необходимость информационного обеспечения все более усложняющейся структуры социально-управленческих отношений и процессов в воинских коллективах.

При исследовании военно-социальных отношений в воинских коллективах целесообразно выделение в их структуре формальной и неформальной сторон. Формальная структура воинского коллектива определяется, как официальная организация воинского подразделения, которая определяется целями и задачами, поставленными перед военной организацией. Специфика данных целей и задач обуславливают существование в воинских подразделениях особой совокупности взаимоотношений, которые характеризуют организационную структуру воинского коллектива.

Примером для описания организационной структуры воинского коллектива может быть выбран батальон, который состоит из рот, рота в своем составе имеет взвод, в которые входят отделения и военнослужащие в них, выполняющих обязанности командира, стрелка, старшего стрелка, гранатометчика и др. Отличительной особенностью отношений в военной организации выступает их строгая регламентация в соответствии с требованиями приказов, наставлений, воинских уставов, действующих в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Стоит заметить, что описание отношений в воинском подразделении только с позиции организационной структуры воинского коллектива будет неполным. Военнослужащие в воинских коллективах, вступая друг с другом в официальные отношения, в тоже время вступают и в неформальные (личные) отношения, которые не обязательно предусмотрены в нормативных документах (дружба, уважение, доверие, лидерство, авторитет, сим-

патия, инициативность, напряженность, конфликт и др.) [2;3]. Именно в неформальной структуре находят отражение индивидуальные особенности отдельной личности и воинского коллектива в целом. Социологическое изучение данного компонента выступает актуальным направлением современных исследований [4,5,6,7].

Официальная и неофициальная структуры воинских коллективах, находясь в тесной взаимосвязи между собой и представляют собой единую социальную систему, объединяющую военнослужащих в различных сферах воинской деятельности. Теоретический анализ источников, посвященных проблеме исследования структуры социальных отношений в военной организации, позволяет сделать вывод, что военно-социальные отношения в воинских коллективах можно представить в виде системы межколлективных (межгрупповых) отношений, внутриколлективных (внутригрупповых) отношений, возникающих между военнослужащими в различных сферах жизнедеятельности воинского коллектива (служебно-функциональной, общественно-политической и социально-бытовой сферах). В каждой из этих сфер выделяются относительно самостоятельные виды социальных отношений: а) военно-служебные (отношения, связанные непосредственно с воинской службой, выполнением учебно-боевых и служебных задач и т.д.); б) общественно-организационные (отношения в системе общественной, спортивно-массовой работе и т.д.); в) социально-бытовые (отношения, связи и контакты военнослужащих в сфере досуга и быта и т.д.); г) культурно-духовные (отношения, связанные с удовлетворением культурных и духовных потребностей, интересов и т.д.); д) социально-управленческие (отношения, связанные с регулированием, контролем, воспитанием, координацией совместной деятельности и т.д.) [8,9].

Перечисленные выше виды социальных отношений в воинских коллективах позволяют выделить их в особую категорию военно-социальных отношений. При этом Б.В. Кузьменко замечает, что различные виды военно-социальных отношений (военно-служебные, общественно-организационные, бытовые, культурно-духовные, социально-управленческие) в той или иной сфере воинской деятельности представлены по-разному. Так, например, военно-служебные отношения всегда выступают преобладающими над остальными видами отношений в служебно-функциональной сфере, а бытовые являются определяющими в социально-бытовой сфере и т.д. [8].

Военно-социальные отношения определенным образом сочетаются и переплетаются в процессе повседневной деятельности военнослужащих, создавая при этом сложные структурные образования, которые к тому же отражают особенности взаимодействия различных сторон жизнедеятельности воинского подразделения. Описываемые отношения составляют социальную структуру воинского коллектива. Социологический анализ данной структуры дает возможность подробнее

исследовать функциональные связи, объективные механизмы внутриколлективных взаимоотношений между различными категориями военнослужащих, уточнить характер социальных процессов, протекающих в воинских коллективах, выявить факторы, обуславливающие стабильное функционирование подразделения, а также определить основные противоречия и условия их разрешения.

О значимости неформального компонента в структуре военно-социальных отношений в коллективе пишет Г.К. Жуков. При изучении причин проступков в одном из воинских коллективов было выявлено, что значительное число проступков было совершено военнослужащими по причине того, что командиры не учитывали характера и индивидуальных особенностей своих подчиненных, не всегда справедливо расценивали их поведение и поступки [10]. Таким образом специфика условий воинской службы усиливает значимость и ответственность должностной позиции руководителя в регулировании военно-социальных отношений в воинском коллективе и в то же время предъявляет повышенные требования в личном, морально-нравственным качествам офицеров различных уровней управления. Любое распоряжение, любой приказ командира будет выполнен с большей инициативностью и самоотдачей, чем больше подчиненные военнослужащие в коллективе будут уверены, что командир в любых условиях складывающейся обстановки примет все возможные меры для обеспечения выполнения задачи.

Специфическая особенность отношений в армии обуславливается тем, что в условиях постоянной боеготовности воинских частей требует от каждого военнослужащего всегда быть начеку, при любых обстоятельствах. Именно поэтому отношения между командирами и подчиненными сохраняют свой служебный вид не только при выполнении непосредственно функциональных обязанностей, но и в свободное от службы время, как на территории воинской части, так и за ее пределами, где наиболее наибольшим влиянием пользуются командиры с высоко выраженными личными качествами, выступающими условием подъема боевого духа подразделения, особенно в условиях боя.

Таким образом, социальная структура военно-социальных отношений в воинских коллективах представляет собой сложную систему устойчивых взаимодействий, которые объединяют военнослужащих в различных сферах совместной деятельности и общения. Управление и контроль существующих отношений в воинских коллективах будут обеспечивать эффективное функционирование военной организации. Для определения направлений управляющего воздействия, необходимо сосредоточиться на исследовании неформальной структуры социальных отношений в коллективах, среди которых для социологического исследования особый интерес представляют потребности военнослужащих (в общении, в творчестве, в знании, в управлении), осознание данных потребно-

стей в форме стремлений, желаний, интересов. Суть же управления неформальной структурой воинского коллектива будет заключаться в целенаправленном управленческом воздействии на формирование потребностей военнослужащих с целью их приведения в соответствие с потребностями военной организации.

Литература

1. Итоговая коллегия Минобороны России 2020 [Интернет-ресурс]: <http://itogi2020.mil.ru>.
2. Осипенко Э.Б., Сальников А.В., Барановский М.В. Авторитет и доверие в структуре военного управления и военной мысли // Социология. 2020. № 6. С. 76–83.
3. Погребной Д.Н. Социальная активность военнослужащих как компонент служебного поведения // Социология. 2020. № 6. С. 112–116.
4. Барановский М.В. Некоторые компоненты теоретико-социологического изучения доверия в военной организации: комплектование вооруженных сил и идеология. Социология. 2020. № 5. С. 35–43.
5. Барановский М.В., Шевель П.П. Опыт демографического и социального прогнозирования призывного потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации // В книге: Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социо-логических исследованиях». Ответственный редактор А.В. Кулешова. 2017. С. 939–948.
6. Дорофеев Д.В. Опыт исследования социальной напряженности военными социологами. Вестник адъюнкта. 2020. № 4 (10). С. 16.
7. Сальников А.В. Опыт социологической диагностики авторитета офицера-руководителя: организационно-методические аспекты. Вестник адъюнкта. 2019. № 4 (6). С. 12.
8. Кузьменко Б.В. Социальные процессы в воинских коллективах как объект системного анализа и управления (философско-социологическое обоснование): учеб. пособ. М.: 1990. 70 с.
9. Скок А.С. Социальные технологии в системе управления военной организации: монография. М.: 1997. 158 с.
10. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 415 с.

ON THE QUESTION OF DETERMINING THE STRUCTURE OF SOCIAL RELATIONS IN MILITARY COLLECTIVES

Korzhev S.V.

Moscow Aviation Institute

This article attempts to consider one of the possible theoretical approaches to the analysis of the structure of social relations in the military collectives of the Armed Forces of the Russian Federation and their control within the framework of the military organization. The specificity of the tasks performed by servicemen determine the existence in military units of a special set of relationships that characterize the organizational structure of military collectives. A feature of relations in the military organization is their strict regulation in accordance with the requirements of the governing documents in force in the Armed Forces of the Russian Federation. The main attention is focused on the informal component of the social structure of the military collective. Sociological analysis of the informal structure makes it possible to study in more detail the functional ties, mechanisms of intracollective relationships between various categories of servicemen, to clarify the nature of social processes occurring in military collectives, to identify the factors that determine the stable functioning of the unit, and also to determine the main contradictions and the conditions for their resolution.

Keywords: military collective, social relations, management, formal and informal structure.

Reference

1. The final board of the Russian Ministry of Defense 2020 [Internet resource]: <http://itogi2020.mil.ru>.
2. Osipenko E.B., Salnikov A.V., Baranovsky M.V. Authority and trust in the structure of military control and military thought // Sociology. 2020. No. 6. S. 76–83.
3. Pogrebnoy D.N. Social Activity of Servicemen as a Component of Service Behavior // Sociology. 2020. No. 6. S. 112–116.
4. Baranovsky M.V. Some components of the theoretical-sociological study of trust in the military organization: the manning of the armed forces and ideology. Sociology. 2020. No. 5. S. 35–43.
5. Baranovsky M.V., Shevel P.P. The experience of demographic and social forecasting of the draft potential of the Armed Forces of the Russian Federation // In the book: Materials of the VII international sociological conference Grushin "Towards the future. Forecasting in Sociological Research". Executive editor A.V. Kuleshova. 2017.S. 939–948.
6. Dorofeev D.V. Experience in the study of social tension by military sociologists. Adjunct bulletin. 2020. No. 4 (10). P. 16.
7. Salnikov A.V. The experience of sociological diagnostics of the authority of an officer-leader: organizational and methodological aspects. Adjunct bulletin. 2019. No. 4 (6). P. 12.
8. Kuzmenko BV Social processes in military collectives as an object of system analysis and management (philosophical and sociological substantiation): textbook. manual. Moscow: 1990.70 p.
9. Skok A.S. Social technologies in the control system of a military organization: monograph. Moscow: 1997.158 p.
10. Zhukov G.K. Memories and Reflections. In 2 volumes. Vol. 1.M.: OLMA-PRESS. 415 s.

Области исследования сциентизации: осмысление социокультурных трансформаций и изменений, связанных с ускорением инновационных процессов

Лагутин Юрий Викторович,

аспирант кафедры социологии коммуникативных систем
Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова
E-mail: lagutinyury@gmail.com

Пандемия новой коронавирусной инфекции многократно ускорила процессы внедрения дистанционных технологий в обучении, работе, сфере обслуживания, общении. Прежде весьма традиционные области жизни (например, родственное внутрисемейное общение) нельзя представить теперь без онлайн-включений для преодоления ограничений, связанных с эпидемиологической ситуацией.

Сциентизация социальных практик населения современных промышленных мегаполисов становится очевидным процессом и существенно ускоряет темпы внедрения научно-технологических инноваций.

Вместе с тем, реакция социума на процессы сциентизации весьма неоднозначна. Использование инновационных продуктов в обыденной жизни обостряет проблему доступа к ограниченному благу и углубляет неравенство между различными социально-демографическими группами населения. Основные линии разломов остаются прежними (город – село, возраст, гендерные различия, достаток, инфраструктура), но становятся гораздо более явными на фоне все более быстрого накопления информации, выхода на рынок все новых IT-продуктов, затруднений с работой на фоне пандемии.

Ключевые слова: сциентизация, урбанизация, трансформация, преемственность, прошлое, поколение, мегаполис, социальные практики, город, человек, информация, инновации, инфраструктура, идентичность, индивидуальность, культура, общество, процессы.

1. Применительно к осмыслению социокультурных трансформаций, связанных с развитием информационного общества (информационной экономики) и общества знаний заслуживают внимания работы, авторы которых выявляют общую основу для изменения социокультурной парадигмы существования человека, а именно тотальное распространение науки и культуры научного знания, проникновение технологий, возникающих в рамках цикла НИОКР (или R&D – Research and development) в социальную повседневность. В ряде работ подобные изменения обозначаются термином «сциентизация», применимом, впрочем, и для изучения других общественных явлений [20], [23].

В целом и целом понятие сциентизации достаточно полно описывает процессы, связанные с развитием информационного общества и цифровой экономики. При этом Ф. Николя противопоставляет указанному понятию демократизацию научного знания, его движение в сторону доступности и частичной десакрализации фигуры ученого-эксперта, движимого стремлением к всеобщему благу [22].

Отдельного внимания заслуживает фигура ученого-инноватора с явными задатками бизнесмена, обладающего при этом высоким уровнем креативного потенциала и более востребованном как в настоящем, так и в будущем, что способствует формированию новой социальной иерархии и требований к уровню технологической компетенции на фоне углубляющегося «цифрового неравенства» [9]. Отдельная тема – распространение культуры креативности и изобретательства, что в совокупности с неравномерным распределением институциональных факторов научного развития (система поддержки инноваций, наличие технологии государственной чешкой базы для их внедрения, рыночная инфраструктура и потребители инновационной продукции) приводит, по мнению К. Мартиньяно, к дальнейшему упрочению авторитета научного знания и фрустрации стремящихся быть креативными людей («сциентизация креативности») [21].

Указанные моменты позволяют вернуться к известной теоретической конструкции М. Фуко «знание как власть» и в целом включить часть рассматриваемых проблем в контекст развития постиндустриального общества, что предполагает расширение социальных функций научного знания как реакции на технологические вызовы [12].

Наконец, стоит выделить работы, проблематизирующие различные аспекты социальной трансформации под воздействием технологизации и цифровизации: передача опыта подрастающему поколению и распространение непроверяемых («непрозрачных») решений, принимаемых группой технократов, опирающихся результаты научных исследований [16]; необходимость изучения «социальной цифровизации» – изменения социальных отношений под воздействием цифровых технологий [6]; преодоление «культурного отставания», выражающегося в дисбалансе растущего научного знания в ущерб морали и культуры как главных регуляторов поведения человека в обществе [11].

Таким образом, проблема влияния сциентизации общественных отношений в условиях формирования и развития информационного общества и информационной (цифровой) экономики получила достаточно полное освещение в отечественной и зарубежной научной литературе, что позволяет рассматривать степень разработанности данной области исследований как достаточную для дальнейшей конкретизации в процессе конструирования социальных проблем.

2. Анализируя изменения, связанные с ускорением инновационных процессов, ориентированных на практики потребления современного человека авторы научных публикаций ориентируются на следующую тематику.

Во-первых, ключевым процессом, связанным со сциентизацией быта и повседневной жизни, в настоящее время считается переход к Четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0), главной характеристикой которой является не массовое производство однотипных товаров, а максимальное приспособление производственной деятельности под нужды и особенности конкретного потребителя («кастомизация»). В связи с этим можно отметить основополагающие работы П. Марша и К. Шваба [8], [18], в целом позитивно оценивающих возрастающую роль потребителя, ценящего технологическую сторону потребительских товаров. При этом отмечается, что фактически происходит отчуждение пользователя от используемых им устройств: сложность их настолько возросла, что затруднен не только самостоятельный ремонт, но и расширенная настройка и использование не по назначению. Данный аспект, в частности, является центральным в работе «Конец владения» А. Перзановски и Дж. Шульца, которые отмечают, что технологизация и сциентизация бытовых устройств приводит к тому, что условия их использования определяются с помощью юридических процедур (пользовательского соглашения) разработчиками, а не владельцами, которые уже не рассматриваются в качестве таковых [10].

Еще одним важным аспектом сциентизации быта и пользовательских устройств становится преобладание в разработке новых товаров дизайн-составляющей, основанной на научных исследо-

ваниях пользовательского поведения, сценариев использования [13]. Промышленный дизайн, как отмечают исследователи, превратился в отдельное научное направление на стыке психологии, социологии и антропологии и сам по себе способен стать источником инноваций [3]. Сконцентрированный в понятии «дизайн-мышление» данный ракурс рассмотрения взаимодействия технических средств и человека оставляет последнему не так уж и много свободы в принятии решений, если каждое его действие просчитано, проверено и алгоритмизировано. В связи с этим Л. Сачмен говорит о коренных изменениях во взаимодействии человека и машины, отмечая при этом: «задача в том, чтобы приписать агентность людям или вещам, а в том, чтобы рассмотреть формы материализации субъектов, объектов и отношений между ними в качестве результата – более или менее долговечного и спорного – текущих социоматериальных практик» [14].

Наряду с упомянутым выше аспектами ограниченного использования и интеграции дизайна как результата научной деятельности в повседневную жизнь людей стоит отметить и момент, связанный с изменением баланса прав собственности и владения. Так как значительную роль в современных высокотехнологичных устройствах играет интеллектуальная собственность, современный человек может почувствовать себя окруженным могущественными корпорациями, готовых предъявить иск за любой акт несанкционированного использования вещи [5].

Использование современных технологий в современной жизни, как было отмечено выше, заставляет по-новому воспринимать и окружающую действительность. Наиболее значимыми тенденциями в этом отношении исследователями упоминаются геймификация (внедрение с помощью персональных устройств и приложений игровой логики и динамики в повседневные социальные практики) и частично связанная с ней квантификация социальной и индивидуальной активности – то есть стремление к учету и оцениванию любых значимых или кажущихся такими действия: занятия спортом, пищевое поведение, путешествия, чтение, изучение иностранных языков. Последняя тенденция, впрочем, как отмечает С. Хонг, имеет значительный исторический бэкграунд и лишь усилившийся благодаря технологическому развитию [19]. Связь геймификации и квантификации особенно сильна при формировании рейтингов и других форм социальной конкуренции и сравнения [1]. Тем не менее, общим в указанных процессах является попытка вернуть часть утраченного контроля человека над своей жизнью и окружающего его предметов и устройств. Превращая устройство в источник упорядоченных данных, человек может с меньшими психологическими издержками взаимодействовать с технологизированным бытовым окружением.

Немаловажный аспект, связанный со сциентизацией быта, приводит исследователей к конста-

тации конечности жизни и исчерпаемости главного ресурса человека – времени [2]. При этом отмечается возрастающая плотность взаимодействия современного человека с другими людьми и устройствами, что заставляет по-новому поставить вопрос об управлении временем, минимизации информационного шума и в конечном счете – «цифрового детокса» [15]. Последний становится в свою очередь инновационной стратегией взаимодействия пользователей со сциентизированным бытовым окружением, но не решает проблему радикально и легко коммодифицируется ИТ-корпорациями через специальные приложения для отказа от приложений или учета времени, потраченного на них. Отметим также наличие большого количества публикаций, отмечающих потенциально вредное воздействие высокотехнологичных устройств на поведение и когнитивные процессы как детей, так и взрослых людей, что, впрочем, не выходит за рамки традиционной алармистской риторики по поводу любой новой технологии на протяжении последнего столетия: от телефона, радио и телевидения до первых версий персонального компьютера и портативных мобильных устройств.

Литература

1. Бурлаченко А.В. Геймификация как игровой механизм, запускающий психологические поведенческие реакции как в бизнес-среде, так и в повседневной жизни // Проблемы современной экономики. 2013. № 16. С. 130–135.
2. Вайсман Дж. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / пер. с англ. Н. Эйдельмана. М.: Дело, 2019.
3. Верганти Р. Инновации, направляемые дизайном. Как изменить правила конкуренции посредством радикальных смысловых инноваций / пер. с англ. Н. Эйдельмана; под науч. ред. А. Крыловой. Москва: Дело, 2018.
4. Годван Д.Ф. Геймификация. Применение игровых систем в бизнесе // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 2. С. 28–31.
5. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / пер. с англ. И. Кушнарева. М.: Дело, 2018. С. 375–376.
6. Карпова Д.Н., Проскурина А.С. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества // Власть. 2020. № 1. С. 97–105.
7. Константинова Е.С., Гришан М.А. Геймификация. Типология игроков и механик // Новое поколение. 2017. № 11. С. 57–62.
8. Марш П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства / пер. с англ. Анны Шоломицкой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
9. Мамедов А.К. Информационное общество: новая онтология социального неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 187–198.

10. Перзановски А., Шульц Дж. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике / пер. с англ. Е. Лебедевой. М.: Дело, 2020.
11. Сагитов С.Т. Социокультурная сфера и развитие цифровой экономики // Высшее образование в России. 2019. № 10. С. 97–105.
12. Садовая Е.С., Сауткина В.А., Зенков А.Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019; Широконова А.А. Роль науки в обществе знания // Сборник работ 68-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. – В 3 ч. Ч. 2. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2011. С. 201.
13. Сазонова М.В. Коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности в рамках развития концепции креативной индустрии «4.0» // Московский экономический журнал. 2021. № 1. С. 464–671.
14. Сачмен Л. Реконфигурация отношений человек – машина: планы и ситуативные действия / пер. с англ. А.С. Максимовой; под ред. А.М. Корбуа. М.: Элементарные формы, 2019.
15. Соловьев Д.Н., Белоус П.Э. Медийная аскетика как феномен цифровой культуры // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 2 (8). С. 77–92.
16. Черняк Ю.Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как фактор трансформации социокультурной сферы современного общества // Социологический альманах. 2020. Вып. 11. С. 176–183.
17. Шаев Ю.М. Информационная избыточность и цифровой детокс в контексте онтологии коммуникации // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 2. С. 23–28.
18. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Пошаговое руководство по изменениям, которые ждут человечество в ближайшие 100 лет / пер. с англ. М.: Эксмо, 2016.
19. Hong S. Scientizing Everyday Life, Rationalizing Eating Habits: The Rise of Nutrition Science in 1910s-1920s Japan // Uisahak. 2018. Vol. 27. № 3. PP. 447–484.
20. Keller S. Scientization: putting global climate change on the scientific agenda and the role of the IPCC // Poiesis & Praxis. 2010. Vol. 7. № 3. PP. 197–209.
21. Martiniano C. The Scientization of Creativity: “Innovate or die!” // Journal of the Midwest Modern Language Association. Vol. 49. № 2. PP. 161–190.
22. Nicolas F. Between “Scientization” and Democratization of Science: The “Politics of Expertise.” // Science as Culture. 2012. Vol. 21. № 2. PP. 259–263.
23. Zapp M. The scientization of the world polity: International organizations and the production of scientific knowledge, 1950–2015. International Sociology. 2017. Vol. 33. № 1. PP. 3–26.

CONSIDERATION OF RESEARCH AREAS OF SCIENTIZATION: UNDERSTANDING OF SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS AND CONSIDERATION OF CHANGES ASSOCIATED WITH THE ACCELERATION OF INNOVATION PROCESSES

Lagutin Yu.V.

Lomonosov Moscow State University

The pandemic of the new coronavirus infection has repeatedly accelerated the processes of implementing remote technologies in education, work, service sector, and communication. Previously very traditional areas of life (for example, related intra-family communication) can no longer be imagined without online inclusions to overcome the limitations associated with the epidemiological situation. The orientation of social practices of the population of modern industrial megacities is becoming an obvious process and significantly accelerates the pace of introduction of scientific and technological innovations.

At the same time, the reaction of society to the processes of scientization is very ambiguous. The use of innovative products in everyday life exacerbates the problem of access to limited benefits and deepens inequality between different socio-demographic groups of the population. The main fault lines remain the same (city-village, age, gender differences, wealth, infrastructure), but they become much more pronounced against the background of an increasingly rapid accumulation of information, the entry of new IT products into the market, and difficulties with work against the background of the pandemic.

Keywords: orientation, urbanization, transformation, continuity, past, generation, megapolis, social practices, city, person, information, innovation, infrastructure, identity, individuality, culture, society, processes.

References

1. Burlachenko A.V. Gamification as a game mechanism that triggers psychological behavioral reactions both in the business environment and in everyday life. 2013. No. 16. pp. 130–135.
2. J. Weissman. Time is running out: accelerating Life under Digital Capitalism / translated from English by N. Eidelman. Moscow: Delo, 2019.
3. Verganti R. Innovations guided by design. How to change the rules of competition through radical semantic innovations / translated from the English by N. Edelman; edited by A. Krylova. Moscow: Delo, 2018.
4. Godvan D.F. Gamification. Application of game systems in business // Business education in the knowledge economy. 2019. No. 2. pp. 28–31.
5. Greenfield A. Radical technologies: the device of everyday life / per. s engl. I. Kushnareva. M.: Delo, 2018. pp. 375–376.
6. Karpova D.N., Proskurina A.S. Sociotechnical turn in the study of the digitalization of society. 2020. No. 1. pp. 97–105.

7. Konstantinova E.S., Grishan M.A. Gamification. Typology of players and mechanics // New Generation. 2017. No. 11. pp. 57–62.
8. Marsh P. The New Industrial Revolution. Consumers, globalization and the End of Mass Production. Anna Sholomitskaya, M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2015; Shvab K. The Fourth Industrial Revolution. Step-by-step guide to the changes that await humanity in the next 100 years / per. s engl. M.: Eksmo, 2016.
9. Mamedov A.K. Information society: a new ontology of social inequality // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2014. No. 2. pp. 187–198.
10. Perzanowski A., Schultz J. The end of ownership: personal property in the digital economy / per. s engl. E. Lebedeva. M.: Delo, 2020.
11. Sagitov S.T. Sociocultural sphere and digital economy development // Higher education in Russia. 2019. No. 10. pp. 97–105.
12. Sadovaya E.S., Sautkina V.A., Zenkov A.R. Formation of a new social reality: technological challenges. Moscow: IMEMO RAS, 2019; Shirokanova A.A. The role of science in the society of knowledge // Proceedings of the 68th Scientific Conference of Students and postgraduates of the Belarusian State University. – At 3 h. H. 2. – Mn.: Publishing Center of BSU, 201. p. 201.
13. Sazonova M.V. Commercialization of the results of intellectual activity in the framework of the development of the concept of the creative industry “4.0”. 2021. No. 1. pp. 464–671.
14. Sachmen L. Reconfiguration of human – machine relations: plans and situational actions / per.s. eng. A.S. Maksimova; ed. by A.M. Korbut. M.: Elementary forms, 2019.
15. Solovyov D.N., Belous P.E. Media asceticism as a phenomenon of digital culture // Philosophical problems of information technologies and cyberspace. 2014. No. 2 (8). pp. 77–92.
16. Chernyak Yu.G. Digitalization and technologization of public life as a factor of transformation of the socio-cultural sphere of modern society. 2020. Issue 11. pp. 176–183.
17. Shaev Yu.M. Information redundancy and digital detox in the context of the ontology of communication // Humanitarian vector. 2018. Vol. 13. No. 2. pp. 23–28.
18. Shvab K. The Fourth Industrial Revolution. A step-by-step guide to the changes that are waiting for humanity in the next 100 years / per. from the English M.: Eksmo, 2016.
19. Hong S. Learning Everyday Life, Rationalizing Eating Habits: The Rise of Nutrition Science in Japan in the 1910s and 1920s // Uisahak. 2018. Vol. 27. No. 3. pp. 447–484.
20. Keller S. Scientization: including Global Climate Change in the Scientific Agenda and the Role of the IPCC // Poiesis & Praxis. 2010. Volume 7. No. 3. pp. 197–209.
21. Martignano K. Scientization of creativity: “Innovate or die!” // Journal of the Midwest Modern Language Association. Volume 49. No. 2. pp. 161–190.
22. Nicholas F. Between “scientization” and democratization of science: “The Policy of expertise” // Nauka kak kultura. 2012. Volume 21. No. 2. pp. 259–263.
23. Zapp M. Scientization of World politics: International organizations and the production of scientific knowledge, 1950–2015. International Sociology. 2017. Volume 33. No. 1. pp. 3–26.

Социальный статус ВИЧ-инфицированных в Республике Дагестан

Османова Аминат Сайгидовна,

студент, лечебный факультет, Дагестанский государственный медицинский университет
E-mail: amina539977@gmail.com

Даниялова Патимат Митхатовна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры медицинской биологии, Дагестанский государственный медицинский университет
E-mail: zoom_zoom_@mail.ru

Магомедов Абдурахман Маллаевич,

доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинской биологии, Дагестанский государственный медицинский университет
E-mail: abdurahman57@mail.ru

Алиева Камилла Гаджимурадовна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры медицинской биологии, Дагестанский государственный медицинский университет
E-mail: kamilla.1974@mail.ru

Мейланова Фатима Вофаевна,

хирург-неонатолог, заведующая кафедрой детской хирургии, к.м.н. доцент, Дагестанский государственный медицинский университет
E-mail: meylanova67@mail.ru

В работе проведен анализ развития эпидемиологической и социальной ситуации, сложившейся в связи с распространением ВИЧ/СПИД-а. Эпидемия СПИДа в России касается каждого из нас, независимо от социального статуса, и осознание этого дает мощный толчок усилению профилактической работы среди молодежи. Ценность исследования в том, что показана степень осведомленности молодежи в вопросах профилактики СПИДа.

Цель. Изучение эпидемиологической ситуации в Республике Дагестан и оценка отношения молодежи к ВИЧ-инфицированным. *Методы.* Анализ научной литературы по проблеме исследования, сбор фактического материала по социальной ситуации конкретно в Республике Дагестан, анкетирование молодежи. *Результат* социологического исследования показал низкую осведомленность в отношении мер профилактики против ВИЧ/СПИДа, что можно считать характерным среднестатистическим показателем для всей молодежи страны. *Выводы:* 1) распространение ВИЧ-инфекции в современном мире стало реальной угрозой национальной безопасности, экономическому развитию России, поэтому борьба с ней требует усилий общества в целом; 2) несмотря на большую профилактическую работу в стране, процент заболевших неуклонно растет. Ежегодно в России выявляется около 70 тысяч случаев заражения ВИЧ-инфекцией; 3) основная часть инфицированных – это население трудоспособного возраста. В последние годы все чаще ВИЧ-инфекция выявляется у более зрелой возрастной группы; 4) среди ВИЧ-инфицированных в стране по-прежнему лидирует мужской пол (62,6%), но с каждым годом доля женщин также растет. Наиболее поражены мужчины от 35 до 44 лет, за 2020 год это более 3% инфицированных, и женщины в возрасте 35–39 лет (2,1%).

Ключевые слова: СПИД, эпидемия, ДГМУ, Дагестан, симптомы, профилактика.

Введение

СПИД – синдром приобретенного иммунодефицита, возбудителем которого является вирус иммунодефицита человека (ВИЧ). Впервые ВИЧ-инфекция была зарегистрирована в начале 80-х годов 20 столетия в США среди мужчин гомосексуалистов. Как известно, в организме человека живёт множество микроорганизмов: на коже, слизистых оболочках ротовой полости, кишечника, дыхательных путей и др. Они участвуют в процессе жизнедеятельности организма, могут защищать организм от вторжения чужеродных бактерий. Но многие из них способны стать паразитами, для этого необходимо ослабление организма, то есть развитие иммунодефицита. Организм перестает противостоять различным инфекциям, в результате чего они начинают болеть даже крайне редкими инфекционными заболеваниями. Это медленно текущая болезнь, которая характеризуется длительным скрытым (инкубационным) периодом (от момента заражения до появления первых признаков болезни): может быть один, два месяца, а могут быть и годы [1].

Синдром приобретенного иммунодефицита, или СПИД, масштабы болезни постоянно увеличиваются.

Термином СПИД обычно обозначают конечную стадию ВИЧ-инфекции, на фоне которой развиваются заболевания легких, желудочно-кишечного тракта, головного мозга, приводящую к смерти.

Динамика роста СПИДа среди населения показывает, что проблема все еще остро стоит перед человечеством. Ситуация усугубляется тем фактом, что большинство и не подозревает о своем заболевании, и при отсутствии симптомов не обращается за медицинской помощью. Поэтому очень важно знать об этом заболевании, о путях заражения и методах защиты.

В 1996 году появились высокоактивные антиретровирусные препараты. Заболевание СПИД отчасти потеряло статус смертельного заболевания, а стало хронической управляемой инфекцией. Несмотря на это, сегодня не повсеместно проводится надлежащее лечение многих ВИЧ-инфицированных, что может стать причиной в ближайшие годы массовой смертности. Также имеются несовершенства в правовом аспекте – это угроза нарушения конфиденциальности больных и разглашение врачебной тайны. Говоря о высокой опасности для здоровья, стоит отметить, что, не зная о болезни, больной наносит огромный вред и себе, и обществу.

Актуальность проблемы также растет в связи с появлением новой коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2), которая во многом трансформи-

ривала современную медицину. Становится более актуальным вопрос о риске инфицирования ВИЧ-больных новым заболеванием, их организм слаб в противостоянии болезням. Однако исследование, проведенное нами, доказывает, что риск заражения, тяжесть заболевания и симптоматика практически одинакова. Факторами тяжелой заболеваемости и смертности являются наличие хронических заболеваний и пожилой возраст [2].

Меры профилактики и лечения СПИДа

Основной принцип лечения СПИДа – снижение дальнейшего развития болезни. Для этого используется антиретровирусная терапия (АРТ). Несмотря на многочисленные способы лечения СПИДа, ни одно из них не приводит к полному восстановлению [3].

Все симптомы СПИДа характерны для обычной кратковременной простуды, и часто пациенты просто не обращают на это внимание. Это очень опасно, так как исчезновение этих симптомов – значит, что болезнь развивается. Первыми признаками СПИДа, которые в среднем проявляются через 3 недели после заражения, являются:

- повышенная температура тела (не выше 38 градусов);
- боль в горле при глотании;
- увеличение лимфатических узлов;
- красные пятна на теле;
- повышенная усталость и потливость, особенно по ночам.

Общий анализ всей использованной нами научной литературы говорит о том, что в настоящее время постоянно проводится работа по созданию вакцины против ВИЧ/СПИДа, но работу ученых осложняет то, что вирус постоянно мутирует. В связи с тем, что существующие в настоящее время лекарства не позволяют выживать, но не излечивают болезнь, профилактическая работа имеет особое значение.

Исследование отношения студентов 1 курса Дагестанского Государственного Медицинского Университета к ВИЧ-инфекции

Для выявления отношения молодежи к ВИЧ-инфекции была составлена анкета для 1 курса Дагестанского Государственного Медицинского Университета, и проанализированы результаты.

- Пол (М/Ж) (всего опрошенных 187, из них девушек – 162, юношей – 25)
- Возраст (Средний возраст 17–19 лет)
- Социальное положение (женат, не женат, курс или профессия)
- Есть ли среди Ваших знакомых ВИЧ-инфицированные?
  - А) Да, есть (0%);
  - Б) нет, и это я знаю наверняка (50%);
  - В) мне это неизвестно (50%)
- Если бы Вы узнали, что среди Ваших знакомых есть больные СПИДом, как бы Вы поступили в такой ситуации?

- А) Никак бы не среагировал (37,5%);
- Б) Попытался бы оградить себя от потенциальной опасности, дистанцировавшись (31,5%);
- В) Более сблизился(–ась) бы с больным, чтобы поддержать его моральное состояние (31,5%)

• Как Вы считаете, больные СПИДом, которые скрывают свою болезнь поступают так по причине:

А) Безответственности по отношению к другим (6,25%);

Б) некоторого стыда, поскольку, как правило, этой болезнью страдают люди сексуально нечистоплотные или наркоманы (25%);

В) опасаются общественного порицания (43,75%)

• В случае, если бы Вы узнали, что Ваш супруг (супруга) заболел(–а) СПИДом в результате медицинской ошибки (переливание инфицированной крови), как бы в таком случае среагировали?

А) Развелся(–ась) (6, 25%);

Б) продолжали бы жить, как и прежде (68,5%);

В) семья осталась бы лишь формальностью, с целью неразглашения этой «тайны» (12,5%)

• Если бы Вы узнали, что больны СПИДом:

А) попытался(–ась) бы сохранить в тайне свой диагноз (31,25%);

Б) предупредили бы (при необходимости) всех (56, 25%)

• Вы смогли бы работать с ВИЧ-инфицированным в одном кабинете

А) Да (25%); Б) нет (18,25%); В) не знаю (43, 75%)

• В случае, если бы Вы заболели СПИДом и ваши друзья и знакомы (в большинстве) перестали с Вами общаться, Вас бы это:

А) оскорбило, и Вы бы попытались переубедить их (25%);

Б) не затронуло, Вы бы с пониманием к этому отнеслись (56,25%);

В) уехали бы в другой город или завели бы новых, более понимающих знакомых (6,25%)

• Как Вы считаете СПИД – это болезнь, которая:

- А) есть результат сексуальной нечистоплотности и безответственности (68,75%)

Б) есть результат несовершенства современной медицины (18,75%)

• Как Вы считаете, дагестанское общество в целом толерантно относится к такого рода больным?

А) Да (0%);

Б) Нет (68,75%);

В) Не задумывался (18,75%)

Результаты проведенного нами анкетирования показывают, что общество имеет различное отношение к ВИЧ-инфицированным. В большинстве случаев негативное или нейтральное. Это еще раз подтверждает нам то, что социальное положение ВИЧ-инфицированных тяжелое, а это в свою очередь осложняет проблему лечения данной болезни в рамках массовой взаимопомощи.

Исследование социального статуса ВИЧ-инфицированных в Дагестане

Проведя анализ данных, предложенных Республиканским Центром по профилактике и борьбе со СПИДом, мы пришли к выводу, что ситуация по ВИЧ-инфекции в Дагестане складывается неблагоприятно. Первый случай ВИЧ-инфекции был зарегистрирован в 1988 году. Инфицированным оказался студент ДМА, иностранец, который был сразу депортирован. Затем появились случаи инфицирования детей во время медицинских манипуляций. С 1990 по 2020 года было зарегистрировано 3878 случаев ВИЧ-инфекции (130 на 100 тыс. населения), из них умерли по различным причинам 1159 человек.

Таблица 1 показывает количество инфицированных в городах Республики Дагестан в период с 1990 по 2020 год. Исследования показали, что ситуация не стабильна. Как мы видим, в наиболее урбанизированных городах зафиксировано наибольшее количество инфицированных.

Таблица 1. Количество инфицированных в городах Республики Дагестан

Город	Количество инфицированных
г. Махачкала	1009
г. Дербент	728
г. Буйнакс	122
г. Хасавюрт	219
г. Каспийск	288
г. Кизляр	92
г. Кизилюрт	132
г. Избербаш	149
г. Дагестанские Огни	84
г. Южно-Сухокумск	31
Всего по городам	2854

В таблице 2 показано распределение ВИЧ-инфекции по районам Республики Дагестан. Таблица опять же показывает нам бессилие врачей в мерах, создаваемых против ВИЧ/СПИДа.

Таблица 2. Количество инфицированных в районах Республики Дагестан

Район	Количество инфицированных
Акушинский	13
Ахвахский	9
Ахтынский	10
Бабаюртовский	32
Ботлихский	22
Буйнакский	32
Гергебильский	13
Гумбетовский	14
Гунибский	16

Район	Количество инфицированных
Дахадаевский	21
Дербентский	132
Докузпаринский	7
Казбековский	13
Кайтагский	21
Карабудахкентский	36
Каякентский	38
Кизилюртовский	67
Кизлярский	49
Кулинский	7
Кумторкалинский	19
Курахский	9
Лакский	18
Левашинский	31
Магарамкентский	45
Новолакский	24
Ногайский	9
Сергокалинский	10
Сулейман-Стальский	43
Табасаранский	27
Тарумовский	11
Тляртинский	18
Унцукульский	15
Хасавюртовский	116
Хивский	10
Хунзахский	17
Цумадинский	9
Чародинский	14
Цунтинский	16
Шамильский	6
Рутульский	5
Всего по районам	1024

Мы определили, что основную массу инфицированных составляют люди от 21 до 50 лет (рис. 1). Это население трудоспособного возраста. Наибольшее количество инфицированных составляют люди возраста от 31 до 40 лет, более зрелой возрастной категории.

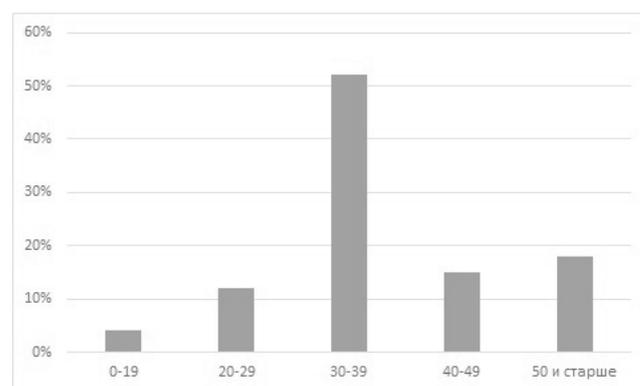
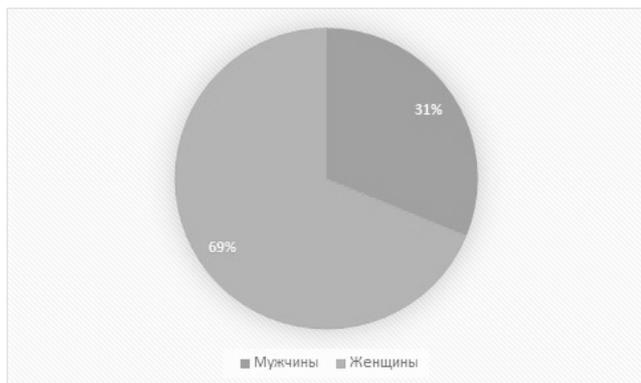

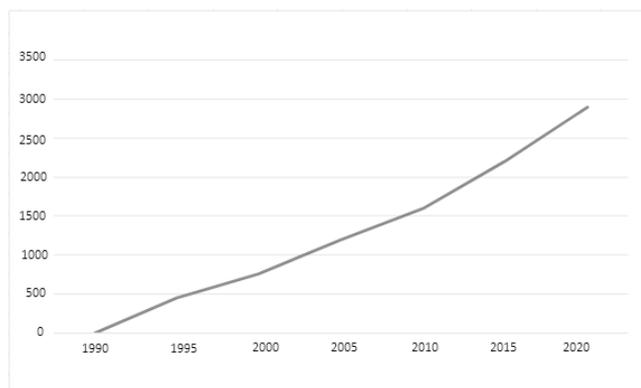
Рис. 1. Возрастная структура ВИЧ-инфицированных в Республике Дагестан

Среди ВИЧ-инфицированных в республике по-прежнему преобладают представители мужского пола (68,8%), но ежегодно растет доля ВИЧ-инфицированных женщин, она составила 31,2% (рис. 2). В основном это связано с заражением женщин, проживающих с мужчинами, которые употребляют наркотические вещества. За весь период (с 1990 по 2020 год) зарегистрировано 2564 представителей мужского пола, 1122 представителя женского пола и 192 ребенка. Составляют на диспансерном учете с установленным диагнозом ВИЧ-инфекции 173 ребенка.

Рис. 2. Процентное соотношение мужчин и женщин, инфицированных ВИЧ, в Дагестане

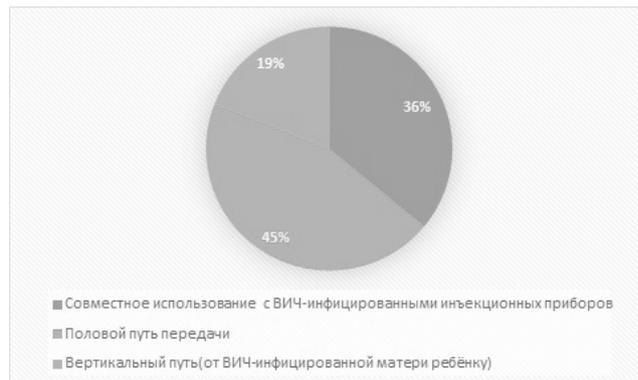
Составив рис. 3, мы определили, что с 2010 года количество ВИЧ-инфицированных держится примерно на одном уровне (с погрешностью + 20 человек). Ежегодно 15–16% населения республики охвачено обследованием на ВИЧ-инфекцию. Специализированную помощь оказывают профильные стационары, амбулаторно-поликлинические и больничные учреждения. Согласно стандартам обследования (приказ № 474475 МЗРФ от 09.06.2007 г.), ВИЧ-инфицированные в обязательном порядке проходят лабораторно-клинические обследования на базе лаборатории «РЦ СПИД МЗ РД», рентгенологические обследования в Республиканском противотуберкулезном диспансере, УЗИ органов брюшной полости.

Рис. 3. Динамика роста численности ВИЧ-инфицированных в Республике Дагестан

На рисунке 4 видно, что почти половину от общего числа составляет половой путь передачи ВИЧ-инфекции. Это свидетельствует о том, что

инфекция начинает все активнее выходить за пределы традиционных групп риска, распространяясь на все более широкие слои населения.

Рис. 4. Основные пути передачи ВИЧ-инфекции среди населения Дагестана

Заключение

Наше исследование показывает, что ВИЧ/СПИД поражает людей наиболее трудоспособного возраста, в результате чего снижается производительность рабочей силы;

- Поскольку ВИЧ/СПИД в большинстве случаев поражает молодых и зрелых мужчин, то это, в конечном счете, снижает количество здоровых людей, способных справляться с угрозами стабильности и безопасности страны.
- Наблюдается положительная динамика заражения женщин детородного возраста и детей, что способствует снижению рождаемости и продолжительности жизни, тем самым усугубляя нарастающий в России демографический кризис.
- В результате высокой стоимости лечения и ухода за больными ВИЧ/СПИДом, приводит к росту затрат системы здравоохранения. В частности, федеральный и региональный бюджет, выделенный на борьбу с ВИЧ/СПИДом в 2020 году, составил более 10% от общего федерального бюджета.
- Распространение ВИЧ/СПИДа в Дагестане способствует распространению других заболеваний: туберкулеза, сердечно – сосудистых и онкологических болезней.
- ВИЧ/СПИД приводит к социальному напряжению в результате дискриминации больных СПИДом, детей, рожденных ВИЧ – положительными матерями и потребителей инъекционных наркотиков.

Литература

1. <https://studfiles.net/preview/5412681/page:2/>
2. Османова А.С., Даниялова П.М., Магомедов А.М., Алиева К.Г., Ибрагимов Э.С. Актуальные вопросы переносимости коронавирусной инфекции ВИЧ-инфицированными [страница 30]. – <https://drive.google.com/file/d/1RREfeCiuOnaa2tSUMEo7VpDW9whL8yF8/view>

3. В помощь лектору//СПИД, ИППП, гепатиты и здоровый образ жизни. Е.Р. Тухватулина, Е.В. Павлова

SOCIAL STATUS OF HIV-INFECTED PEOPLE IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Osmanova A.S., Daniyalova P.M., Magomedov A.M., Alieva K.G., Meilanova F.V.
Dagestan State Medical University

The paper analyzes the development of the epidemiological and social situation that has developed in connection with the spread of HIV / AIDS. The AIDS epidemic in Russia affects each of us, regardless of social status, and this awareness gives a powerful impetus to strengthening preventive work among young people. The value of the study is that the Dagestan State Medical University shows the degree of awareness of young people in the prevention of AIDS. Today, the efforts of the AIDS center and other medical units to educate young people on sanitary and educational work have made it possible to move the situation towards raising awareness of HIV / AIDS issues. Support is needed from the state, the whole society, mass organizations, charitable foundations, etc. We must keep talking about AIDS.

Purpose. Study of the epidemiological situation in the Republic of Dagestan and assessment of the attitude of young people towards HIV-infected. *Methods.* Analysis of scientific literature on the problem of research, collection of factual material on the social situation specifically in the Republic of Dagestan, questioning of young people. The *result* of the sociological study showed a low awareness of

HIV / AIDS prevention measures, which can be considered a typical average statistical indicator for all young people in the country. *Conclusions:* 1) The spread of HIV infection in the modern world has become a real threat to national security and the economic development of Russia, therefore, the fight against it requires the efforts of society as a whole; 2) Despite the extensive preventive work in the country, the percentage of cases is growing steadily. About 70 thousand cases of HIV infection are detected in Russia every year; 3) The bulk of the infected are the working-age population. In recent years, HIV infection has been increasingly detected in the more mature age group; 4) Among HIV-infected people in the country, the male gender is still in the lead (62.6%), but every year the proportion of women is also growing. The most affected are men from 35 to 44 years old, in 2020 it is more than 3% of those infected, and women aged 35–39 years (2.1%).

Keywords: AIDS, epidemic, DSMU, Dagestan, symptoms, prevention.

References

1. <https://studfiles.net/preview/5412681/page:2/>
2. Osmanova A. S., Daniyalova P.M., Magomedov A.M., Alieva K.G., Ibragimova E.S. Current issues of tolerability of coronavirus infection by HIV-infected people [page 30]. – <https://drive.google.com/file/d/1RREfeCiuOnaa2tSUMEo7VpDW9whL8yF8/view>
3. To help the lecturer//AIDS, STIs, hepatitis and a healthy lifestyle. E.R. Tukhvatulina, E.V. Pavlova

Теоретико-методологические основы понятия трудовой мотивации в социологии

Пронин Владимир Юрьевич,

аспирант, Государственный университет управления
E-mail: proninvladimir21@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению теоретико-методологических основ понятия трудовой миграции в социологии. В процессе исследования проведен анализ понятия «трудовая мотивация» через призму социологии. Отдельное внимание уделено цели управления мотивацией, которая заключается в повышении эффективности работы организации, т.е. в получении наилучшего результата при наименьших затратах. Также в статье формализована модель процесса трудовой мотивации, ключевым моментом которой является объективная оценка эффективности работы персонала. Обозначены факторы влияния на эффективность мотивационного процесса и описаны составляющие основных видов материального и нематериального поощрения. С целью обновления подходов и понимания взаимосвязи между социологией и трудовой мотивацией в статье приведено описание и зарубежный опыт использования мотивационных практик и принципов в Европе и США. По результатам исследования установлено, что дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на том, как повысить производительность персонала в связи с разработками в области анализа больших данных и алгоритмов искусственного интеллекта.

Ключевые слова: трудовая мотивация, мотивация в социологии, труд, социология труда.

Введение. В настоящее время наиболее значимым субъектом управления трудовыми ресурсами компании является наличие эффективной мотивационной системы.

В период, характеризующийся бюджетными ограничениями, сокращением штатов и частыми реорганизациями, когда повышенное внимание уделяется эффективности и рентабельности, организациям необходимо внедрить методы социологии для управления трудовой мотивацией. Для этого необходимо определить основные подходы к данному концепту.

Теоретическая концепция работы базируется на фундаментальных и прикладных исследованиях социологов, посвященных изучению проблем трудовой мотивации и подходов к определению данного концепта. В их числе, в частности, следует отметить таких авторов как Алехина Е.И., Ахмадеев А.М., Брутян Г.Э., Забнева Э.И., Потемкин В.К., Федорова А.Э., Чудиновских М.В., Борзенко Е.И. и др.

Целью данной работы является исследование и обобщение информации, посвященной подходам к интерпретации понятия трудовой мотивации в социологии.

Для достижения данной цели в работе были поставлены следующие задачи:

- 1) проанализировать концепцию «трудовой мотивации»,
- 2) изучить подходы к трудовой мотивации в социологии,
- 3) рассмотреть зарубежный подход к трудовой мотивации с точки зрения социологии.

Информационно-эмпирическая база исследования представлена содержанием научных статей, учебных изданий по социологии и управлению персоналом и других публикаций российских ученых в области трудовой мотивации.

В процессе выполнения работы применялись следующие методы: сравнительный, логический методы анализа, социологический метод исследования.

Значимость исследования состоит в том, что выводы и рекомендации, содержащиеся в данной работе, могут быть использованы руководителями организаций при совершенствовании действующих систем трудовой мотивации на основе социологического подхода.

Концепция «трудовой мотивации». Слово «мотивация» произошло от слова «мотив», которое означает человеческую потребность, которую необходимо достигнуть для достижения удовлетворения. Эта потребность может быть приобрете-

на с течением времени через элементы, которые окружают людей, такие как культура, образ жизни или окружающая среда.

Мотивация – понятие разнообразное, потому что люди отличаются друг от друга. Как правило, мотивация – это повторяющееся поведение, которое помогает личности двигаться вперед [7]. Это движущая сила, которая строится внутри человека, чтобы противостоять вызовам.

Концепция мотивации интересовала социологов. Исследователи в различных областях, включая бизнес, психологию и социологию, пытались объяснить концепцию трудовой мотивации с точки зрения человеческого поведения.

Концепция трудовой мотивации с точки зрения социологии относится к человеческим потребностям в общении друг с другом и их желанию быть принятыми друг другом. Личности должны сосуществовать с другими, а необходимость взаимодействия друг с другом определяет основу социальной мотивации.

Таким образом, трудовая мотивация является одним из важных факторов совершенствования деятельности организации [2, с. 78].

В современных условиях руководству предприятий необходимо изучать своих работников в плане их потребностей и интересов. Это будет способствовать совершенствованию процесса стимулирования на предприятии, а значит и достижению лучших конечных результатов деятельности организации.

Цель управления мотивацией состоит в повышении эффективности работы организации, т.е. в получении наивысшего результата при наименьших затратах. Это и есть цель экономической деятельности организации в условиях рынка [11, с. 172].

Управление мотивацией персонала представляет собой важнейшую составную часть системы управления современной организацией, во многом определяющую эффективность ее функционирования. Узловым моментом мотивации является объективная оценка эффективности работы персонала.

Схема процесса трудовой мотивации отражена на рисунке 1.

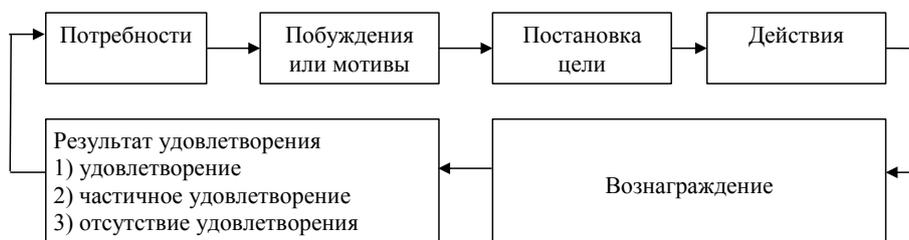

Рис. 1. Модель процесса трудовой мотивации [3, с. 75]

Современной социологической наукой теорией и практикой выработано большое разнообразие форм, видов и методов стимулирования трудовой активности работников.

К основным видам материального поощрения относятся:

- формирование многообразия форм оплаты труда, адаптированных к конкретным видам работ, предприятий, этапам деятельности;
- оплата за учебу и повышение квалификации, путевки, страховки, гарантии, соцпакет в полном объеме, повышенное пенсионное обеспечение [5].

К нематериальным видам стимулирования трудовой активности работников относятся:

- похвала;
- публичное признание успеха;
- гибкий рабочий день;
- возможность квалификационного роста;
- возможность карьерного роста;
- благоприятный психологический климат в коллективе [10, с. 42].

Весьма важными в современной практике стимулирования трудовой активности работников являются разнообразные приемы морально-психологического и социального воздействия, которые содержат в себе моральные, нравственные, этические, психологические, эстетические, социальные, социально-политические и информационные стимулы.

Однако ряд специалистов [10] полагают, что в современных исследованиях много внимания уделяется личным ценностям, в то время как организационный контекст не принимается во внимание, и обращаются к анализу влияния высокопроизводительных кадровых практик на мотивацию работников. Традиционно высокоэффективные методы управления персоналом определялись как группа согласованных, взаимосвязанных, взаимоусиливающих политик и практик управления человеческими ресурсами, предназначенных для улучшения индивидуальных и организационных результатов за счет повышения компетенций, мотивации, приверженности и производительности сотрудников [20]. Более поздние определения выходят за рамки классического подхода «высокоэффективных кадровых практик», которые фокусируются на развивающем компоненте обучения и личностного развития, планировании работы или компенсации, и придают этой концепции социологическое измерение. Этот тип кадровой практики стимулирует сотрудников к обмену информацией, связанной с работой, повышает их творческий потенциал, развивает их способности вводить новшества и генерировать новые идеи [6].

Высокопроизводительные кадровые практики называют либо высокопроизводительными рабочими системами, либо высокопрофессиональными кадровыми практиками или практики HR с вы-

соким уровнем вовлеченности. Некоторые социологи [2] критикуют использование этих концепций как взаимозаменяемые и утверждают, что каждая из них соответствует определенному организационному контексту, в то время как их реализация, вероятно, будет определяться разными мотивами. Благодаря высокоэффективным методам управления персоналом мы инвестируем в сотрудников, которые считаются ценными стратегическими ресурсами в стремлении к достижению высших результатов [9].

Благодаря внедрению высокопрофессиональных кадровых практик организации продвигают позитивные отношения со своими сотрудниками и демонстрируют свое намерение формировать долгосрочные социальные отношения. Этот тип кадровой практики позволяет менеджерам проявлять заботу о благополучии сотрудников, ценить и признавать их усилия, вызывая положительное отношение и поведение, такое как вовлеченность, эмоциональная приверженность, удовлетворенность работой, что, в свою очередь, связано с повышением эффективности организации [12, с. 92]. Менеджеры играют важную роль в формировании рабочего поведения людей и их вклада в достижение целей организации – вывод, подтвержденный результатами социологических исследований [6], в которых стиль руководства начальника оценивается как мотивационный фактор, оказывающий наибольшее влияние. по результативности работы работников из 10 оцениваемых факторов.

Подходы к трудовой мотивации в социологии. Трудовая мотивация представляет собой сложную концепцию, одну из наиболее изученных и обсуждаемых тем в области социологии и управления персоналом.

Эта концепция носит междисциплинарный характер, обусловленный использованием психологических принципов в управлении персоналом, что привело к тому, что специалисты недавно стали называть ее «предшественником поведенческого управления».

Трудовая мотивация определяется как просоциальная ценность, которая побуждает сотрудников к поведению, которое приносит пользу сообществу или обществу, сочетая в себе такие внутренние движущие силы, как альтруизм, сострадание, приверженность общественным ценностям, миссии и т.д., а также интерес [2].

На эффективность работников с точки зрения социологии на рабочем месте влияют внутренние мотивационные факторы, такие как ответственность, автономия, интересная и важная работа, вклад или справедливость. Поддержание высокого уровня вовлеченности работников во многом зависит от мотивационного потенциала рабочего контекста, который проистекает из разнообразия задач и значимости выполняемых задач.

Сотрудники, связанные со своими задачами, – это высоко заинтересованные люди, которые направляют всю свою энергию на выполнение своих обязанностей и демонстрируют высокую вовле-

ченности в процесс труда, что позволяет им эффективно выполнять свои задачи. Вовлеченность включает в себя отношение к работе, такое как удовлетворенность работой, приверженность организации, и является прямым предиктором эффективности сотрудников [3].

В последние десятилетия в трудовых отношениях наблюдается постоянная эволюция от коллективизма к индивидуальному подходу, который особенно поощряется управлением эффективностью, при котором особое внимание уделяется личным качествам в стремлении повысить эффективность работы персонала. В дополнение к индивидуальным переменным, таким как образование, профессиональная подготовка и опыт, личностные черты также влияют на индивидуальный опыт работы с ресурсами, на безопасность, вовлеченность и на результаты сотрудников и определяют поведение сотрудника в различных условиях разными способами [13, с. 17].

Взаимосвязь между практикой управления персоналом и индивидуальными результатами во многом зависит от восприятия сотрудников. Основываясь на социологических теориях, касающихся индивидуальных различий в познании, мотивации. Ряд исследований [4, 8] показали, что сотрудники неодинаково реагируют на один и тот же набор кадровых практик. Внедрение высокопроизводительных методов управления персоналом не всегда может восприниматься в положительном свете, поскольку сотрудники могут воспринимать это как сигнал о том, что от их имени ожидается увеличение усилий и что стремление к повышению производительности преследует цель, а не их благополучие. Более того, если сотрудники чувствуют, что прилагаемые ими усилия не получают взаимности со стороны организации, они могут испытывать чувство напряжения. С другой стороны, высокая приверженность кадровой политике положительно влияет на благополучие сотрудников и сигнализирует о том, что они рассматриваются как ценные ресурсы [5].

Однако жесткие ограничения для повышения производительности при снижении затрат создают давление на организации, которые, как правило, уделяют меньше внимания благополучию своих сотрудников. В этом контексте некоторые социологи [5,7] предлагают подходить к трудовой мотивации таким образом, чтобы создать взаимную выгоду для организаций и сотрудников. Используя модель игры с общественными благами, автор [1] утверждает, что индивидуальные и коллективные выгоды являются максимальными при условии, что все заинтересованные стороны принимают стратегию сотрудничества. Следовательно, за счет внедрения практик, которые повышают благосостояние сотрудников и создают позитивные трудовые отношения, основанные на доверии и сотрудничестве, как индивидуальные, так и организационные показатели будут улучшены, что приведет к взаимной выгоде.

Следует сделать еще один шаг в мотивации сотрудников, а именно перейти от парадигмы моти-

вазии, которая рассматривает внутреннюю, внешнюю мотивацию или ее отсутствие, к парадигме, основанной на значимости, которая представляет собой внутреннюю мотивационную энергию – ключ к развитию, производительности и здоровью как сотрудника, так и организации. Принимая во внимание специфику мотивации работников, подход к трудовой мотивации с точки зрения социологии, основанный на значимости, может отражать изменение способа управления персоналом в организациях, а также изменение отношения людей, что будет способствовать созданию стимулирующей рабочей среды. Теоретики и практики обращаются к категории духовности для решения современных кадровых проблем и сообщают об этих концепциях как о необходимых детерминантах приверженности сотрудников, удовлетворенности работой и удовлетворенности балансом между работой и личной жизнью [4].

Рассмотрим основные подходы к трудовой мотивации в социологии:

1) Иерархия потребностей Маслоу

Согласно концепции А. Маслоу, мотивация человека зависит от уровня его потребностей. Его иерархия потребностей приняла пирамидальную форму, в которой нижняя ступенька составляет потребности самого базового уровня, и они продолжают двигаться вверх. Ниже приводится иерархия потребностей, представленная Маслоу.

1. Физиологические потребности: это основные потребности человека для выживания, такие как еда, вода и место для жизни. Как только эти потребности удовлетворены, люди переходят ко второй фазе, которая подводит нас ко второй стадии иерархии.

2. Безопасность. Вторая по важности потребность человека – это безопасность. Человеческая природа – защищать себя от любой опасности или всего, что представляет для него угрозу. Следовательно, когда люди находятся на этом уровне потребности, они могут быть мотивированы, обеспечивая безопасность себе и своим семьям.

3. Социальные потребности. Когда первые две потребности удовлетворены, люди ищут отношения, в которых они чувствуют себя как бы принадлежащими кому-то и любимыми.

4. Самоуважение. Все люди обладают чувством собственного достоинства – их нужно уважать и признавать. Это важный элемент, играющий роль в мотивации человека.

5. Самоактуализация: последний уровень иерархии потребностей Маслоу. Это возможность для людей развиваться и учиться. Это наивысший уровень, которого может достичь человек. Когда люди достигают этого уровня, они могут быть мотивированы только своим стремлением к обучению [8].

2) Теория потребностей Макклелланда

Вторая по значимости концепция – это теория потребностей Макклелланда. Эта теория основана на трех движущих силах.

Достижение.

По словам Макклелланда, чувство достижения помогает мотивировать людей на достижение большего в жизни. Достижение – это, по сути, чувство, которое люди испытывают при выполнении задач. Люди, которые стремятся к достижению, ищут задачи, которые помогли бы им расти лично, и получают должное признание как можно скорее.

Принадлежность

Как люди, мы все стремимся к тому, чтобы чувствовать свою принадлежность к чему-то и быть социально принятыми. Те люди, которые ищут присоединения, мотивированы, когда их принимают в обществе. Это заставляет их работать усерднее и добиваться большего. Такие люди также более счастливы, когда они находятся в общественных местах, и они хотят избегать любых конфликтов с другими.

Власть

Третий движущий фактор – авторитет. Некоторыми из нас движет желание иметь власть. Те люди, которые стремятся к власти, постоянно ищут ситуации, в которых они могли бы проявить свою власть [4].

3) Теория мотивации Герцберга

Эта теория мотивации основана на двух факторах: факторах мотивации и факторах гигиены. Эти два фактора являются мотиваторами, которые побуждают людей работать усерднее.

Факторы гигиены

Эти факторы гарантируют, что люди не будут разочарованы. Они не являются частью работы, но делают ее предпочтительной. Примеры включают условия работы и чистоту в офисе [19, с. 804]. Соблюдает ли компания протоколы безопасности? Достаточно ли освещения в помещении? Достаточно ли места в офисе для продуктивной работы?

Мотиваторы

Это факторы, которые поддерживают мотивацию сотрудников. Они могут быть разными для людей, например, достижения, признание, ответственность или рост [6].

Приведенные выше теории мотивации дают представление о социологических факторах, влияющих на трудовую мотивацию человека.

Зарубежный подход к трудовой мотивации с точки зрения социологии. Рассмотрим опыт США и Европы.

В Европе сотрудники являются строительными блоками организации. Организационный успех зависит от коллективных усилий сотрудников. Сотрудники будут коллективно способствовать организационному росту, когда они мотивированы.

Ниже приведены некоторые принципы мотивации персонала / сотрудников в организации в Европе:

1) Важность оценивания топ-менеджмента организации. Чтобы мотивировать, поощрять и контролировать поведение своих сотрудников, топ-менеджмент в компаниях должен понимать, поощрять и контролировать свое поведение как руководителя.

2) Важность знакомства топ-менеджмента с персоналом. В Европе полагают, что менеджер должен быть хорошо знаком с его персоналом. Чем больше и лучше он знает своих сотрудников, тем проще вовлечь их в работу.

3) Предоставление сотрудникам определенных льгот. В Европе предоставляют сотрудникам некоторые финансовые и другие льготы. Им также предоставляют бонусы, оплачивают им за сверхурочную работу, а также дают им медицинское и семейное страхование [2].

4) Принятие участия во вводной программе для новых сотрудников. То, как проводится отбор, и последующий процесс найма создадут или повредят впечатление о работе и организации. Таким образом, менеджер имеет право голоса при создании рекламы, а также в процессе отбора и подбора персонала [17].

5) Постоянная обратная связь с персоналом. Сотрудники имеют потребность в обратной связи. Топ-менеджмент в Европе регулярно и конструктивно отзывается о своих сотрудниках. Это является приемлемым для персонала.

6) Благодарность сотрудникам за их достижения. Этот принцип также сильно мотивирует персонал. Топ-менеджмент старается отмечать выдающиеся достижения сотрудников в официальных информационных бюллетенях или журнале организации.

7) Обеспечение эффективного тайм-менеджмента. Контроль над временем гарантирует, оптимальное распределение ресурсов. Это все будет повышать эффективность в долгосрочной перспективе, чтобы мотивировать персонал [2, с. 73]

8) Использование методов управления стрессом в организации. В компаниях Европе создают среду, в которой сотрудники могут работать в оптимальных уровнях давления. Для этого происходит обеспечение оптимистичного отношения к стрессу на рабочем месте.

9) Использование техники консультирования. Чувства сотрудников / сотрудников по отношению к работе, своим сверстникам, руководителям и к будущему могут быть эффективно решены посредством консультирования персонала [16].

10) Предоставление сотрудникам возможности для обучения. Сотрудники должны постоянно осваивать новые навыки на работе. В Европе предоставляют возможности сотрудникам развивать свои навыки и компетенции и максимально эффективно использовать их навыки. Компании связывают цели персонала с целями организации [7, с. 83].

11) Развитие и поощрение творческого подхода. В Европе постоянно поощряют сотрудников развивать творческие навыки для решения организационных проблем.

12) Гибкий подход. В Европе стараются разрешать гибкий график работы, если это возможно. Сотрудники время от времени работают дома, если в этом возникает необходимость.

Далее обратимся к опыту США. За последние четверть века многие компании потратили много времени и денег на «вовлечение сотрудников». С тех пор, как профессор Бостонского университета Уильям Кан ввел термин «вовлеченность» в выпуске журнала «Академия менеджмента» за 1990 год, предприятия пытаются получить от своих сотрудников больше, чем они сами дают им [4, с. 44].

Через тридцать лет после введения этого термина все еще нет общепринятого определения, но большинство согласны с тем, что участие – это состояние души и правильные обстоятельства, которые позволяют и мотивируют сотрудника делать как можно больше для бизнеса. Вовлеченные сотрудники более лояльны к компании, менее склонны к несчастным случаям на работе, более ориентированы на клиентов, более внимательны к ресурсам компании, более инновационны и хорошо говорят о фирме [18]. Многочисленные исследования показали, что в тех областях, где сотрудники могут что-то изменить, взаимодействие связано с более высоким уровнем эффективности компании.

Компании, которые имплементировали эту концепцию, улучшили свою траекторию, создавая преимущество перед конкурентами, которое трудно воспроизвести. Когда большинство из десятков тысяч людей, работающих в крупной компании, воодушевлены своей работой, существенно повышается общая операционная эффективность [15].

И все же, для многих организаций процесс вовлечения был чреват разочарованием. В совокупности уровни взаимодействия не увеличились. Проблема лежит в основе отношений между работником и предприятием. Вовлеченность сотрудников – это то, что хочет бизнес. Счастье – это то, чего хотят сотрудники. Если каждый из них заботится об интересах другого, сделка работает исключительно хорошо [8].

Все большее количество исследований обращается к теории социального обмена, чтобы показать, что приверженность и вовлеченность сотрудников оказывают значительное влияние на их производительность. Теория социального обмена лежит в основе социологического контракта и состоит из двунаправленных отношений, основанных на обещаниях и обязательствах. Когда практика управления персоналом указывает сотрудникам на намерение организации инвестировать в них, поддерживать и предоставлять им преимущества и ресурсы, а также повышать их благосостояние, они, вероятно, отреагируют позитивным отношением и поведением, разовьют эмоциональную связь с окружающими и будут чувствовать мотивацию работать над достижением организационных целей [9].

Теория социального обмена более конкретно фокусируется на трудовых отношениях и обменах, подразумеваемых в этих отношениях. В центре связи между трудовой мотивацией и производительностью находятся положительные тру-

довые отношения с точки зрения сотрудника, которые состоят из набора трех восприятий, тесно связанных с социальным обменом, а именно воспринимаемой организационной поддержки, психологического контракта и гарантий занятости. Роль данных практик в трудовых отношениях состоит в том, чтобы сигнализировать и помогать передавать содержание психологического контракта, то есть обещания на будущее и ожидаемые вклады [14]. Практика управления трудовой мотивацией с высокой приверженностью была связана с восприятием, порожденным отношениями социального обмена, а именно с воспринимаемой организационной поддержкой и чувством безопасности работы, повышенным удовлетворением от работы и приверженностью организации. Данный подход дает менеджерам возможность больше заботиться о потребностях и судьбах сотрудников.

Мотивация возникает из надежных долгосрочных отношений социального обмена, основанных на справедливости, ценности, которую легче культивировать в централизованной системе работы, характеризуемой единообразными правилами, такими как правительство и государственные учреждения, а не в децентрализованной системе управления человеческими ресурсами. Основываясь на принципах, лежащих в основе теории социального обмена, исследования [3, 7] демонстрируют, что восприятие работниками высокоэффективных методов управления персоналом влияет на трудовую мотивацию, что, в свою очередь, связано с двумя желаемыми результатами сотрудников: эмоциональной приверженностью и осведомленностью. Таким образом, когда организации сигнализируют о своем желании инвестировать в благополучие сотрудников и применять на практике высокоэффективные методы управления персоналом, сотрудники отвечают взаимностью, демонстрируя позитивное отношение и поведение, связанное с работой, выходят за рамки выполнения задач и выполняют действия, не предусмотренные контрактом, то есть приносят пользу организации. Взаимосвязь между высокопроизводительными HR-практиками и отношением, и поведением сотрудников основана на эмоциональном механизме, и использование этого типа практик приводит к повышению удовлетворенности работой в данном конкретном контексте.

Заключение. Наши результаты позволяют выявить взаимосвязь между социологией и трудовой мотивацией, предполагая, что приверженность работников организации, креативность и эффективность в решении рабочих вопросов могут возрасти в положительной структуре организационной поддержки, в которой внедряются методы управления персоналом, направленные на их благополучие. Основным пробелом, выявленным в ходе обзора, касается индивидуальных черт, которые проявляются во взаимосвязи между трудовой мотивацией и производительностью. Основываясь на социологическом профиле, менеджеры могут разработать и внедрить блок кадровых практик, который создаст стимулирующий рабочий климат и поможет им достичь столь желанного повышения эффективности и результативности в организациях.

Опираясь на принципы теории социального обмена, улучшенные профессиональные результаты могут быть достигнуты людьми, которые находят внутреннюю мотивацию в выполняемой ими деятельности. Внутренние методы управления персоналом способствуют созданию благоприятной рабочей среды в организациях, развивая позитивные отношения между сотрудниками и их трудовой деятельностью, вызывая вовлеченность, эмоциональную приверженность и удовлетворенность работой. Разрабатывая и внедряя решения и методы управления человеческими ресурсами, адаптированные в соответствии с потребностями и желаниями своих сотрудников, организации смогут обеспечить непрерывное развитие работников, будут поощрять инициативу и активную позицию, а также создадут предпосылки для достижения организационных целей.

Несмотря на это, остаются недостаточно изученные проблемы, решение которых сдерживается непоследовательностью в изучении вопросов мотивации трудовой активности персонала организации. Основное внимание в исследованиях российских социологов уделяется обоснованию социальной эффективности совершенствования системы мотивации труда. В современных социально-экономических условиях при относительно низком уровне жизни населения выбор конкретных форм организационного поведения сотрудниками организации в большей степени предопределяется внешними стимулами. В работах социологов недостаточно исследованы такие вопросы, как «самотивация», удовлетворенность занятостью, а также мотивы, побуждающие человека к производственной деятельности, в частности – трудовой.

Влияние организационной среды, особенно высокой приверженности кадровой политике, на мотивацию, удовлетворенность работой, приверженность и уровень производительности работников, остается мало изученным в литературе в области социологии. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на том, как повысить производительность персонала в связи с разработками в области возможностей анализа больших данных и алгоритмов искусственного интеллекта, а также с учетом конфиденциальности личных данных и цифровых прав потребителей. Дальнейшие разработки по этому вопросу должны быть основаны на результатах эмпирического исследования, направленного на определение методов управления персоналом, которые оказывают желаемое влияние на отношение и поведение работников, которые поощряют их приверженность общественным интересам и ценностям, тем самым способствуя достижению организационных результатов и целей.

Влияние организационной среды, особенно высокой приверженности кадровой политике, на мотивацию, удовлетворенность работой, приверженность и уровень производительности работников, остается мало изученным в литературе в области социологии. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на том, как повысить производительность персонала в связи с разработками в области возможностей анализа больших данных и алгоритмов искусственного интеллекта, а также с учетом конфиденциальности личных данных и цифровых прав потребителей. Дальнейшие разработки по этому вопросу должны быть основаны на результатах эмпирического исследования, направленного на определение методов управления персоналом, которые оказывают желаемое влияние на отношение и поведение работников, которые поощряют их приверженность общественным интересам и ценностям, тем самым способствуя достижению организационных результатов и целей.

Литература

1. Алехина Е.И., Ахмадеев А.М., Брутян Г.Э. и др. Состояние, проблемы и перспективы развития современных социально-экономических процессов. – Монография. – Петрозаводск: Новая наука, 2019. – 240 с.
2. Волкогонова, О.Д., Зуб А.Т. Управленческая психология: Учебник. – М.: ИД «Форум»; НИЦ «Инфра-М», 2019. – 352 с.
3. Егоршин, А.П. Мотивация трудовой деятельности: учеб. пособие для вузов – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 464 с.
4. Забнева Э.И. (ред.) Трансформация социально-экономических процессов в современной России. – Коллективная монография. – Ульяновск: Зебра, 2019. – 209 с.
5. Потемкин В.К. Экономическая социология. Учебное информационно-аналитическое пособие. – Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПб-ГЭУ, 2020. – 333 с.
6. Степанова, С.М., Мальцева, Е.С., Родермель Т.А. О некоторых аспектах создания мотивационного механизма в трудовой деятельности // Экономические науки. Сургут. 2019. № 2. – С. 87
7. Трейси Брайан. Наука мотивации. – Минск: Попурри, 2019. – 240 с.
8. Федорова А.Э., Чудиновских М.В., Борзенко Е.И. и др. Трансформация трудовых отношений: факторы социального загрязнения. – Коллективная монография. – Екатеринбург: Юника, 2019. – 178 с.
9. Шаньгина Н.В. Механизмы формирования мотивационной сферы личности в процессе ее мотивационного становления / Н.В. Шаньгина, О.В. Мылтасова // Школа Науки. – 2018. – № 7 (7). – С. 21–22.
10. Шахова И.А. Социология потребления. – Хрестоматия. – Благовещенск: Амурский государственный университет (АмГУ), 2020. – 107 с.
11. Westerman, Johan Unequal involvement, unequal attainment? A theoretical reassessment and empirical analysis of the value of motivation in the labor market // Social science research. 2018. Volume 76; pp 169–185.
12. Брасс А.А. Трудовая мотивация в поведенческой экономике // Проблемы управления (Минск). 2019. № 3 (73). С. 89–93.
13. Белов М.Т., Рачипа А.В., Самыгин С.И. Факторы стимулирования трудовой мотивации при управлении персоналом организации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 15–18.
14. Johari, Sparsh Impact of Work Motivation on Construction Labor Productivity // Journal of management in engineering. 2020. Volume 36: Number 5; pp 14–20.
15. Колесникова А.Н. Роль управления мотивацией трудовой деятельности в системе управления персоналом // Экономика и социум. 2019. № 10 (65). С. 212–216.
16. Shin, Inyong How are service employees' perceptions of corporate social responsibility related to their performance? Prosocial motivation and emotional labor as underlying mechanisms // Corporate social responsibility and environmental management. 2020. Volume 27: Number 6; pp 2867–2878.
17. Василенко О.А. Управление трудовой мотивацией персонала на коммерческом предприятии // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 83–91.
18. Kim, Do Han Reconciliation Between Monetary Incentives and Motivation Crowding-Out: The Influence of Perceptions of Incentives on Research Performance // Public performance & management review. 2020. Volume 43: Issue 6; pp 1292–1317.
19. Yun, Changgeun Early Innovation Adoption: Effects of Performance-Based Motivation and Organizational Characteristics // Public performance & management review. 2020. Volume 43: Issue 4; pp 790–817.
20. Василенко О.А. Управление трудовой мотивацией персонала на коммерческом предприятии // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 83–91.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF LABOR MOTIVATION IN SOCIOLOGY

Pronin V. Yu.

State University of Management

The article is devoted to the consideration of the theoretical and methodological foundations of the concept of labor migration in sociology. In the course of the research, the analysis of the concept of "labor motivation" through the prism of sociology was carried out. Special attention is paid to the goal of motivation management, which is to increase the efficiency of the organization, i.e. in obtaining the highest result at the lowest cost. Also, the article formalizes a model of the labor motivation process, the key point of which is an objective assessment of the effectiveness of the work of personnel. The factors of influence on the efficiency of the motivational process are indicated and the components of the main types of material and non-material incentives are described. In order to update approaches and understand the relationship between sociology and work motivation, the article provides a description and foreign experience of using motivational practices and principles in Europe and the United States. The study found that further research should focus on how to improve staff productivity in connection with developments in the field of big data analysis and artificial intelligence algorithms.

Keywords: labor motivation, motivation in sociology, labor, sociology of labor.

References

1. Alyokhina E. I., Akhmadeev A.M., Brutyan G.E., etc. The state, problems and prospects of development of modern socio-economic processes. – Monograph. – Petrozavodsk: New Science, 2019. – 240 p.
2. Volkogonova, O. D., Zub A.T. Managerial psychology: Textbook. – M.: Publishing house "Forum"; SIC "Infra-M", 2019. – 352 p.
3. Yegorshin, A.P. Motivation of labor activity: studies.manual for universities-2nd ed., reprint. and additional-M.: INFRA-M, 2019. – 464c.
4. Zabneva E. I. (ed.) Transformation of socio-economic processes in modern Russia. – Collective monograph. – Ulyanovsk: Zebra, 2019. – 209 p.

5. Potemkin V.K. Economic Sociology. Educational information and analytical manual. – Training manual. – St. Petersburg: Publishing house of SPbGEU, 2020 – – 333 p.
6. Stepanova, S. M., Maltseva, E. S., Rodermel T.A. On some aspects of creating a motivational mechanism in labor activity // Economic sciences. Surgut. 2019. No. 2 – – p. 87
7. Tracy Bryan. The science of motivation. – Minsk: Potpourri, 2019. – 240 p.
8. Fedorova A. E., Chudinovskikh M.V., Borzenko E.I. and others. Transformation of labor relations: factors of social pollution. – Collective monography. – Yekaterinburg: Yunika, 2019 – – 178 p.
9. Shang'ina N.V. Mechanisms of formation of the motivational sphere of personality in the process of its motivational formation / N.V. Shang'ina, O.V. Myl-tasova // School of Science. – 2018. – № 7 (7). – P. 21–22.
10. Shakhova I.A. Sociology of consumption. – Textbook. – Blagoveshchensk: Amur State University(AmSU), 2020. – 107 p.
11. Westerman, Johan Unequal involvement, unequal attainment? A theoretical reassessment and empirical analysis of the value of motivation in the labor market // Social science research. 2018. Volume 76; pp 169–185.
12. Brass A.A. Labor motivation in behavioral economics // Problems of management (Minsk). 2019. No. 3 (73). pp. 89–93.
13. Belov M. T., Rachipa A.V., Samygin S.I. Factors of stimulating labor motivation in the personnel management of an organization // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. No. 9. pp. 15–18.
14. Johari, Sparsh Impact of Work Motivation on Construction Labor Productivity // Journal of management in engineering. 2020. Volume 36: Number 5; pp 14–20.
15. Kolesnikova A.N. The role of labor motivation management in the personnel management system // Economy and society. 2019. No. 10 (65). pp. 212–216.
16. Shin, Inyong How are service employees' perceptions of corporate social responsibility related to their performance? Prosocial motivation and emotional labor as underlying mechanisms // Corporate social responsibility and environmental management. 2020. Volume 27: Number 6; pp 2867–2878.
17. Vasilenko O.A. Management of labor motivation of personnel at a commercial enterprise // Management in Russia and abroad. 2020. No. 2. pp. 83–91.
18. Kim, Do Han Reconciliation Between Monetary Incentives and Motivation Crowding-Out: The Influence of Perceptions of Incentives on Research Performance // Public performance & management review. 2020. Volume 43: Issue 6; pp 1292–1317.
19. Yun, Changgeun Early Innovation Adoption: Effects of Performance-Based Motivation and Organizational Characteristics // Public performance & management review. 2020. Volume 43: Issue 4; pp 790–817.
20. Vasilenko O.A. Management of labor motivation of personnel at a commercial enterprise // Management in Russia and abroad. 2020. No. 2. pp. 83–91.

Трудности дерусификации в Таджикистане в сфере образования

Лю Ци,

магистрант Института иностранных языков Ланьчжоуского университета
E-mail: 1223913869@qq.com

Чтобы сохранить независимость страны, Таджикистан активно проводил дерусификацию после распада СССР. Растет и отчуждение русского языка от таджикского в сфере образования. Но после распада СССР Таджикистан поддерживает тесное сотрудничество с Россией в сфере образования. Многие российские вузы открывают филиалы в Таджикистане. Каждый год большое количество таджикских студентов едут учиться в Россию. Россия готовит много высокотехнологичных специалистов для Таджикистана и предоставляет большое количество учебников и средств для развития образования в Таджикистане. Зависимость от России в области образовательных ресурсов затрудняет процесс дерусификации Таджикистана в сфере образования.

Ключевые слова: дерусификация, образования, Таджикистан, Россия.

Введение

«Дерусификация» – это государственная политика в бывших советских республиках, которая ослаблена в сферах политики, экономики, дипломатии, образования, СМИ и других областях до полного отказа от русского языка в целях поиска национальной независимости, избавления от советской системы и устранения советского исторического отпечатка. После распада СССР пять стран Центральной Азии начали проведение модели «дерусификация».

В 2009 году в Таджикистане был принят новый закон «О государственном языке», который исключил русский язык из числа языков межнационального общения и положил начало активной дерусификации в Таджикистане, в результате которой русский язык вышел из употребления. Русский язык оказался в немилости и был насильственно «маргинализован» в Таджикистане. Дерусификация образования в Таджикистане проявляется, в частности, в установлении государственного языка в качестве языка обучения, отмене русской школьной системы и введении западной научной системы, сокращении числа школ с русским языком обучения и сокращении числа учителей русского языка.

Но зависимость от России в области образовательных ресурсов затрудняет процесс дерусификации Таджикистана в сфере образования. Со времен СССР Таджикистан и Россия сотрудничали в сфере образования. Ежегодно большое количество таджикских студентов едут учиться в Россию. В то же время Таджикистан ослабил свое сопротивление русскому языку. В период 2004–2014 гг. были приняты национальные программы по улучшению условий и повышению качества преподавания русского языка, и были получены значительные помощи со стороны России в области образовательных ресурсов.

1. Меры дерусификации Таджикистана в сфере образования

1.1. Принятие закона «О государственном языке» и развитие образования на государственном языке

6 октября 2009 года президент Рахмон подписал Закон «О государственном языке Республики Таджикистан», согласно которому государственный язык является обязательным предметом во всех типах школ и языком научных исследований, культурной деятельности и средств массовой информации в Таджикистане. Закон о государственном языке регулирует язык образования следующим образом: В Республике Таджикистан обучение осуществля-

ется на государственном языке. В образовательных учреждениях дошкольного, общего, начального профессионального, среднего профессионального, высшего и послевузовского профессионального образования обеспечивается обязательное обучение государственному языку. В иностранных средних и высших образовательных профессиональных учреждениях, осуществляющих свою деятельность в Республике Таджикистан, независимо от форм собственности, преподавание государственного языка является обязательным.[1] Поправки к закону о государственном языке в значительной степени расширили образовательную сферу государственного языка и сузили использование русского языка. На законодательном уровне русский язык больше не имеет доминирующего положения в образовании и отходит на второй план, в то время как статус государственного языка стремительно повышается.

1.2. Отмена российской системы ученой степени и сближение с Западом

С процессом дерусификации Таджикистан планирует реформировать систему ученой степени. По словам сотрудника министерства образования и науки Таджикистана, с 2014 года Таджикистан перейдет на западную систему степеней. В соответствии с российской системой степеней, студенты должны закончить университет и получить степень магистра, а затем пройти многолетний курс обучения и защитить диссертацию в Аккредитации высшего учебного заведения Российской Федерации, прежде чем получить степень кандидата и доктора. Однако с 2014 года Таджикистан отказался от российской системы степеней в пользу трехстепенной системы бакалавриат-магистратура-докторантура, широко используемой в западных странах, и создал собственную Национальную комиссию по аккредитации высшего образования при президенте. Что касается того, почему Таджикистан планирует такую реформу, объяснил сотрудник министерства образования и науки, что это в основном связано с некоторыми российскими практиками: Аккредитации высшего учебного заведения Российской Федерации приостановила работу десятков диссертационных комитетов Таджикистана за несоответствие требованиям, что не только затруднило работу этих диссертационных комитетов, но и создало множество проблем для соискателей ученой степени [2].

1.3. Просвещение населения с целью сокращения использования русского языка

Политика дерусификации Таджикистана начинается с «вернуться к корням». Таджики – единственная этническая группа в пяти странах Центральной Азии, которые не используют тюркский язык, а официальный таджикский язык принадлежит персидскому языку. Ранее в истории Таджикистана существовала гордое Государство Саманидов (по-таджикском: Давлати Сомониён), которая использовала персидский язык в качестве официального языка. Таким образом, правительство Таджикистана связало строительство и восстановление

основной национальной культуры с Государством Саманидов, начав проводить широкомасштабное историческое движение по поиску корней, чтобы ослабить влияние русификации на траекторию исторического развития. 21 марта 2007 года президент Таджикистана Рахмон публично объявил, что он откажется от использования суффикса фамилии русского человека «ов» и будет использовать фамилию «Рахмон», образованную на его родном языке. Он приказал родителям запретить регистрировать фамилии своих детей с русскими суффиксами «-ов» или «-ев». Смена фамилии Рахмона положила начало дерусификации социальной сферы в Таджикистане.

Во-первых, путем изменения названия городов и названий улиц для удаления российских символов и создания национальных символов Таджикистана. В честь Исмаила Самани, правителя Государства Саманидов, правительство Таджикистана переименовало самую высокую вершину бывшего Советского Союза в Исмаил Самани в 1998 году. Во-вторых, удаление русских букв Ц, Щ, Ы и Ь из таджикского алфавита. Сафикин Назарзода, директор Института языка и литературы АН РТ, предложил в 2010 году сократить количество таджикских букв с 35 до 31 и убрать буквы Е, Ё, Ю и Я из алфавита. Потому что эти буквы были введены при русификации таджикского языка в СССР.[3] В-третьих, расширение использования таджикского языка в таких средствах массовой информации, как публичные вывески, радио, телевидение, изданиях и общественная жизнь. Русский язык на вывесках магазинов и общественных указках был удален и в основном эти написаны на таджикском языке. Сегодня письмо появилось на улицах Душанбе в основном на таджикском, или таджикские отметки слева, а русские – справа.

Эта серия политических мер была разработана с целью постепенного понижения статуса русского языка и повышения статуса таджикского языка. Реформируя закон о языке и систему присвоения степеней, Таджикистан постепенно устраняет российское влияние из сферы образования. Ряд реформ на социальном уровне также постепенно ослабляет зависимость населения от русского языка в психологическом смысле. Количество и уровень владения русским языком в Таджикистане, особенно среди молодежи, в настоящее время значительно ниже, чем у их родителей, причем большинство из них могут общаться только устно и имеют слабые навыки правописания. Даже студенты факультетов русского языка высших учебных заведений (Российско-таджикский университет) начинают систематически изучать орфографию и грамматику только после поступления в университет, и лишь немногие ученики начальных и средних школ, где преподается русский язык, владеют им. Доля сельских жителей пригородов, особенно женщин и необразованных детей, владеющих русским языком, сокращается.

2. Трудности дерусификации в Таджикистане в сфере образования

2.1. Тесное сотрудничество между российскими и таджикскими вузами

Сфера образования ныне одна из перспективных направлений в политике Таджикистана. Для развития отношений в области образования 19 сентября 1995 г. было заключено Соглашение, в котором, отмечается, что Таджикистан и Россия будут сотрудничать в области дошкольного, общего среднего, высшего и дополнительного профессионального образования и содействовать разработке нормативно-правовой базы о взаимном признании документов об образовании, ученых степеней и званий. Наряду с этим, поощрялись совместные разработки учебных планов и программ, учебно-методической документации, обновленных комплектов учебников и пособий. Министерству в пределах своей компетенции обязались содействовать развитию учебно-материальной базы образования, приобретению оборудования, наглядных пособий, технических средств обучения, учебников, учебно-методической литературы.

В рамках договоренностей в Таджикистане с РФ в 1996 г. Был открыт РТСУ, в котором обучаются более 4,5 тысячи студентов. В решении коллегии Минобразования РФ от 22 февраля 2000 года, за № 4 «О роли российско-национальных университетов в образовательном сотрудничестве со странами СНГ» отмечена значительная работа ректората и преподавательского состава РТСУ по активизации и развитию сотрудничества в области образования в государствах – участниках СНГ.

Наряду с РТСУ, в Душанбе действуют филиалы МГУ, МИСиС, МЭИ и т.д.. Создание филиалов российских вузов в Таджикистане широко востребовано и перспективно для укрепления двустороннего сотрудничества на гуманитарном направлении. Примечателен факт, что в филиале МГУ порядка 70 процентов его профессоров и преподавателей составляют ученые из МГУ, а 30 процентов – лучшие и опытные преподаватели Таджикистана. [4]

Россия выделяет большое количество средств из бюджета на поддержку образования в Таджикистане, что заставляет Таджикистан в определенной степени зависеть от России в области образования. В 2009 году для обучения граждан Таджикистана в российских вузах выделено 410 государственных стипендий, из них 150 стипендий на полный курс обучения, 10 в аспирантуру и докторантуру, 210 – для соотечественников и 40 – для прохождения стажировки по русскому языку. По линии Минобразования Таджикистана для обучения в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования принято соответственно 165 и 24 человека. 12 кандидатов проходят согласование для обучения в аспирантуре российских вузов. По линии посольства РФ в Душанбе на полный курс обучения принято

190 чел., 12 кандидатов проходят согласование для обучения в аспирантуре.[5]

Россия на 2020–2021 учебный год выделила Таджикистану 630 квот на обучение в вузах РФ за счет госбюджета, сообщил посол РФ Игорь Лякин-Фролов. «В этом году, как и в предыдущем, РФ выделила Таджикистану 630 квот для граждан этой страны для поступления в российские вузы, причем все эти места оплачиваются за счет госбюджета РФ», – сказал он на пресс-конференции по вопросам квотной кампании поступления граждан Таджикистана в российские вузы в 2020–2021 учебном году. По его словам, это одна из самых больших квот, предоставляемых странам СНГ.[6]

2.2. На Таджикистан глубокое влияние оказывает ВАК

Историю трудно отрезать, и отпечаток эпохи «русификации» все еще отражается повсеместно в сфере образования. Во времена СССР Россия и Таджикистан тесно сотрудничали в области высшего образования. Академия наук Таджикистана была основана при содействии Советского правительства. Многие российские ученые все еще работают в Академии наук Таджикистана. Россия также подготовила большое количество научно-технических кадров для Таджикистана. Поскольку большинство работающих в АН РТ авторитетных ведущих научных сотрудников являются выпускниками советских и российских вузов, получившими научные звания и степени в системе ВАК СССР и РФ, значительная часть совместных исследований осуществляется с российскими учеными и научными организациями. Можно привести достаточно объемный список научных контактов, основанных на принадлежности таджикских ученых к выдающимся советским научным школам и их стремлении сохранить и приумножить научный потенциал в новых условиях в интересах обоих государств.

Что касается образования и научных исследований, то русский, как фактически крупнейший язык для межнационального общения Центральной Азии, играет важную роль в информационном общении как в прошлом, так и сейчас. Большинство международных научных работ в библиотеке и на рынке – русские книги, и очень мало академических достижений переведено на таджикский язык. В сотрудничестве двух стран в сфере науки и образования важное место отводится аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Соглашение в этой области между Таджикистаном и Россией было заключено 12 февраля 1997 г. Руководствуясь соответствующими нормативно правовыми актами, российская сторона взяла на себя проведение аттестации научных и подготовку научно-педагогических кадров высшей квалификации, создание диссертационных советов, анализ аттестационных дел и диссертаций, их экспертизу, оказание методической помощи диссертационным и ученым (научно-техническим) советам Таджикистана. Благодаря этому таджикские ученые после защиты диссертации

в своей республике могут получить дипломы российского образца.

Научные степени в Таджикистане не очень хорошо признаются во всем мире, и в стране плохой образовательный климат. По сообщениям российских СМИ, Федеральная комиссия по аккредитации высшего образования России приостановила работу десятков диссертационных комитетов Таджикистана, в основном из-за предполагаемой коррупции в некоторых диссертационных материалах Таджикистана и трудностей с соблюдением уровня качества диссертаций. Это выявило недостатки коррумпированного академического климата и слабого профессионального образования в Таджикистане. Также большой вопрос, будут ли в будущем признаваться в России степени, присужденные Национальной комиссией по аккредитации высшего образования в Таджикистане. Учитывая, что миллионы таджиков в настоящее время работают в России, если ученые степени и дипломы не будут признаваться в России, это также окажет влияние на таджиков, собирающихся работать в России.

2.3. Российская помощь Таджикистану в области образования

Кроме профессиональных специалистов, Россия также развивает образование на русском языке в Таджикистане, подготавливая большое количество преподавателей русского языка и предоставляя Таджикистану значительную помощь в виде образовательных ресурсов. Руководством Минобрнауки России принято положительное решение о командировании в 2009 году в Таджикистан специалистов для проведения курсов повышения квалификации преподавателей русского языка и литературы, а также для чтения лекций по методике преподавания русского языка. Реализацию этого проекта планируется осуществить за счет средств, предусмотренных федеральной целевой программой «Русский язык (годы)». Наряду с этим, подготовка, переподготовка и повышение квалификации педагогических работников Таджикистана осуществляются в Центре дистанционного обучения, созданного на базе РТСУ.[7] В ноябре 2017 года на базе ИПК учителей при РТСУ прошло торжественное открытие курсов повышения квалификации для учителей русского языка и литературы средних общеобразовательных учреждений Таджикистана. В работе курсов приняли участие учителя русского языка из отдаленных регионов республики.

24 февраля 2009 г. Минобрнауки России положительно решило вопросы, поставленные таджикской стороной в ходе встречи на высшем уровне в части обеспечения текущих потребностей образования на русском языке в Таджикистане в учебниках и научно-методической литературе, расширения сотрудничества в сфере подготовки и повышения квалификации таджикских преподавателей русского языка, обучения специалистов творческих профессий. Ввиду значительного объема запрашиваемой литературы (более 500 тыс. эк-

земпляров) с Минобробразования Таджикистана достигнута договоренность о ее поэтапной поставке. Исходя из этого, Министерство осуществит до конца 2009 года в качестве первого этапа поставку в Таджикистан литературы объемом 25889 экземпляра на общую сумму около 8,6 млн рублей за счет средств, предусмотренных федеральной целевой программой «Русский язык (годы)». Кроме того, по линии Фонда «Русский мир» средним общеобразовательным учреждениям Таджикистана в 2009 году будет поставлено 6660 экземпляров художественной литературы на сумму 1 млн. рублей. За все годы сотрудничества в области образования Посольством России в Таджикистане Министерству образования передано безвозмездно 260 тыс. экземпляров учебников и 75 электронных носителей с учебным материалом на русском языке.

Ежегодно, через местное представительство российской государственной культурно-гуманитарной организации «Россотрудничество», школам выделяются новые учебники, в особенности для учащихся и учителей из школ с таджикским языком обучения. В 2017 и в сентябре 2018 года из России в Таджикистан было направлено 50 учителей русского языка для работы в местных школах. Вдобавок к этому, российским министерством просвещения было озвучено, что ведется разработка проекта 5 новых школ с русским языком обучения, которые планируют построить в пяти самых густонаселенных городах Таджикистана, где спрос на русский язык наиболее высок. Местное правительство же постепенно ведет политику по увеличению количества часов в таджикских школах на преподавание русского языка.[8]

По данным Министерства образования и науки РТ, на сегодняшний день для обеспечения учебниками учащихся общеобразовательных учреждений республики с русским языком обучения необходимо издать 152 наименования учебников. Министерство запланировало переиздание 65 наименований необходимых учебников, разработанных российскими авторами для учащихся РФ. По взаимному соглашению российская сторона должна предоставить электронный вариант этих учебников. Оставшиеся 87 наименований учебников будут переведены с действующих версий таджикских учебников и изданы необходимым тиражом.[9]

2.4. Существование спроса со стороны населения Таджикистана на изучение русского языка

Несмотря на то, что Таджикистан продолжает проводить политику дерусификации, энтузиазм народа Таджикистана по отношению к русскому языку и их благосклонность к России постепенно возросли. Согласно результатам опроса, опубликованного 8 февраля 2010 года таджикстанским независимым исследовательским центром «Восток», 98% граждан Таджикистана благосклонно относятся к России, 71% опрошенных считают, что русский язык не должен быть исключен из повседневной

речи, и 66% поддерживают сохранение правового статуса русского в Таджикистане. 67% жителей хотят улучшить свой уровень русского языка, 37% родителей хотят, чтобы их дети получали образование в России, и 34% родителей хотят, чтобы их дети постоянно жили в России.[10]

Из-за исторической связи с периодом СССР на протяжении более полувека русские по-прежнему занимают центральное положение в Таджикистане после обретения независимости и играют незаменимую роль в таджикском обществе. Большинство жителей ставят русских в очень важное положение. За 27 лет после провозглашения независимости Таджикистан постепенно превратился из страны, отправляющей беженцев, в одну из крупнейших стран, отправляющих сегодня рабочую силу. По данным Министерства труда, миграции и занятости населения Таджикистана, в 2016 году численность иностранной трудовой миграции в Таджикистане достигла 517 300 человек, а Россия является крупнейшим получателем экспорта рабочей силы из Таджикистана. Всемирный банк подчеркнул, что Таджикистан является самой зависимой от денежных переводов страной в мире. Денежные переводы от трудовых мигрантов являются важным компонентом национального дохода Таджикистана, составляя 45% ВВП страны по состоянию на конец 2014 года. Несмотря на значительное снижение после 2015 года, денежные переводы остаются одним из основных источников национального дохода Таджикистана.

Новый закон о языке, принятый в Таджикистане в 2009 году, возмутил российское правительство. Чтобы обратить вспять растущую тенденцию «дерусификации» Таджикистана, Россия ввела контрмеры: «С 1 сентября 2009 года жители Таджикистана, желающие работать или учиться в России, должны сдать экзамен по русскому языку, организованный российской стороной, а тем, кто не сдаст или провалит экзамен, не будет разрешен въезд на территорию России. Тем, кто не сдал или провалил тест, въезд на территорию России запрещен. Кроме того, для получения российского гражданства необходимо сдать строгий экзамен по русскому языку». Это очень трагично для работников из Таджикистана, которые не знают русского языка и которые должны вернуться в Таджикистан, если они не сдадут соответствующие экзамены по русскому языку, что не только повлияет на их личную жизнь и семейный доход, но, что более важно, уменьшит валютные поступления страны и усилит давление на занятость внутри Таджикистана. Обратный подход российского правительства стимулировал спрос на изучение русского языка в Таджикистане. Учебник русского языка стоит в Таджикистане десятки долларов и до сих пор является дефицитом, в то время как средний месячный доход таджикского населения составляет всего двести долларов.[11]

Несмотря на то, что в Таджикистане поощряется преподавание таджикского языка, ощущается острая нехватка качественной базы для обучения

таджикскому языку и полноценной системы высшего, среднего и начального образования. Отсутствие учебников на таджикском языке также ограничивает возможности правительства по подготовке передовых научно-технических кадров. Даже таджикские студенты с высшим образованием не имеют высокого уровня владения русским языком, что создает препятствия для понимания ими российской информации и ограничивает их кругозор. Потому что в Центральной Азии большинство последних новостей, события на международных границах, наука и технологии основаны на русском языке, а девальвация Таджикистана противоречит современности. Родители в Таджикистане также предпочитают отдавать своих детей в школы с русским языком обучения, чтобы быть более конкурентоспособными при трудоустройстве и иметь доступ к лучшим образовательным ресурсам. Около 68% населения в Таджикистане утверждает, что в той или иной мере владеет русским языком. По данным другого опроса, 69% опрошенных указало русский язык как желаемый язык обучения для своих детей.[12]

Заключение

Как сохранить независимость страны и улучшить качество жизни ее граждан для слабой и недавно независимой страны – это вопрос, который она должна решить. С момента обретения независимости в 1992 году Таджикистан всегда поддерживал внутреннее развитие под «помощью» России и в то же время вынужден принимать российское вмешательство во внутренние дела. Тем не менее, после нескольких крупных миграций численность русского в Таджикистане сократилась, экономическое развитие Таджикистана постепенно стабилизировалось, и жизнь народа постепенно улучшалась. Тогда политика дерусификации является вариантом обеспечения независимого развития национальной политики без вмешательства извне.

Дерусификация – закономерный процесс для всех стран постсоветского пространства на пути к формированию независимого государства. Время проведения политики дерусификации Таджикистана не совсем совпало с активизацией сотрудничества в области образования. Медленное экономическое развитие самого Таджикистана и большая доля денежных переводов трудовой миграции в ВВП, в то время как Россия является основным экспортером трудовой миграции из Таджикистана, делают Таджикистан экономически зависимым от России. Сотрудничество Таджикистана с Россией в области образования продолжает развиваться, и поддержка Россией образовательных ресурсов Таджикистана также не позволила стране полностью дерусифицировать себя в сфере образования. В дополнение к этому, русский язык является основным языком, используемым в качестве источника информации и терминологии документации в Центральной Азии, и перед лицом проблем с трудоустройством и поиском более высоко-

го уровня образования таджикские родители предпочитают отдавать своих детей в школы с русским языком обучения. В сочетании со скорым выводом американских военных баз из Афганистана, Таджикистан столкнется с огромной террористической угрозой в случае прихода к власти талибов, и его национальная безопасность будет нуждаться в российском покровительстве. По всем этим причинам Таджикистан не сможет добиться полной дерусификации за короткий срок, и даже популярность русского языка в Таджикистане будет возрождаться в определенной степени, с «лихорадкой русского языка».

Литература

1. Сергей Расов. «Дерусификация» Таджикистана. <http://politcom.ru/8768.html>. 08.09.2009.
2. Ден Ходон. Исследование о развитии высшего образования в Таджикистане. Вестник Модернизация образования, 2017. – № 4. – С. 198–200.
3. Юй Мяо. Дерусификация Таджикистана. Вестник Института Ичунь, 2012. – № 34. – С. 24–27.
4. Абдусаматов Б.Б., Баянова Л.Н. Взаимодействие России и Таджикистана в сфере образования. Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, 2018. – № 2. – С. 125–130.
5. Таджикистан наращивает сотрудничество в сфере образования и науки с Россией: <https://polit-asia.kz/tadzhikistan-narashhivaet-sotrudnichestvo-v-sfere-obrazovaniya-i-nauki-s-rossiej/>, 22.01.2020.
6. Лякин-Фролов: Россия выделила Таджикистану 630 квот на обучение в вузах: <https://tj.sputniknews.ru/education/20200121/1030576576/Lyakin-Frolov-Russia-Tajikistan-kvoty-obuchenie-vuzy.html>, 21.01.2020.
7. Текущее состояние сотрудничества в области образования и науки между Российской Федерацией и Таджикистаном | Контент-платформа Pandia.ru: <https://pandia.ru/text/78/356/1793.php>, 10.11.2015.
8. Насколько русский язык востребован в Таджикистане? <https://cabar.asia/ru/naskolko-russkij-yazyk-vostrebovan-v-tadzhikistane>, 20.02.2019.
9. Великий и могучий русский язык в таджикских реалиях. <https://ia-centr.ru/publications/velikiy-i-moguchiy-russkiy-yazyk-v-tadzhikskikh-realiyakh/>, 24.05.2017.
10. Пирназаровна Парвина Алиназаровна. Взаимоотношения республики Таджикистан и Российской Федерации в сфере образования, науки и культуры (1991–2001 гг.), Душанбе-2013.

11. Россия и Таджикистан развивают сотрудничество в области образования / Новости / Русский век; <http://www.ruvek.info/?module=newsp&action=view&id=23928>, 21.10.2019.
12. Чжан Хунли, Чжан Юйянь. Закон «О языке»: новые обстановки в дерусификации Таджикистана. Вестник «Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии» 2010. – № 4. – С. 25–30.

DIFFICULTIES OF DE-RUSIFICATION IN TAJIKISTAN IN THE FIELD OF EDUCATION

Liu Qi

Lanzhou University

To preserve the country's independence, Tajikistan actively pursued de-Russification after the collapse of the USSR. The alienation of the Russian language from the Tajik language in the field of education is also growing. But after the collapse of the USSR, Tajikistan maintains close cooperation with Russia in the field of education. Many Russian universities open branches in Tajikistan. Every year, a large number of Tajik students go to study in Russia. Russia trains many high-tech specialists for Tajikistan and provides a large number of textbooks and funds for the development of education in Tajikistan. Dependence on Russia for educational resources complicates the process of de-Russification of Tajikistan in the field of education.

Keywords: de-Russification, education, Tajikistan, Russia.

References

1. Sergey Rasov. "De-Russification" of Tajikistan. <http://politcom.ru/8768.html>. 08.09.2009.
2. Den Haodong. A study on the development of higher education in Tajikistan. Modernization of Education, 2017. – № 4. – P. 198–200.
3. Yu Miao. De-Russification of Tajikistan. Journal of Yichun College, 2012. – № 34. – P. 24–27.
4. Abdusamatov B.B., Bayanova L.N. Interaction of Russia and Tajikistan in the field of education. Bulletin of the Bashkir National Normal University named after M. Akmulla, 2018. – № 2. – С. 125–130.
5. Tajikistan increases cooperation in education and science with Russia. <https://polit-asia.kz/tadzhikistan-narashhivaet-sotrudnichestvo-v-sfere-obrazovaniya-i-nauki-s-rossiej/>, 22.01.2020.
6. Lyakin-Frolov: Russia has allocated Tajikistan 630 quotas for higher education. <https://tj.sputniknews.ru/education/20200121/1030576576/Lyakin-Frolov-Russia-Tajikistan-kvoty-obuchenie-vuzy.html>, 21.01.2020.
7. Current state of cooperation in education and science between the Russia and Tajikistan | Pandia.ru Content Platform. <https://pandia.ru/text/78/356/1793.php>, 10.11.2015.
8. How much is Russian in demand in Tajikistan? <https://cabar.asia/ru/naskolko-russkij-yazyk-vostrebovan-v-tadzhikistane>, 20.02.2019.
9. The status quo of the great and mighty Russian language in Tajikistan. <https://ia-centr.ru/publications/velikiy-i-moguchiy-russkiy-yazyk-v-tadzhikskikh-realiyakh/>, 24.05.2017.
10. Pirnazarovna Parvina Alinazarovna. Mutual relations between the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in the spheres of education, science and culture (1991–2001), Dushanbe-2013.
11. Russia and Tajikistan develop cooperation in education / News / Russian Century; <http://www.ruvek.info/?module=newsp&action=view&id=23928>, 21.10.2019.
12. Zhang Hongli, Zhang Yuyan. Law on Language: New Situations in Tajikistan's De-Russification. Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia 2010. – № 4. – P. 25–30.

Социально-экономическое положение Чеченской Республики: основные проблемы, зоны развития, направления инвестиций

Сулейманов Ражап Арбиевич,

студент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансового университета при правительстве Российской Федерации
E-mail: rajap_1995@mail.ru

В статье рассмотрены основные проблемные направления социально-экономического развития Чеченской Республики, зоны для привлечения инвестиций и финансовый сектор. Представлены ключевые причины, по которым в регионе слабо развит банковский сектор, не наращивается кредитный потенциал для населения, малого и среднего предпринимательства. Проведено сравнение с иными регионами страны, сопоставимыми по показателям численности населения. Проанализированы региональные особенности и специфика религиозных норм в финансах и кредитовании. Представлен мировой опыт ведения исламского банковского обслуживания и инвестирования, суть банковских продуктов и их ключевое отличие от светского банковского сектора.

Рассмотрены основные причины, по которым Чеченская Республика не пользуется популярностью как у иностранных туристов, так и граждан других регионов Российской Федерации, несмотря на свой туристический потенциал. Даны рекомендации по повышению туристических показателей региона с учетом сильных сторон и увеличению доли въездного туризма, расширению авиасообщений и рекламной компании.

Представлены причины высокой дотационности региона на протяжении длительного периода, определяемое воздействием последствий военных событий 90-х годов прошлого века на социально-экономическое развитие региона и основные региональные показатели.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, Чеченская Республика, туризм, исламские банки, кредитование, региональное управление, безработица.

В самом широком смысле социально-экономическое развитие – это комплекс структурных и качественных изменений в экономике, производственных силах, науке, культуре, образовании, улучшение качества и уровня жизни общества. Ключевыми целями социально-экономического развития являются: повышение уровня благосостояния населения и непрерывный экономический рост страны [5].

Позиционируя себя в мире как политически и экономически развитая страна, Российская Федерация принимает новые вызовы социально-экономического развития. В силу глобализации и межгосударственной конкуренции, главной задачей ставится повышение конкурентоспособности отечественной экономики. Возрастает роль инноваций и цифровых технологий, которые всё прочнее закрепляются в производстве и в бизнесе. Инновационное развитие экономики и общества является важным элементом технологического прогресса страны, который способствует повышению конкурентоспособности. В то же время, человеческие ресурсы остаются неизменным фактором производственных сил общества и государства. Именно население и уровень его жизнедеятельности, благосостояния, образования, развития и демографические характеристики служат основным драйвером развития любого государства [7].

Чеченская Республика находится на Северном Кавказе и входит в состав Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Является одним из субъектов нашей страны. Многие проблемы социально-экономического развития Чеченской Республики обусловлены военными событиями конца 20 века. Этот период сопровождался неоднократной сменой политического и экономического курса развития региона, демографическими потерями, миграцией населения, снижением эффективности промышленного производства и застоем сельскохозяйственного производства и пр. Все эти факторы задержали развитие Чеченской Республики на долгое время. Только с помощью эффективных социально-экономических преобразований, разработкой и реализацией государственных программ можно было полностью восстановить экономику Республики, обеспечить повышение благосостояния населения, активное развитие перспективных направлений экономики и промышленности, обеспечение безопасности региона, создание условий для благоприятного процветания.

Чеченская Республика входит в состав самых дотационных регионов страны. Это обусловлено

военными событиями 90-х годов, необходимостью восстановления региона и создания условия для динамического развития. В конце 20-го века Чеченская Республика находилась в политической и экономической блокаде. Это задержало развитие социально-экономической структуры региона во всех аспектах: отсутствовала единая экономическая политика, не финансировались ключевые направления социального обеспечения, система образования практически не функционировала, т.к. из-за периодических военных действия занятия в средних и высших учебных заведениях приостанавливались, в таких же условиях находились спортивные учреждения и школы искусств.

В военной и политической литературе, чеченских детей, выросших 90-х годах, называют «потерянным поколением». Этот период сопровождался неоднократной сменой политического и экономического курса развития региона, демографическими потерями, миграцией населения, снижением эффективности промышленного производства и застоем сельскохозяйственного производства и пр. Все эти факторы задержали развитие Чеченской Республики на долгое время, длительный период регион восстанавливался и начинал с нуля развивать отрасли экономики и социальной сферы. При сравнении показателей Чеченской Республики с показателями Северо-Кавказского федерального округа и со средними показателями по стране выявлено, что экономика республики отличается низкой производительностью, высокими показателями безработицы.

Согласно Стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики: «Производительность труда в Чеченской Республике (ВРП на одного занятого, 2017 год, млн руб.) составляет 0,13 млн. руб., что более чем в пять раз ниже среднероссийского показателя (0,75 млн. руб.), на 74% ниже среднего показателя по СКФО (0,5 млн. руб.) и в два раза ниже среднего показателя по регионам группы сравнения (0,26 млн. руб.). Отношение числа высокопроизводительных рабочих мест к численности рабочей силы (11% для ЧР) в два раза ниже среднероссийского показателя (22%), сопоставимо с показателем СКФО (13%) и в полтора раза ниже среднего показателя для регионов группы сравнения (18%)». В 2018 году был проведен опрос населения, в результате которого было выявлено, что главными проблемами для жителей региона являются медицина и рабочие места.

Не теряют актуальность проблемы, которые связаны с низким уровнем технического обеспечения ключевых отраслей экономики Чеченской Республики и ограниченными возможностями привлечения финансовых ресурсов из-за слабо развитой финансово-кредитной системы региона. Торговый сектор экономики республики имеет ряд системных ограничений. В первую очередь, уровень обеспеченности населения торговой площадью объектов не удовлетворяет нормативам. Недостаточно развит уровень оптовой торговли,

в связи с недостаточным объемом финансовых ресурсов для крупных закупок у производителей.

Дальнейшее развитие Чеченской Республики обусловлено комплексом взаимосвязанных проблем:

- низкая доля ключевых секторов, которые являются драйверами экономического роста. Объем доли госсектора в региональной экономике в 1,5 раза выше, чем средний показатель по Северо-Кавказскому федеральному округу, а производительность труда в республике значительно ниже;
- в республике дефицит привлекательных и качественных рабочих мест для выпускников ВУЗов, молодых специалистов. Это приводит к миграции молодежи, которые переезжают в другие регионы;
- высокая доля теневого сектора экономики;
- недостаток финансовых ресурсов, который вызван отсутствием необходимого объема банковских и страховых продуктов, отсутствие требуемого уровня финансовой грамотности и компетенций бизнеса;
- высокая дотационность республики, низкое качество налоговой базы.

Инновационное направление недостаточно развито в регионе. Существуют вопросы, которые требуют комплексного решения на республиканском уровне:

- недостаточно развитые фундаментальные и исследовательские науки;
- отсутствуют квалифицированные кадры для разработки и реализации инновационных проектов;
- отсутствует необходимый уровень инфраструктуры для инновационной сферы;
- увеличение технической отсталости ключевых отраслей республиканской экономики. Основные угрозы и проблемы отрасли торговли:
- не развита инфраструктура потребительского рынка;
- сложность с поставками товаров и предоставлением услуг в сельских поселениях;
- непропорциональные объемы розничной и оптовой торговли в муниципальных районах;
- неэффективная реализация сельхозпродукции местных фермерских хозяйств через торговые сети;
- малое количество крупных логистических точек;
- неадаптированные под особенности региона банковские и страховые продукты

Одним из актуальных направлений развития республики и привлечения инвестиций является туризм. Несмотря на свой туристический потенциал и природные богатства, Чеченская Республика не пользуется популярностью как у иностранных туристов, так и граждан других регионов Российской Федерации. По данным новостного портала Newsl1 и экспертов Центра информационных коммуникаций «Рейтинг», Чеченская Республика занимает 71 место из 85 субъектов Российской Фе-

дерации по туристической привлекательности и популярности [3].

К основным причинам низких показателей в области туризма относятся, по мнению автора:

- недостаток высококачественных сервисов, которые соответствуют международным стандартам, «экономический и материальный износ имеющей туристской инфраструктуры в местах размещения»;
- отсутствие международных гостиничных сетей в республике;
- неэффективные методы продвижения туристического маркетинга на внешние и внутренние рынки;
- узкий спектр авиасообщений с другими государствами, износ железнодорожного транспорта пассажирских перевозок;
- непривлекательные цены на гостиничные сервисы, которые выше, чем в соседних республиках;
- опасения туристов, в памяти еще остались воспоминания о боевых действиях на территории республики и последующих военных операций;

Стоит отметить, что выездной туризм значительно превышает внутренний. Это обусловлено тем, что большинство туркомпаний ориентированы на выездной туризм. Для дальнейшего развития туризма в республике, необходимо переориентировать и стимулировать туроператоров на увеличение въездного туризма [3].

По мнению автора, в качестве ядра туристической базы республики можно использовать горнолыжный курорт «Ведучи», который является особой экономической зоной в составе Северо-Кавказского туристического кластера.

Природные и климатические условия республики позволяют расширить спектр туристических услуг, внедрению новых туристических маршрутов, курортных объектов, лечебно-профилактических санаториев, смотровых площадок и прочие.

Развитие туризма способствовало бы повышению предпринимательской активности и увеличению доходов населения. Ресторанный бизнес, точки питания национальной кухни, сувенирная продукция, экскурсионная деятельность и прочие направления были бы наиболее популярны. Появление в регионе крупных гостиничных сетей способствовало бы повышению имиджа и обеспечению дополнительных рабочих мест для населения. Необходимо также расширить авиасообщение с другими государствами, снизить цены на авиабилеты, что стимулировало бы расширение географии въездного туристического потока. Особое внимание стоит уделить рекламе и распространению информации в СМИ, проводить рекламнопредставительские компании для большой аудитории.

Согласно исследованию аналитического центра НАФИ, Северо-Кавказский федеральный округ демонстрирует самый низкий показатель по количеству кредитных организаций среди всех округов Российской Федерации. Многие системо-

образующие банки страны не представлены в Чеченской Республике. В столице региона осуществляют свою деятельность 11 банков, которые приведены в таблице 1.

Таблица 1. Банки, которые осуществляют деятельность в Грозном

Название банка	Кол-во отделений
АО «Россельхозбанк»	10
АО «Почта Банк»	8
ПАО «Сбербанк»	6
ПАО «Московский индустриальный банк»	3
ПАО «Промсвязьбанк»	3
АО «Автоградбанк»	1
ПАО «Банк ВТБ»	1
АО «МСП Банк»	1
ООО «Русфинанс Банк»	1
ООО «Сетелем Банк»	1
АО «Тинькофф Банк»	Только банкоматы

Если рассмотреть другие города России, которые равны по численности населения с городом Грозный, можно сказать, что количество представленных банков в столице Чеченской Республики в два раза меньше. Так в Орле 30 банков, в Вологде 29. Наблюдается разница и в количестве отделений банка, например: в Грозном 6 отделений ПАО «Сбербанк», в Орле 31. Это одна из основных причин незначительной закредитованности граждан в республике.

Второй причиной можно назвать религиозные ограничения. В Чеченской Республике 96% населения исповедуют ислам, а по законам шариата запрещена выдача денежных средств под проценты.

В Российской Федерации уже была практика исламского банкинга, когда «Бадр-Форте Банк» функционировал в течение 15 лет, при этом Центральным Банком РФ была отозвана лицензия, т.к. деятельность организации не соответствовала законодательству страны.

Исламский банкинг основан на инвестировании, когда вместо обычного кредита с процентами, клиенту выдаются денежные средства для реализации бизнес-проекта. В процессе такой сделки между банком и клиентов происходит разделение рисков, т.к. банк выступает в роли инвестора, а не кредитора. Полученная прибыль распределяется между участниками договора. Внедрение подобных банковских институтов способствовало бы повышению доступности банковских продуктов для населения республики, росту предпринимательской активности и развитию прочих отраслей экономики и промышленности Чеченской Республики. В рамках договора «Мурабаха» клиенты могут приобрести авто или квартиру. Это вид сделки, когда банк покупает товар по одной цене, а продает по другой с рассрочкой на длительный срок.

Учитывая активное развитие республики и необходимость в финансово-кредитных ресурсах, наличие кредитной организации, которая соответствовала бы этическим и религиозным требованиям населения – приоритетная задача финансового сектора. Появление исламских банков на территории Чеченской Республики, было бы обосновано и закономерно для поддержки малого и среднего бизнеса, развитие инвестиционного потенциала республики.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: (с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года».
3. Бисултанова А.А. Проблемы развития туристической отрасли в современных условиях развития экономики Чеченской // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 11–3. – С. 416–419
4. Васильев, В.П. Государственное и муниципальное управление: Учебное пособие / В.П. Васильев. – М.: ДиС, 2014. – 352 с.
5. Прокофьев С.Е. Государственное и муниципальное управление. В 2ч. Часть 1. Государственное управление: учебник и практикум для академического бакалавриата / Прокофьев С.Е. [и др.]; под ред. С.Е. Прокофьева, О.В. Паниной, С.Г. Еремина, Н. Н. Мусиновой. – М.: Юрайт. 2017. 276 с.
6. Хачатурян, А.А. Проблемы теории и практики управления: Оценка дифференциации регионов России. Рейтинг унив / № 12/201: моногр. / А.А. Хачатурян. – Москва: 2016. – 632 с.
7. Шедько Ю.Н. Региональное управление и территориальное планирование в 2 ч. Часть 1.: учебник и практикум для академического бакалавриата / Ю.Н. Шедько [и др.]; под редакцией Ю.Н. Шедько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – 205 с.

THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE CHECHEN REPUBLIC: THE MAIN PROBLEMS, DEVELOPMENT ZONES, INVESTMENT DIRECTIONS

Suleymanov R.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article discusses the main problem areas of the socio-economic development of the Chechen Republic, areas for attracting investments and the financial sector. The key reasons why the banking sector is poorly developed in the region, the credit potential for the population, small and medium-sized businesses is not increasing. Comparison with other regions of the country, comparable in terms of population size, is carried out. Analyzed regional features and specificity of religious norms in finance and lending. The world experience of Islamic banking and investment, the essence of banking products and their key difference from the secular banking sector are presented.

The main reasons why the Chechen Republic is not popular with both foreign tourists and citizens of other regions of the Russian Federation, despite its tourism potential, are considered. Recommendations are given to improve the tourist performance of the region, taking into account the strengths and increase the share of inbound tourism, expand air traffic and an advertising campaign.

The reasons for the high subsidization of the region over a long period are presented, determined by the impact of the consequences of the military events of the 90s of the last century on the socio-economic development of the region and the main regional indicators.

Keywords: socio-economic development, Chechen Republic, tourism, Islamic banks, crediting, regional administration, unemployment.

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote December 12, 1993 (with the changes approved in a nationwide vote 01.07.2020).
2. The order of the Government of the Russian Federation dated 13.02.2019 N 207-R «On approval of the Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period till 2025».
3. Bisultanova A.A. Problems of tourism development in modern conditions of economic development of the Chechen // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2020. – No. 11–3. – pp. 416–419
4. Vasiliev, V.P. State and municipal management: A textbook / V.P. Vasiliev. – M.: DiS, 2014. – 352 p.
5. Prokofiev S.E. State and municipal management. In 2h. Part 1. Public administration: a textbook and a practical course for an academic bachelor's degree / Prokofiev, S. E. [et al.]; edited by S.E. Prokofiev, O. V., Panina, S.G. Eremin, N., N. Musinova. – M.: Yurayt. 2017. 276 p.
6. Khachaturian, A.A. Problems of theory and practice of management: Assessment of differentiation of regions of Russia. Univ rating / No. 12/201: monogr. / A.A. Khachaturian. – Moscow: 2016. – 632 p.
7. Shedko Yu.N. Regional management and territorial planning in 2 hours Part 1.: textbook and workshop for academic bachelor's degree / Yu.N. Shedko [et al.]; edited by Yu.N. Shedko. – 2nd ed., reprint. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2018. – 205 p.

Статика и процессуальность у Д. Джойса в контексте томизма

Азерный Кирилл Тимурович,

магистр филологии, Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: kirill.azernyy@gmail.com

Цель данной статьи – проследить трансформацию томистского представления о красоте в контексте творческого метода Джеймса Джойса путем включения в томистский дискурс проблемы процессуальности. *Научная новизна* работы состоит в попытке определить истоки творческого метода Джойса в томистском дискурсе, показав, каким образом – на уровне теории и практики – Джойс трансформирует томистский дискурс для своих целей. Ставится проблема существования и становления томистских критериев красоты в контексте творческого процесса. *В результате* делается вывод о том, что Джойс полагает возможным говорить о процессуальности в томизме благодаря появлению наблюдателя, который своим взглядом и отношением придает конкретную форму объекту красоты, существуя на фоне неограниченного пространства и времени, актуализирующих и де-актуализирующих восприятие.

Ключевые слова: томизм, творческий метод, динамика, статика, Джеймс Джойс, эстетика.

Несомненно, что Джойса интересовали механизмы творческого процесса, которые для него находятся во взаимосвязи с законами развития личности. Это настолько очевидно, что Хоружий С.С., при своем скептическом отношении к попыткам разбора “Портрета” с точки зрения как психоанализа, так и традиционного литературоведения, соглашается с жанровой классификацией книги как романа воспитания: “Прежде всего, надо уточнить, конечно, слова о романе воспитания: в широком понимании, к нему принадлежат и “Герой Стивен”, и “Портрет” [С.С. Хоружий. Портрет художника // Человек.RU. Гуманитарный альманах (Новосибирск). 2008, № 4. С. 115–130]. “Широта” же этого понимания может дать нам ключ к пониманию специфики того, как осуществляется в “Портрете художника в юности” динамика развития личности. Хоружий С.С. полагает, что именно в этом аспекте “Герой Стивен” и “Портрет” контрастны: “Герой Стивен” с его линейным и бесхитростным нарративом явным образом пребывает в рамках реалистической модели, в литературной парадигме старого реализма. В “Портрете” же художник сумел драматизировать то, что в “Герое Стивене” он всего только излагал” [С.С. Хоружий. Портрет художника // Человек.RU. Гуманитарный альманах (Новосибирск). 2008, № 4. С. 115–130]. Таким образом, “Портрет” в большей степени выполняет задачу интеграции творческой личности непосредственно в творчество: сознание оказывается полностью сосредоточенным в художественной форме. Мы считаем, что именно поэтому “Портрет” не только с наиболее полным (на момент написания) успехом воплотил концепцию Джойса (связанную с “портретом художника”), но и выявил противоречия этой концепции, которая до сих пор находится в рамках томизма.

Стивен пользуется “прикладным Аквинатом” для доказательства своих собственных идей. В частности, Стивен акцентирует внимание на категории *integritas*, которую понимает по-своему, видя в ней средства для выражения собственных представлений, однако формально находясь в дискурсе томизма: “*integritas* у святого Фомы и *integritas* у Джойса – не одно и то же: первая из них была фактом субстанциальной завершенности, а вторая – фактом пространственной ограниченности; первая – проблемой онтологического объема, вторая – физического периметра”. [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. Именно *integritas*

отвечает за завершенность художественной формы, в то время как для Стивена вопрос завершенности оказывается вопросом ограниченности в пространстве. Разница между онтологическим объемом и физическим периметром также, на наш взгляд, является ничем иным, как разницей между внутренними свойствами предмета и внешними условиями, в которых он находится.

В задачи Джойса не входит простое изложение собственных идей под видом романа воспитания. Его задачей является воплощение этих идей на уровне художественной формы – и в этом смысле сознание Стивена, находящееся в противоречии с томизмом, есть особого рода форма, также находящаяся в определенных отношениях с томизмом. Концепция Джойса не предполагает каких-либо частных методологических проблем, существование или решение которых не изменило бы существенным образом общую концепцию творчества. Его методология – не просто часть его онтологии, но ее воплощение на уровне техники, которая переходит в уровень онтологии автоматически, исходя из представления о связи как об основе творчества.

Следует, однако, подробнее остановиться на “автоматическом” характере перехода техники творчества в онтологический уровень. Как мы уже говорили, неизбежность такого перехода связана с самими основами творчества Джойса – с представлением о манифестации жизни в творчестве и творчества в жизни. Мы можем говорить о том, что диалектика Джойса отрицает символическую природу знака как иерархического единства формы и содержания, и вместо этого предлагает деиерархизированную систему перехода знака в значение. Джойс в своем творчестве мотивированную форму, которая могла бы служить одновременно и загадкой, и ключом к пониманию. Эко также связывает это с томизмом: “три критерия являются условиями совершенства... некоей структуры, которая высвечивается благодаря некоему *visio* и оценивается не как истинная и благая (даже если она истинна и блага), но как ... способная удовлетворить наши требования равновесия и завершенности” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. Выше он пишет о том, что “эстетическая ценность – это ценность структурная, выражающая только собственную законность” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115], что все вместе дает нам представление о том, что эстетическая ценность сама в себе определяет критерии прекрасного, которым соответствует. Проще говоря, она предполагает не столько суждение, сколько признание: в этом, на наш взгляд, и есть суть *integritas* как онтологического объема, который, в сущности, есть объем понятия, исчерпывающего себя и в формальном, и в онтологическом смысле, в художественной форме. Таким образом, объективное существование красоты оказывается предметом спекуляции Стивена, в то же

время являясь для нас источником противоречий: «Хотя один и тот же предмет может казаться прекрасным далеко не всем, однако все, кто любит прекрасным предметом, находят в нем известные отношения, приносящие удовлетворение и совпадающие с самими стадиями эстетического восприятия» [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115], – речь идет о красоте, во-первых, внутренне обусловленной, и, во-вторых, воспринятой извне, но согласно законам, действующим внутри нее. Стоит нам признать эти законы существующими вне объекта красоты, и принцип самоидентифицируемости объекта красоты будет нарушен. Тем временем, окончание фразы Эко об объективном признании красоты ставит под сомнение существование имманентных законов, работающих в пределах эстетического единства, сразу с двух сторон: во-первых, речь идет о восприятии объекта красоты извне. Во-вторых, что не менее важно, говоря о стадиях восприятия, Эко говорит о восприятии как о процессе.

Между тем, сама идея процесса, как мы видели выше, чужда томистскому пониманию красоты. Вспомним о том, что именно из-за невозможности увидеть красоту процессуально томизм, по Джойсу, оказывается непригодным для формирования теории творческого процесса: три критерия красоты лишь указывают на состоявшийся факт красоты, на наличие эстетического объекта, но ничего не говорят нам о том, как происходит “балансировка” этих самых критериев.

Что же касается становления объекта красоты эстетическим объектом, то можно говорить о том, что эстетический объект возникает как бы по факту признания объекта красоты таковым: речь идет не о восприятии, но о простой манифестации видения объекта как объекта эстетического. Парадоксальным образом в определении эстетического объекта нет ничего оценочного. Достижение трех свойств не является неким достижением, заслуживающим восхищения, но оказывается необходимым и достаточным условием включения объекта красоты в дискурс томизма. Этим включением существование объекта красоты и исчерпывается.

Сама же идея об исчерпаемости объекта красоты есть уже идея, внешняя по отношению к красоте. Отсюда и джойсовское представление об *integritas* как о феномене пространственной ограниченности. Мы намеренно называем это явление феноменом, потому как на момент появления он не встраивается в томистское понимание красоты. Мы полагаем, что феномен пространственной ограниченности объекта напрямую связан с феноменом восприятия красоты. Другими словами, объект красоты оказывается ограничен в пространстве, потому что часть пространства была занята зрителем. Таким образом, появляется возможность взаимодействия. С другой стороны, она связана со свойствами самого объекта красоты: «Признаем... что это организованная и завершенная структура» [Эко Умберто Поэтики

Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115].

Сам призыв к признанию структуры организованной и завершенной, равно как и признанию существования самой структуры, служит как бы призывом к началу разговора об объекте красоты. Речь не идет о том, чтобы выяснить, является ли объект рассмотрения объектом красоты – подразумевается, что, если бы он не был объектом красоты, если бы не воплощал в себе три критерия прекрасного, то он бы попросту миновал наше внимание: объект являет себя нашему восприятию именно как объект красоты, иначе томистский дискурс о критериях прекрасного не будет иметь места. В сущности, критерии красоты есть вместе с тем критерии разговора о красоте. Это важно учитывать при попытке понять двоякую позицию Джойса по отношению к томизму.

Вместе с тем, пространство, лежащее за пределами объекта красоты, также оказывается частью акта его становления: “Эстетический образ дается нам или в пространстве, или во времени. Воспринимаемое слухом дается во времени, а воспринимаемое зрением – в пространстве” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. При этом “временной или пространственный – эстетический образ прежде всего воспринимается ясно как самоограниченный и самодовлеющий, на безмерном фоне пространства или времени, которые не суть он” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115].

Обратим внимание на то, что пространство, лежащее за пределами внутреннего пространства объекта красоты, называется безмерным. Мы полагаем, что при всей разнице между *integritas* у Фомы и *integritas* у Джойса оба термина как бы принимают сторону объекта красоты. В то же время, можно говорить о том, что объект красоты у Джойса, как и у Аквината, равнозначен предмету красоты. Это следует из наших предыдущих рассуждений, в ходе которых мы выяснили, что красота в томизме (как в изначальном, так и в джойсовском понимании) есть манифестация красоты, т.е. объект красоты полностью исчерпывается совокупностью его свойств. Эко объясняет, что “Такому совершенству способствует прежде всего критерий *proportio*: математической пропорции, ритма, гармонии” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. Он также отмечает прямую зависимость между категориями *proportio* и *integritas*: “От понятия *proportio* зависит понятие *integritas*, поскольку оно – ...удовлетворение всем структурным условиям, которым вещь должна подчиняться” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. В этой фразе как бы проявляется возможность некой внешней силы, определяющей свойства объекта, однако Эко тут же оговаривается: “согласно законам природы или искусства” – т.е. осуще-

ствляется закон, лежащий в основе трех единств, а, значит, внутренний закон формы, имеющий отношение только к ней самой, ею самой определяемый. По сути, речь идет об органичности элементов, составляющих объект красоты – они могут быть увидены лишь во взаимном соответствии, “по факту” появления художественной формы. На наш взгляд, правомерно говорить о том, что сами по себе составляющие единства в томизме не подлежат восприятию: восприятию подлежит именно соотношение элементов, т.е. связь между ними. Сами *proportio*, *integritas* и *claritas* лишены свойств. К этому моменту мы вернемся позже, когда будем говорить о роли трех законов в мировоззрении Джойса – о том, как они переходят на онтологический уровень.

Сейчас же остановим наше внимание на следующем: перед нами до сих пор стоит вопрос различия между категориями онтологического объема и пространственной ограниченности. Мы полагаем, что, во-первых, на данном этапе анализа специфики томизма у Джойса можно выделить *integritas* как ключевое свойство объекта красоты. Связано это с тем промежуточным положением, которое *integritas* занимает в сознании Стивена. С механистической точки зрения *integritas* не просто продолжает *proportio*, но и является той же самой категорией. Помимо прочего, Эко пишет и о механицизме Джойса: “концепция Джойса будет, напротив, стремиться к триумфу совершенного механизма, который исчерпывает свою функцию в самом себе” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. Редукция, которую проделывает Джойс, позволяет не просто увидеть связь между *proportio* и *integritas*, но и, как мы говорили выше, стереть ее – что с неизбежностью и происходит, когда речь заходит о предмете красоты как о предмете разговора. Что же касается *claritas*, то это “устойчивое, ясное, почти осязаемое проявление формальной гармонии”, которое находится, как следует из приведенных выше цитат, в абсолютной зависимости от *integritas*. Единственное, что добавляет к этому Эко – “почти осязаемое”. Это “почти” призвано заставить нас вновь задуматься о критериях красоты, и о категории восприятия. “Почти осязаемое” – это сказано и свойствах формы, или уже о свойствах восприятия (еще зачаточного)?

Во-вторых, с этим вопросом связано и представление о пространственной ограниченности объекта красоты. Согласно Стивену, не все пространство, имеющее отношение к объекту красоты, является внутренним пространством объекта красоты. Здесь мы проведем аналогию с категорией онтологического объема, который, напротив, полностью принадлежит внутреннему пространству объекта, и мы полагаем, что именно за счет этого носит непререкаемый характер: томизм не предполагает возможности усомниться в совершенстве объекта красоты, потому как является, по существу, бинарной системой. Речь идет

о красоте – не красоте, но никак не о характеристиках красоты, ключевым свойством которых является статичность – как в техническом, так и в онтологическом смысле.

Тем более любопытным выглядит включение в область красоты некоего иного пространства, которое Стивен определяет как “безмерное”. В данном случае нас интересует это самое “добавочное” пространство, которое, с одной стороны, контрастирует с самоограничением объекта красоты, а с другой – дополняет этот объект, становится как бы его продолжением.

Мы полагаем, что, говоря о пространственной ограниченности объекта красоты, Стивен пытается подвести собеседника к мысли о том пространстве, которое оказывается фоном для этого объекта. Слово “безмерное”, на наш взгляд, не случайно, и может оказаться первым шагом к определению свойств этого, внешнего по отношению к объекту красоты, пространства.

В первую очередь, однако, эта категория вызывает мысли о противопоставленности внешнего пространства внутреннему пространству объекта – то есть, тому самому онтологическому объему. В ход вновь вступает бинарность томистского мышления. Можно, таким образом, построить следующую зависимость: свойствами объекта красоты являются три правила, плюс ограниченность (проистекающая из них); свойством внешнего пространства является неограниченность. Тем не менее, что характерно, из этой неограниченности, в первую очередь, исключены Стивен и его собеседник Линч. Это следует из самой логики Стивена, и из пассивного залога, который избирает Стивен в разговоре о восприятии: “Воспринимаемое слухом дается во времени, а воспринимаемое зрением – в пространстве” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. Из этой фразы видно, сколь осторожен был Стивен в вопросе об объекте красоты, его самодовлеющей природе. О пространстве и времени также говорится следующее: “которые не суть он” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. Таким образом, Стивен бесконечно разводит понятия, осуществляя процедуру, обратную синтезу – той самой связи, которая была так важна для Джойса: пространство и время не равны объекту красоты, но Стивен и Линч не равны ни тому, ни другому. Более того, они исключены и из того, и из другого. Мы полагаем, что таким образом Стивен пытается продемонстрировать возможность выхода из томистского дискурса, сохраняя при этом способность работать с его категориями. Напомним, что такая возможность является для Стивена (и для Джойса) необходимой: «Когда мы подойдем к феномену художественного замысла, художественного вынашивания и художественного воплощения, мне потребуется новая терминология и новый личный опыт» [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр.

65–115]. Стивен говорит о новой терминологии так, как будто в действительности находится в том самом необъятном пространстве фона, о котором говорит. И если на онтологическом, мировоззренческом уровне можно допустить существование подобной коллизии – проблемы ограниченности терминологии – то на уровне структурном, языковом, эта проблема не может оставаться в неразрешенном состоянии. Более того, мы полагаем, что для Джойса не стояло и не могло стоять вопроса – оставить ли терминологическую проблему в неразрешенном виде, или попытаться решить ее на структурном уровне, тем самым не просто избавившись от методологического “тупика”, но, увидев в нем онтологические основания, решить проблему на онтологическом уровне.

Это тем более важно, что у Стефана Малларме также была концепция, подразумевающая примат структуры над отдельными характеристиками предмета. Эко отмечает сходство концепций Малларме и Джойса. Более того, Эко говорит о влиянии Малларме на Джойса, что тоже должно отсылать нас к проблеме влияния в связи с Джойсом вообще (на примере его отношений с томизмом). Эко пишет: “Когда речь заходит об объективистской поэтике, на ум сама собою приходит “Поэтика” Аристотеля, и Джойс, несомненно, испытал влияние англосаксонской критики, привыкшей размышлять об искусстве в аристотелевских терминах” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. При этом “для Малларме Произведение стремится быть безличным инструментом внушения, отсылающим за пределы самого себя как материального объекта, к миру метафизических архетипов. Безличное произведение Джойса представляется, напротив, предметом, сосредоточенным на самом себе” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. В этой фразе очевидным образом предстают и сходства, и различия представлений Малларме и Джойса: для Малларме существует ограниченность текста на техническом уровне, но на уровне онтологическом это ограничение стирается. Для Джойса же нет границы между онтологическим и методологическим (техническим) уровнями. Поэтому “В основе концепции Малларме лежат мистические амбиции, а концепция Джойса будет, напротив, стремиться к триумфу совершенного механизма, который исчерпывает свою функцию в самом себе” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115].

Между тем, Малларме предстает примером решения онтологической проблемы несоизмеримости текста и бытия (а именно об этом, в конечном итоге, говорит Стивен, когда рассказывает о “безмерном фоне” пространства и времени, противопоставляя ему и онтологический объем, и пространственную ограниченность объекта) путем сведения ее к проблеме методологического характера. У Джойса же скорее методология возведе-

на в ранг онтологии. Это различие следует учитывать, говоря о влиянии англо-саксонской критики на Джойса, равно как и томистском влиянии в его текстах.

Речь идет не просто о методологических различиях – налицо разница в отношении к методологии как таковой, к пониманию того, что такое техника в творчестве. Также можно говорить о том, что при сходстве взглядов на объект творчества (оба выступают за его дискретность и имманентную обусловленность), “объективизм” Малларме и Джойса не может быть одним и тем же, поскольку понимание объекта у Джойса, с одной стороны, выходит далеко за пределы формальной ограниченности объекта в пространстве, отделения его от “того, что не есть он”, и с другой стороны, сводится к максимально редуцированному пониманию объекта как единого целого, чья целостность целиком основана на ограниченности.

Отчасти эта редукция связана с тем, что, как мы уже говорили, томизм отождествляет объект и предмет красоты. Это отождествление дается Стивену уже с трудом, потому как амбиции уведут его за пределы томизма. Связано это с тем, что Стивен видит себя художником, понимая при этом, что томизм не может дать ему теорию творчества, в которой он нуждается. Говоря о терминологии томизма, он, как мы помним, полагает, что рано или поздно ему придется создать новую терминологию.

Тем не менее, мы считаем, что как раз невозможность прибегнуть к новой терминологии “здесь и сейчас” является тем, что сообщает Стивену необходимость расширения томистской терминологии. Дело в том, что путь к новой терминологии, по Стивену, лежит через старую: мы видим это из его стремления “примирить” томизм с его новыми идеями, связанными с концепцией “искусства ради искусства”, и с вопросом самовыражения в искусстве. Мы видим также, что томистская терминология предполагает не только исчерпанность свойств, присущих объекту красоты – его методология оказывается еще более ограниченной, когда речь заходит о движении к восприятию. Стивен видит ограниченность томизма там же, где он видит его силу: в культивации статики, в схоластической приверженности норме, без которой немислима теория художественной формы. Затем, он расширяет границы схоластики до масштабов средневекового сознания. Вслед за ним этим занимается и Эко: “произведение искусства для средневекового человека – это некая форма, а совершенство формы устанавливается исходя из понятий как *perfectio prima*, так и *perfectio secunda*. И если *perfectio prima* относится именно к формальному качеству произведенного предмета, то *perfectio secunda* относится, напротив, к цели, присущей этому предмету” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. Таким образом, художественная форма, с одной стороны, расширяется как понятие до формы как таковой (в онтологическом

смысле), и с другой – редуцируется до свойств, определенных прагматикой.

При этом важно, что ни одно из этих пониманий не находится в противоречии с объективистской эстетикой. Цель оказывается продолжением средства. Более того: “В томистском видении иерархии целей и средств позитивность того или иного предмета устанавливается только в отношении к полной зависимости средств и целей”. Важна не цель, с которой создается условная статуя, но то, как эта цель влияет на нее. Мы полагаем, что это и может быть ключом к тому, каким образом объект красоты может быть связан с пространством, лежащим вне его. Тот факт, что объективистская поэтика редуцирует прагматику до уровня объекта красоты и его свойств, не означает, что она не учитывает параметров, внешних по отношению к объекту. На наш взгляд, это означает лишь, что круг параметров, с которыми работает объективистская поэтика, замыкается на объекте.

В этом, по мнению автора, заключается принципиальная разница. Она дает нам возможность увидеть, что для Стивена, как и для самого Джойса, не существовало непримиримого конфликта между объективистской поэтикой и идеей авторства. С одной стороны, Джойс “эстетическая ценность – это ценность структурная” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. При этом схоластика “ничуть не помогала разъяснить процесс поэтического творчества”. Джойс связывал эти два свойства – внимание исключительно к статичным формам, и отсутствие внимания к проблемам самовыражения художника. Однако мы полагаем, что для Джойса эта связь была важнее, чем сами свойства.

В диалоге о свойствах объекта красоты Стивен не касается вопросов, касающихся авторства. Он целиком на стороне томизма, и его интересуется, способен ли томизм увидеть объект в его развитии. Как томист, он говорит о целостности, но частности интересуют его больше. «Посмотри на эту корзинку», – говорит Стивен Линчу и поясняет: «Чтобы увидеть эту корзинку, твой ум прежде всего отделяет ее от остальной зримой вселенной, которая не есть корзина» [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. Сам объект увиден как частность, а не как онтологическая данность, подлежащая рассмотрению в дискурсе томизма. Затем Стивен говорит: “Первая фаза восприятия – это линия, обведенная вокруг предмета, подлежащего восприятию” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. Здесь крайне важно, что Стивен определяет объект как подлежащий восприятию, т.е. сообщает ему зависимость от внешней среды, в котором объект помещен. Это он связывает с членностью восприятия на фазы – существует не только контекст пространства, но и контекст времени, с которым

предмет также связан: “Эстетический образ дается нам или в пространстве, или во времени” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. При этом выбор между пространством и временем существует внутри формы объекта, но извне контекст задается обоими параметрами. Субстанциальная завершенность предполагает лишь один из этих параметров, но контекст, в котором происходит восприятие, представляет из себя синтез пространства и времени. Стивен показывает, что таким образом вокруг объекта красоты образуется пространство, которое не есть объект красоты. Можно сказать, что подобное пространство появляется и внутри томистского дискурса.

Это пространство и позволяет поставить проблему автора и проблему творческого процесса. В первую очередь, для этого требуется отказаться от идеи изначальной данности объекта, увидеть его как нечто, подлежащее разложению на составные части. Для этого Стивен вновь продвигает операцию во все более условных рамках томистской терминологии: “Я думал, он понимает под словом *claritas* художественное открытие и воплощение Божественного замысла, заложенного во всем, или же силу обобщения, придающую эстетическому образу общезначимость – силу, которая сияет так, что преодолевает свои собственные границы. Но это все литературщина” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. Мнение самого Стивена необходимо для того, чтобы понять, в чем суть его претензии к такой трактовке *claritas*: “Сам я понимаю это так. Постигнув эту корзину как нечто единое, а затем проанализировав ее согласно ее форме и постигнув как нечто, ты совершил синтез, который логически и эстетически единственно допустим. Ты видишь, что эта корзина – именно этот предмет, и никакой другой” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115].

Здесь Стивен полемизирует уже не с томизмом как таковым, но с трактовкой томизма. И это также является ключом к пониманию концепции Джойса: обобщенного томизма для Стивена нет – не существует концепции, против которой он бы выступал, но есть трактовки, с которыми он не согласен. Точно так же нет и обобщенного объекта красоты, манифестацией которого служил бы конкретный объект красоты. Для томизма это серьезное допущение, ведь он, как мы помним, строится на теории “узнавания” объекта исходя из уже известного образца. Стивен же ставит задачу распознавания формы красоты в ее уникальности, данной каждый раз в новом виде. Он старается провести четкую границу между объектом, выражающим свои собственные свойства, и объектом, выражающим свойства, известные заранее.

Стивена интересует не объект красоты как факт, но возможность существования этого объекта. И эту возможность он видит не в презумпции

существования объекта, а в теории творческого процесса.

Важно также, что для Стивена возможность анализа объекта связана с категорией восприятия. По сути, он как бы оказывается по ту сторону томизма, имея дело с вещами, которыми томизм не интересовался: динамикой творческого процесса и его индивидуализацией.

Для того, чтобы показать это, Джойс берет категорию *quadditas*, вновь демонстрируя, что все еще находится в рамках томистского дискурса, но рассматривая его уже как бы с изнанки, как если бы работал не с дискурсом как таковым, а лишь с его популярной трактовкой: “для святого Фомы *quidditas* – это субстанция в той мере, в какой она поддается пониманию и определению” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. Это с точки зрения условного “наблюдателя”. С точки зрения объекта “говорить о *quidditas*... – значит говорить о субстанции, о форме как организме и структуре” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115]. *Quadditas* – всегда частный случай, и Стивен настаивает на том, что ему не может быть обобщения. Включая категорию восприятия, Джойс в лице Стивена выводит саму ситуацию появления эстетического объекта на уровень архитипической ситуации. На наш взгляд, можно даже говорить о том, что Джойс ввел эту ситуацию в дискурс томизма.

Связано это с тем, что в томизме, изначально как будто лишенном представления о динамике, отсутствовал и условный момент “встречи” с объектом красоты – с этим же связано и отсутствие представления об активном наблюдателе в любом виде – будь то художник, или простой созерцатель. Стивен недвусмысленно дает понять, что наблюдатель – это само наблюдение, и что оно процессуально: “переходишь от одной точки к другой... за синтезом непосредственного чувственного восприятия следует анализ постижения” [Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006, стр. 65–115].

Таким образом, Стивен полностью порывает со статикой: существует не сам объект красоты, а лишь путь к нему, и этот путь состоит из стадий постижения единства, которое из себя представляет объект красоты, и стадии эти соответствуют стадиям становления самого объекта красоты. Более того, можно говорить о том, что постижение и становление объекта красоты – процесс одновременный: на примере *Quadditas* мы видели, что связь эта существует и у Фомы Аквинского. Джойс лишь сместил акцент с результата на процесс восприятия, показывая, что лишь таким образом можно получить представление о природе творческого процесса.

Итак, мы выяснили, что задачей Джойса было показать, принципиально не выходя за условные пределы томизма, процессуальность как основу связи между эстетическим объектом и наблюдателем (художником).

Литература

1. С.С. Хоружий. Портрет художника // Человек. RU. Гуманитарный альманах (Новосибирск). 2008, № 4. С. 115–130
2. Эко Умберто Поэтики Джойса / Перев. с итал. А. Ковалю. – СПб.: «Симпозиум», 2006
3. Портрет художника в юности: Роман/Пер. С англ. М. Богословской. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 304 стр.

STATICS AND CONTINUITY IN THE WORKS OF JAMES JOYCE WITHIN THE CONTEXT OF THOMISM

Azernyi K.T.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Goal of this article is to trace the transformation of the Thomistic idea of beauty in the context of James Joyce's artistic method through including the problem of process in the discourse of Thomism. *Novelty*

of the work is due to the attempt to determine the source of Joyce's artistic method in the discourse of Thomism, that would indicate – in theory and in practice – how Joyce transforms the discourse of Thomism according to his own purposes. Article raises the problem of how beauty criteria in Thomism exist and become in the context of the artistic process. *We conclude* that Joyce believes in the possibility of a processual view in Thomism due to the appearance of a viewer, who, through their attitude and attention, provides for the particular form of a beauty object, existing on the background of the unlimited space and time that enable and disable the act of perception.

Keywords: Thomism, artistic method, dynamics, statics, James Joyce, aesthetics.

References

1. S.S. Horugij. Portrait of an artist//Chelovek.RU. Humanities almanac (Novosibirsk). 2008, No.4, p. 115–130
2. Eco Umberto Poetics of Joyce/Trans. from Italian by A. Koval. – SP.: “Symposium”, 2006
3. Portrait of an artist as a young man: Novel/Trans. From English by M. Bogoslovskaya. – SP.: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2012. – 304 p.

Прагматические и аксиологические основания деятельности ученого в мировом научном пространстве

Огородников Александр Юрьевич,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: oau2005@yandex.ru

В статье проводится компаративный анализ прагматических и аксиологических факторов профессиональной самоидентификации акторов науки, описывается дифференциация статусов научных работников в России и за рубежом, прослеживается динамика изменений мотиваций в научной деятельности. Методологическим основанием исследования стали работы, в которых производится рефлексия институциональной среды науки, характера коллективного взаимодействия научных работников и их профессиональных мотиваций, позволяющая эксплицировать устойчивость установки на продуктивную научную деятельность или их смену на имитационные стратегии, в которых наука выступает только средством достижения статуса. По результатам представленного в работе исследования указаны противоречия ценностных и прагматических оснований как российских ученых, так и иностранных. Указаны направления снижения таких противоречий через изменение системы институциональных параметров эффективности научной деятельности и признания ее социальной значимости.

Ключевые слова: поле научной деятельности, актор науки, аксиологические основания научной деятельности, ценность науки, прагматика научного выбора, дискурс науки, мотивации ученых, международное научное пространство.

Постановка проблемы

Научная деятельность в классической науке и философии рассматривается как образец рациональности, основанной на точных и открытых методологических принципах. Хотя «без странного упоения, вызывающего улыбку у всякого постороннего человека, без страсти... человек не имеет призвания к науке» [6, с. 715], но «наука прежде всего разрабатывает, конечно, технику овладения жизнью – как внешними вещами, так и поступками людей – путем расчета... наука разрабатывает методы мышления, рабочие инструменты и вырабатывает навыки обращения с ними» [6, с. 730].

Современный научный дискурс в условиях методологического и понятийного плюрализма повышает степень абстрактности критериев научности деятельности ученого и актуальности результатов этой деятельности. Все чаще апелляция к научности или ненаучности суждения, исследования, выводов является результатом действия политических, идеологических, экономических факторов. Условием участия в научном дискурсе в современном исследовательском пространстве помимо наличия объективных критериев истины и методологической логики становится соответствие социальному запросу, совмещающему прагматические и этические параметры. Явная полезность результатов научной деятельности и минимизация антигуманных рисков внедрения ее результатов обсуждаются в профессиональной среде не меньше, чем эвристическая ценность научной деятельности. Вместе с тем «ценность» признанных результатов институционально определенной научной деятельности возрастает, в связи с чем возрастает и острота борьбы за научное признание.

Однако сам социальный запрос в дискурсивном пространстве дуален. Одной его стороной является жесткое институциональное поле, формируемое политическими и правовыми параметрами финансирования и регуляции научной деятельности. Здесь на первый план выходят общие системные социальные признаки и властное воздействие, определяющие институциональную целостность общества. Другой стороной социального запроса являются различные социальные группы, преследующие частный интерес, например, бизнес-сообщество или общественные организации. В XX веке выработаны эффективные механизмы согласования этих двух сторон через установление в каждой отрасли науки «технологических цепочек» [См. 9] способных через индикативное планирование объединить множество научных акторов

в единый исследовательский и производственный процесс. Такие организационно-управленческие технологии эффективно работали в рамках отдельных государств. Несмотря на то, что научное сообщество сложно локализовать в одном государстве и доминирующие «научно-исследовательские программы» распространяются на мировую науку, регуляция социально-правовых статусов научных работников остается привязанным к социальной структуре отдельной страны. Дискурсивный ценностно-прагматический выбор ученых осуществляется в конкретном социальном, организационном и правовом пространстве.

В современном глобальном пространстве ситуация меняется. Все глубже в национальную научную среду проникает мировой научный дискурс. В результате острее раскрывается разница между странами в параметрах статуса ученого, в условиях его деятельности, социальных ожиданиях. Данное обстоятельство вносит свои коррективы в механизм позиционирования научных работников в научном пространстве, добавляя в него новую ось – статус в мировом научном сообществе. Новое измерение в последнее десятилетие существенно выше начинает влиять на позицию ученого, его вес в научном дискурсе и формальный статус. Однако методологическая основа соотнесения национального и международного статуса ученого еще недостаточно разработана. В ценностной сфере обостряется проблема соотнесения национальных интересов и эвристических научных установок. Например, исследования в области медицинских или энергетических технологий, проводимые совместно лабораториями разных стран, дадут большой познавательный результат. Но в интересах государства часто такие исследования становятся государственной тайной, ограничиваются отдельными организациями внутри страны. Остается вопрос, как учесть политико-правовые ограничения при измерении статуса ученого и исследовании его включенности в научный дискурс.

Методология исследования

Методологическими основаниями исследования аксиологических и прагматических основ деятельности научных акторов для нас выступают работы, раскрывающие механизм институциональных стратегий, воспроизводящих или имитирующих эффективность генезиса научного знания и его практического применения, с использованием как формализованных норм, так и нормативно не закрепленных социальных практик; исследования, направленные на изучение внутренних аспектов научного поля, характера коллективного взаимодействия научных работников и их профессиональных мотиваций; апробированная система индикаторов успешности взаимодействия между самими научными работниками.

Исследовать соотношение формальных и неформальных механизмов реконструкции соци-

альных институтов нам помогли труды Д. Норда. В его работах выработаны четкие критерии институциональных рамок, которые определяют пространство признаваемых научными действия ученых [См. 2, 11, 13]. По мнению Д. Норда, в сфере интеллектуальной работы сегодня возрастает роль неформальных правил взаимодействия, которые сохраняют свой институциональный характер и определяют ценностный аспект научных разработок. Прагматический аспект ученого в современной организационной среде заключается в стремлении снизить издержки на получение актуальной научной и управленческой информации через расширение социальных связей.

В.М. Полтерович [См. 17] развил теорию институциональных издержек в сфере экономических практик. Он показал, что прагматический выбор правового или не правового пути достижения целей в экономической сфере связан с качеством координации агентов в нормативной среде. При увеличении организационных сложностей координации действий в институциональной среде увеличивается привлекательность неформальных и часто незаконных методов достижения целей. Однако выбор внеинституциональных механизмов возможен только при готовности большого числа акторов использовать неформальные методы координации.

Проблемы институционализации российской науки и образования в условиях глобализации проанализировала Н.В. Веретенникова. В своих работах [См. 7] она объяснила причины высоких институциональных издержек в научной деятельности низкой самостоятельностью ученого. Современный философ В.И. Пржиленский проследил процесс генезиса научной рациональности в процессе конструирования реальности [См. 19]. Наука становится основным инструментом рационализации концептов реальности, ее визуализации. В.И. Пржиленский продолжает и усиливает мысль Т. Куна о смене рациональности научного дискурса при смене парадигмы [См. 10]. Новые аспекты прагматической рациональности, связанные с гарантией признания достижений ученого в инновационной технологической среде рассмотрены в монографии Е.В. Романова [См. 20]. Сербский исследователь Д. Маковец выделяет факторы, существенно влияющие на восприятие ученым своей роли и, следовательно, определяющие его профессиональную мотивацию в инновационной среде. Ею устанавливается связь рефлексии ученым своего профессионального опыта и личностных качеств как показателя шансов на успех при использовании инноваций [См. 3].

В ракурсе проблемы интерес представляет исследование Дж. Барншау, посвященное динамике прагматических ориентаций ученого [См. 1]. Автор показал, что тенденция к сокращению частных пожертвований и государственного финансирования науки ведет к необходимости коммерциализации деятельности ученого, расширению круга его задач, что существенно изменяет модель отноше-

ний в научном мире и в ряде регионов, например, в США, способствует росту инновационности.

Другим аспектом проблемы институционализации научной деятельности является организация научной деятельности, способствующая или препятствующая безопасной реализации профессионального потенциала научных работников в условиях современных международных взаимодействий. Данная проблема с учетом анализа современных международно-правовых стандартов правового статуса научных работников раскрыта в работах М.В. Шугурова [См. 4]. Им была раскрыта ключевая роль защиты интеллектуальной собственности, которую осуществляет государство, для расширения масштабов и сфер применения инновационных технологий.

При исследовании ценностных оснований признания успешности научной деятельности наиболее фундаментальными являются работы П. Бурдьё, французского философа и социолога, который обосновал диалектику ценностного и прагматического выбора в научном поле, выводимую из борьбы агентов науки за доминирование в узкой профессиональной области (например, в одной экспериментальной сфере) [См. 5, 8, 12]. Им было показано, что в современный период активного внедрения инноваций усиливается стремление монополизировать установление индикаторов научности и актуальности новых разработок. В результате возрастает «пошлина на вход» в научное поле, становится все сложнее добиться признания институционализации своей исследовательской деятельности. Парадокс состоит в том, что инновационный характер науки сокращает разнообразие исследовательских практик, расширяет возможности монополизации научной сферы.

С.Л. Парфенова разработала систему критериев оценки научными коллективами целесообразности взаимодействия между собой [См. 16]. Система состоит из пяти групп факторов: технологические изменения, социальные изменения в обществе, развитие коммуникационных систем, изменение формы построения научного поиска, состояние материально-технической базы науки. По мнению автора, отношения между учеными организованы либо в иерархические, либо в сетевые структуры. Последних сегодня становится все больше, они эффективнее для международного сотрудничества и создания новых организационных форм под современные межотраслевые научно-исследовательские проекты.

Н.Н. Орлова провела сравнительный анализ мотиваций научных работников, работающих в государственной и частной сферах, определила тенденции к изменению ценностных ориентаций ученых [См. 14]. В коммерческих учреждениях научные работники более ориентированы на подтверждение своих компетенций. В государственных учреждениях научные деятели большее внимание уделяют своим научным интересам и качеству работы, меньше внимания – высокой оплате их труда. В России, в отличие от многих запад-

ных стран, ученые имеют несколько мест работы и, в связи с этим, большой круг профессиональных задач.

Оригинальную трехвектурную модель мотиваций работников интеллектуального труда создал А.В. Очиров [См. 15]. В его теории структура профессиональных установок научных работников состоит из трех уровней: выбор оптимального места работы, получение гарантий сохранения рабочего места, оптимальное использование личных и организационных возможностей для достижения результата, соответствующего вознаграждению. Стратегии выстраивания карьеры учеными в разных странах проанализировала И.П. Попова [См. 18]. В ее работах были проанализированы различные цели построения карьеры, как связанные с материальным достатком, так и с познанием, профессиональным развитием. В современных странах с развитой научной сферой наблюдается тенденция к нематериальным целям построения научной карьеры, например, развитию новых навыков, получение интересной информации. Устойчивость карьерного роста и его длительность перестают быть основными показателями защиты профессионального статуса научного работника. В мировом научном пространстве начинают преобладать индивидуальные профессиональные практики, оторванные от стабильной деятельности одной организации. Поэтому ученым стало легче менять профессиональные задачи, место работы, что противоречит выстраиванию длительной стратегии карьерного роста.

Представленные работы и теории показали, что теоретический аспект прагматических и аксиологических оснований научной деятельности должен быть сопряжен с эмпирической картиной субъективного видения ученых своих возможностей актуализации исследовательских практик в наличной институциональной среде. Для такого соотношения теоретического видения пространства науки с реальными социальными практиками акторов исследовательской и управленческой среды науки на базе Социологического центра МГЮА мы провели социологическое исследование мотивов и ценностных обоснований ученым своей деятельности. Методом сбора данных был полуформализованный анкетный экспертный опрос среди научных работников России в 21 Субъекте Федерации, и 24 зарубежных стран (N=742). Сбор данных производился в феврале – марте 2021 года. В анкете присутствовали как закрытые, так и открытые вопросы.

Результаты исследования

Данные опроса показали, что среди российских ученых существенно выше на формирование ценности научной деятельностью влияют семья, но меньше – образовательные учреждения. Среди иностранных ученых, напротив, учебные заведения. Самоидентификация ученого в России наиболее полно формируется под влиянием неформальных связей семьи,

ближайшего социального окружения. Формальные институциональные механизмы развиты меньше.

Прагматический аспект освоения научной работы связан с широким спектром для самореализации. В России работа ученого ассоциируется с более высоким социальным статусом, шире область познавательной деятельности, круг решаемых задач, выше солидарность и взаимоподдержка в научной среде. Ценность расширения интеллектуального потенциала основана на идеях саморазвития через познания, чувством солидарности с коллегами, высокой ответственностью перед обществом.

По данным нашего исследования, ученые, ориентированные на активное взаимодействие с иностранными коллегами, наименее удовлетворены условиями своего труда. Среди них более чем в два раза увеличивается доля тех, кто недоволен своим материальным положением, чувствует неуверенность в жизни, нестабильность, невозможность принести пользу обществу, науке, кто считает непрестижной организацию, в которой осуществляется профессиональная деятельность. Анализ профессиональных стратегий показал, что среди ученых, ориентированных на международное взаимодействие, резко возрастает стремление коммерциализировать научную деятельность. Если среди всех опрошенных такое желание испытывают только 12%, то в этой группе более трети респондентов.

Важным практическим условием успешного осуществления научной работы является возможность самостоятельно регламентировать свою научную деятельность, что могут себе позволить более половины иностранных ученых и менее трети российских. Свобода ученого пока еще остается проблемным вопросом российской науки.

Установка на работу в научной или смежной сфере у российских и иностранных ученых примерно одинаковая. К смене профессиональной самоидентификации готовы не более 34% среди иностранных ученых, 37% среди российских. Особенностью научных работников в России является существенное увеличение среди них доли тех, кто способен открыть собственный бизнес или заняться фрилансерством. Профессиональная самоидентификация российских ученых на организационном уровне в основном актуализирует ценности самой научной деятельности, независимо от организационных структур.

Иностранцам ученым оказалось существенно проще определить ценности, ассоциирующиеся с наукой. Это в основном инструментальные ценности интереса в работе, комфортного климата и благоприятных межличностных отношений в коллективе, карьерного роста и возможностей выбора направлений научных исследований в рамках научных интересов ученого.

Чтобы сравнить формальные показатели статуса ученого в России и за рубежом, мы сопоставили критерии получения стимулирующих выплат. Условия получения дополнительных выплат явля-

ются институциональными маркерами успешности ученого. Вместе с тем, они создают рамки для профессиональных задач, кристаллизируя социальные запросы в результатах научной деятельности.

В российском институциональном поле науки выше, чем за рубежом ценятся издание международных публикаций (включая статьи в высокорейтинговых международных журналах, препринты, издаваемые зарубежными университетами, международными организациями), научные доклады, изданные отдельно или в научных сборниках, внесение личного вклада в научную репутацию организации. 61% опрошенных из России получают дополнительные выплаты за публикации в высокорейтинговых журналах, входящих в базы научных данных Scopus, WoS и др. 31% отечественных работников науки получают стимулирующие выплаты за выступления на международных конференциях, 28% – за получение научных грантов, 22% за развитие образовательных технологий. В других государствах, по сравнению с Россией, повышается значимость переводческой деятельности научных текстов, руководство успешными соискателями ученых степеней, экспертно-консультационная деятельность, участие в международном научно-техническом сотрудничестве.

В научном поле России, по данным нашего исследования, с 90-х годов все еще сохраняется несогласованность аксиологических и прагматических аспектов выбора научно-исследовательских профессии. Ценностные основания профессиональных ориентаций формируются вокруг познания, социальной значимости, сильным и сплоченным коллективом. Прагматика самореализации ученого ориентирована на формальные наукометрические показатели значимости, часто не отождествляемые с социальным заказом. Среди иностранных ученых такого острого расхождения этих оснований нет. В этой группе существенно выше доля тех (более, чем две трети), кто отождествляет формальные показатели с реальными достижениями не только на научном, но и на других социальных полях. Ценностное противоречие в иностранной научной среде заключается в несоответствии стремления ученых к свободе научного поиска и жестких организационных рамок исследовательских направлений и процедур.

Иностранные ученые независимо от области их исследований видят больший масштаб ориентаций организаций на поддержку тех работников, которые публикуются в «высокорейтинговых» журналах, входящих в признанные международные базы данных. 37% иностранных научных работников и 16% российских считают распространенной во всем мире оценку качества научной деятельности на основе публикаций в «высокорейтинговых» журналах. При этом организационная среда, по мнению половины опрошенных, создает недостаточно условий для публикации результатов научной деятельности. Российские и зару-

бежные ученые отмечают высокую занятость, нехватку времени для подготовки статей, соответствующих требованиям высокорейтинговых журналов.

По данным исследования публикационная активность российских ученых существенно выше иностранных. Особо ощутима разница в коммерческих и грантовых проектах, учебной деятельности, издании монографий. По результатам исследований в рамках выделенных грантов в России в год публикуют в среднем 0,85 статей, за рубежом – 0,15. Российские ученые в среднем готовят 0,87 рецензируемых монографий или глав для монографий, иностранные – 0,39.

Для уменьшения противоречия аксиологических и прагматических оснований профессиональной самореализации научных акторов необходимо расширить спектр долгосрочных критериев оценки эффективности, которые бы учитывали эффект от научной деятельности в будущем, возможности развития исследовательской базы на основе существующих результатов. Главными стимулами, повышающими мотивацию на проведение долгосрочных, фундаментальных исследований, являются интерес к науке и материальное поощрение, которого сегодня недостаточно для поддержания стремления к долгосрочной научной деятельности.

Для иностранных научных работников важнее, чем для российских, повышение культуры взаимоотношений в Вашем научном коллективе (актуально для 33% иностранных опрошенных и для 31% российских), признание больше свободы и возможностей за научным работником в сфере повышения эффективности и результативности его деятельности (выбрали 63% иностранных и 61% российских ученых).

Выводы

Противоречие между личной свободой научного поиска и организационными рамками институционализации результатов научной деятельности создают особый тип самоидентификации ученого в России. Позитивным свойством этого типа является широкий диапазон деятельности, адаптивность научных работников, их высокая социальная мобильность. Негативным последствием выступает сложность стратегического управления научной деятельностью страны в связи с распространением недоверия между руководством организаций и коллективом, а также продолжающийся риск оттока молодых специалистов за рубеж. Организационная среда «закрывает» видимость трансформации структурно-институционального уровня развития науки из-за высокой зависимости от воли руководства и недостаточной правовой защищенности. Иностранный ученый, напротив, более ориентирован на общесистемный институциональный уровень науки, стремится адаптироваться к изменениям в этом поле. Для него важным становится вовремя определить новые параметры

легитимации научной деятельности, критерии принятия ее научным сообществом как актуальной и научной.

Наше исследование показывает недостаточную согласованность субъектов научного поля для успешной интеграции с международным научным сообществом в качестве равноправного партнера. Высокая степень субъектной индивидуальной активности теряет свой потенциал на организационном уровне. Например, в инновационных научных проектах заинтересованы ученые, которые ориентируются на стратегию государства. Но для научных организаций такие перестроения требуют совершенствования методов оценки эффективности и контроля, предполагают структурные преобразования, которые происходят медленно. Затрудняет организационные изменения фактор личностных, неформальных отношений, который превалирует над функциональным. Неформальные сообщества берут на себя ключевую роль по созданию научных стратегий, методологического фундамента. Такая ситуация сокращает возможности контроля научного сообщества, создания положительного имиджа российской науки, способствующего повышению интереса мирового сообщества. Поскольку инновационная деятельность сопряжена с дополнительными рисками, она требует особой защиты, которую осуществляет государство через научные организации. Недостаток организационно-бюрократической поддержки приводит к искажению целей инновационного развития науки, устанавливаемых государством. Агенты науки в неформальной среде по-разному интерпретируют векторы развития науки, теряя при этом согласованность между собой. Расширяется спектр имитационных моделей взаимодействия со сферами аттестации, создания рейтинга ученых, международного сотрудничества.

Рост многообразия юридических и физических лиц, участвующих в создании и использовании интеллектуальной собственности, требует новых методов согласования их интересов, включающих как расширение индивидуальной свободы ученого, так и повышение координационной функции организаций, привлечение к координации и контролю самих ученых, как основных субъектов науки.

Литература

1. Barnshaw J., Dunietz S. Busting the myths: The annual report on the economic status of the profession, 2014–15. *Academe*. 2015; Vol. 101 (2): 4–19.
2. Lee J, Eggertsson T and North D *Empirical Studies in Institutional Change* (New York: Cambridge University Press) 1996 p. 360.
3. Makovec Danijela. The teacher's role and professional development // *IJCRSEE*. 2018. № 2. Pp. 33–46.
4. Shugurov M. V. TRIPS, international technology transfer and development: some lessons from

strengthening the IPR protection. BRICS Law Journal. vol 3, Issue 1. 2016. Pp. 90–125.

5. Бурдые П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
6. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
7. Веретенникова Н.В. Институциональные ловушки российской системы высшего образования // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2009. № 1 (5). С. 5–13.
8. Иванова Н.А. Пьер Бурдые о науке как поле символического производства и роли habitus'a в нем // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20), вып. 1 С. 206–219.
9. Киселев В.Н. Глобальные цепочки добавленной стоимости: вызовы и перспективы для российской науки и инноваций // Инновации. 2017. № 10. С. 17–23.
10. Кун Т. Структура научных революций / Пер. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
11. Лозовая И.В. Теория институциональных изменений Д. Норта. Формальные и неформальные институты // Территория науки. 2016. № 4. С. 98–101.
12. Маркова Ю.П. Бурдые Пьер. Наука о науке и рефлексивность. Курс в Коллеж де Франс в 2000–2001 годах // Социологическое обозрение. 2003. № 1. С. 38–49.
13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. 180 с.
14. Орлова Н.Н. Специфика социально-трудовых отношений научно-педагогических работников и мотивации их труда // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 1. С. 250–261.
15. Очиров А.В. Трехвекторная модель системы мотивации работников интеллектуального труда научной организации // Вестник евразийской науки. 2012. № 2 (11). С. 4–12.
16. Парфенова С.Л. Сетевая модель организации научной деятельности // Управление наукой и наукометрия. 2014. № 16. С. 78–89.
17. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал. 1999. № 4. С. 32–38.
18. Попова И.П. Профессиональная карьера в сфере науки и технологий – к проблеме устойчивости // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 124–134.
19. Пржиленский В.И. Социальные и профессиональные практики как детерминанты эволюции научной рациональности // Наука. Инновации. Технологии. 2009. № 2. С. 14–21.
20. Романов Е.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России. М.: ИНФРА-М, 2019. 302 с.

PRAGMATIC AND AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE SCIENTIST'S ACTIVITY IN THE WORLD SCIENTIFIC SPACE

Ogorodnikov A. Yu.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article provides a comparative analysis of pragmatic and axiological factors of professional self-identification of science actors, describes the differentiation of the statuses of scientists in Russia and abroad, traces the dynamics of changes in motivations in scientific activity. The methodological basis of the research is the work in which the reflection of the institutional environment of science, the nature of collective interaction of researchers and their professional motivations is made, which allows us to explicate the stability of the attitude to productive scientific activity or their change to imitation strategies in which science acts only as a means of achieving status. According to the results of the research presented in the paper, the contradictions of the value and pragmatic foundations of both Russian and foreign scientists are indicated. The directions of reducing such contradictions through changing the system of institutional parameters of the effectiveness of scientific activity and recognizing its social significance are indicated.

Keywords: the field of scientific activity, the actor of science, the axiological foundations of scientific activity, the value of science, the pragmatics of scientific choice, the discourse of science, the motivation of scientists, the international scientific space.

References

1. Barnshaw J., Dunietz S. Busting the myths: The annual report on the economic status of the profession, 2014–15. *Academe*. 2015; Vol. 101 (2): 4–19.
2. Lee J, Eggertsson T and North D *Empirical Studies in Institutional Change* (New York: Cambridge University Press) 1996 p. 360.
3. Makovec Danijela. The teacher's role and professional development // *IJCREE*. 2018. № 2. Pp. 33–46.
4. Shugurov M. V. TRIPS, international technology transfer and development: some lessons from strengthening the IPR protection. *BRICS Law Journal*. vol 3, Issue 1. 2016. Pp. 90–125.
5. Bourdieu P. The Beginning [Nachala]. *Choses dites*. Moscow: Socio-Logos, 1994. 288 p.
6. Weber M. Selected works [Izbrannye proizvedeniya]. M.: Progress, 1990. 808 p.
7. Veretennikova N.V. Institutional traps of the Russian higher education system [Institucional'nye lovushki rossijskoj sistemy vysshego obrazovaniya] // *Bulletin of the Tomsk State University. Economy*. 2009. No. 1 (5). pp. 5–13.
8. Ivanova N.A. Pierre Bourdieu on science as a field of symbolic production and the role of habitus in it [P'er Burd'e o nauke kak pole simvolicheskogo proizvodstva i roli habitus'a v nem] // *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2012. No. 4 (20), issue 1, pp. 206–219.
9. Kiselev V.N. Global Value chains: challenges and prospects for Russian science and innovation [Global'nye cepochki dobavlennoj stoimosti: vyzovy i perspektivy dlya rossijskoj nauki i innovacij] // *Innovations*. 2017. No. 10. pp. 17–23.
10. Kuhn T. The structure of scientific revolutions [Struktura nauchnyh revolucij]. Moscow: Progress, 1977. 300 p.
11. Lozovaya I. V.D. North's Theory of Institutional changes. Formal and informal institutions [Teoriya institucional'nyh izmenenij D. Norta. Formal'nye i neformal'nye instituty] // *The territory of science*. 2016. No. 4. pp. 98–101.
12. Markova Yu.P. Bourdieu Pierre. Science about science and reflexivity. The course at the Collège de France in 2000–2001 [Burd'e P'er. Nauka o nauke i refleksivnost'. Kurs v Kollezhe de Frans v 2000–2001 godah] // *Sociological review*. 2003. No. 1. pp. 38–49.
13. North D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy [Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki]. Moscow: Foundation of the economic book “Beginnings”, 1997. 180 p.
14. Orlova N.N. Specificity of social and labor relations of scientific and pedagogical workers and motivation of their work [Specifika social'no-trudovyh otnoshenij nauchno-pedagogicheskikh rabot-

- nikov i motivacii ih truda] // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2019. No. 1. pp. 250–261.
15. Ochirov A.V. A three-vector model of the system of motivation of intellectual labor workers of a scientific organization [Trehvektornaya model' sistemy motivacii rabotnikov intellektual'nogo truda nauchnoj organizacii] // Bulletin of Eurasian Science. 2012. No. 2 (11). pp. 4–12.
  16. Parfenova S.L. Network model of the organization of scientific activity [Setevaya model' organizacii nauchnoj deyatel'nosti] // Management of science and scientometrics. 2014. No. 16. pp. 78–89.
  17. Polterovich V.M. Institutional traps and economic reforms [Institucional'nye lovushki i ekonomicheskie reformy] // Social and humanitarian sciences: Domestic and foreign literature. Ser. 2, Economics: Abstract journal. 1999. No. 4. pp. 32–38.
  18. Popova I.P. Professional career in the field of science and technology-to the problem of sustainability [Professional'naya kar'era v sfere nauki i tekhnologij – k probleme ustojchivosti] // Sociological research. 2017. No. 12. pp. 124–134.
  19. Przhilensky V.I. Social and professional practices as determinants of the evolution of scientific rationality [Social'nye i professional'nye praktiki kak determinanty evolyucii nauchnoj racional'nosti] // Nauka. Innovations. Technologies. 2009. No. 2. pp. 14–21.
  20. Romanov E.V. Methodology and theory of innovative development of higher education in Russia [Metodologiya i teoriya innovacionnogo razvitiya vysshego obrazovaniya v Rossii]. Moscow: INFRA-M, 2019. 302 p.

Сверхраб как феномен современного общества

Салих Аумед Хама Али Салих,

аспирант/соискатель, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»

E-mail: Omedhamaali@yandex.ru

В статье представлены некоторые результаты исследования, объектом которого является категория сверхрабства. Предмет исследования – специфика формирования типологических признаков сверхраба. На основе анализа классических представлений об индивидууме, о свободе как необходимом условии духовного развития личности делаются выводы о нивелировании у сверхраба осознанного отношения к свободе, способности самовыражения через речь. Актуальность исследования определяется тем, что «сверхраб» – это современная форма, отличающаяся от раба неспособностью различать декларируемую, позиционируемую как объективную данность и высшую цель существования человека в обществе под влиянием внешних факторов, таких как: ноогенный невроз, экзистенциальный вакуум, дегуманизация общества, насаждение гедонизма, манипуляция сознанием личности через СМИ, Интернет и др. Новизна предлагаемой концепции определяется тем, что понятие «сверхрабства» ставится в зависимость от личной внутренней близости / универсальности / идентичности, что лишает человека уникальной природы и самодостаточности. Значимую роль в сохранении личности играет речь. Говорение о свободе – это процесс осмысления связи человека с Бытием, возможность не просто обозначить, а принять внутренне ту форму Бытия, которая является для человека подлинной, в которой присутствует возможность освобождения.

Ключевые слова: социум, рабство, личность, сверхраб, Хайдеггер, универсальность, самоидентификация, речь.

Личность, как вершина эволюционного процесса, является на протяжении веков объектом внимания ученых и философов. Так, Н.А. Бердяев писал: «Человек есть загадка не как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность, именно как личность. <...> Ещё в Греции человек хотел познать самого себя и в этом видел разгадку бытия, источник философского познания» [Бердяев 1995: 1]. Принципиальным, по нашему мнению, в данном подходе является то, что попытки самоопределения человека строятся на понимании масштаба личности, достойной соотношения с категориями бытия в целом.

Подобное мнение о свободе выбора и об ответственности за выбор, о самоопределении личности и об отношении к своему призванию – основа концепции экзистенциализма, в рамках которой философы, писатели, психологи сосредоточили свое внимание на «смысложизненных вопросах отдельной личности и индивида в целом» [Кожевников 2009: 105]. Исходя из того, что духовная выдержка и противостояние влиянию внешних обстоятельств являются ключевыми факторами развития духовной составляющей, личность в представлении экзистенциалистов становится самоцелью. Общество же, в котором человек реализуется, в таком случае оценивается как средство, которое поддерживает материальную сторону функционирования индивида и общества. При всей идеалистичности экзистенциалисты отрицательно оценивали роль общества в формировании и развитии личности, поскольку общество может предоставить только определенную в типологическом отношении свободу: экономическую, политическую и пр., определяемую социальным устройством. Тогда как подлинная свобода обретается исключительно в духовной среде, «где индивиды сталкиваются не как субъекты правовых отношений, а как экзистенции» [Философия... 2011].

С течением времени менялись внешние условия жизни человека, менялось состояние общества, и сегодня понятие рабства расширено и углублено и признается явлением психологии личности – наличием или отсутствием воли и способности реализовывать волю в разрешении различных социально-экономических и духовно-нравственных коллизий [Пещеров 2015: 47–48]. При этом недооценивать влияние общества в его современном – масштабном и всеохватывающем формате – нельзя. Тем более, что в социальной истории известны примеры, когда идеология рабства, принятая как естественная форма существования общества, определяла мироощущение человека, лишала его возможности самостоятель-

ного взгляда на рабство и понимания губительности рабских взаимоотношений как для угнетаемых, так и для угнетенных. Именно для нивелирования «духа рабства» и формирования «духа свободы» в Лицее, учрежденном Александром I, было минимизировано внешнее влияние на лицистов – включая семью [Тынянов 2018]. По мнению основателей Лицея, основная задача воспитания нового для того времени человека – «искоренение раболепствия и лакейского духа» [Тынянов 2018: 247], оскорбляющего не только унижаемого, но и ограничивающего развитие личности, которая осознает себя принадлежащей к правящему классу, то есть априори – к группе свободных людей.

В то же время существует идея, что общество способно деформировать личность при условии, что психологически личность слаба [Пещеров 2015]. Однако с данным положением довольно сложно согласиться, поскольку сильная личность, способная сопротивляться общественному укладу и влиянию, должна иметь возможность сформироваться, образоваться, чтобы осознанно не признавать те или иные постулаты бытования общества. Если же человек живет и развивается в обществе ограниченности свободы и эта ограниченность признается нормой, то ему сложно сформировать свою психологическую независимость, поскольку он не имеет представления об иных формах бытования и бытия. Тем более, что общество, характеризующее еще Эрихом Фроммом как общество потребления, способно деформировать личность, манипулируя ее сознанием [Фромм 1999]. Сопротивляться такому влиянию общества, осознанно избегать манипулирования способна только цельная личность, чье духовно-психологическое состояние определяет внутреннюю позицию свободной личности. В противном случае формируется такая позиция, которая созвучна бытию раба, который не «слышит» подлинного гласа Бытия, а воспринимает только ложный отзвук, формируемый, как это ни парадоксально, современными технологиями.

В истории человечества актуализируется в условиях социально-политического и экономического кризиса такое общественное явление – противоречивое, многогранное и устойчивое – как рабство. И это рабство совершенно иного толка, первопричинами которого становятся такие факторы, как ноогенный невроз, экзистенциальный вакуум, дегуманизация общества, насаждение гедонизма, манипуляция сознанием личности через СМИ и др. [Дорофеева 2019: 372]. По нашему мнению, формируется усугубленный вариант раба – сверхраб. В нашем понимании «сверхраб» – это современная форма раба, существенно отличающаяся от раба прошлого своей неспособностью различать декларируемую, позиционируемую как объективную данность и высшую цель существования человека в обществе «самость» и подлинную, самостоятельную, способную на анализ, рефлекссию и осознание истинной свободы «личность».

«С точки зрения христианской антропологии, личность представляет единство телесной, душевной и духовной форм жизни, при этом душевное и духовное разделяются, а самой важной для личности считается духовно-нравственная жизнь» [Морозова 2005: 23–24]. «Отсюда попытка решения вопроса о смысле жизни, о месте человека в мире, которые предпринимает философия, опираясь на субъективно-духовное начало в человеке» [Шаталова 2012: 7]. Именно поэтому личность, как уже отмечалось, всегда окружена завесой тайны в рамках Бытия. Говоря высоким слогом, какой бы таинственной (в смысле – непостижимой простыми формами рефлексии) личность ни была, человек должен «приложить» много стараний для ее создания. Таким образом, можно утверждать, что индивид способен стать личностью только в том случае, когда сам проявит волю к такому созиданию и будет готов управлять собой. «Самокоординация» есть один из основных признаков внутренней свободы человека, способного в своей духовной независимости признать факт собственной дуалистичности, признать то, что он является и низшим, и высшим существом одновременно, что он способен как к восхождению, так и к падению, что он способен и на великую любовь, и на жертвенность, но при этом склонен к насилию и к безграничному самолюбию [Валенурова, Матвейчев 2004] – и осознанно производить внутреннюю координацию отличает именно личность. Эта извечная дуалистичность, в которой постоянно находится человек, с одной стороны, является признаком его величия, а с другой – ничтожности. В данном аспекте величие является возможностью самотворения и возможностью самосознания, и даже осознания собственного ничтожества и малости. С точки зрения философа Паскаля, это и есть основа величия человека. «Я легко могу представить себе человека, – говорит Паскаль, – без рук, без ног, без головы, так как только опыт научает нас, что голова нужнее ног; но я не могу вообразить себе человека без мысли: это был бы камень или животное. Следовательно, мысль отличает существо человека, и без нее нельзя себе его представить. Человек велик, сознавая свое жалкое состояние» [Таранов 1999].

Малость и ничтожество человека не проявляются лишь в сравнении с Бытием вообще или Вселенной, а они глубоко связаны с забвением личности, каковая не считается смыслом Бытия. Смысл – это основа, которой нет у рабского бытия. Раб стал рабом в собственной безликости или – в условиях современного техногенного социального бытия – универсальности, которую правильнее было бы назвать идентичностью. Безликость / универсальность / идентичность множественным субъектам лишает человека уникальности. Тогда как именно самодостаточность личности в соотношении с миром показывает возможность личности преодолеть определенные границы мира и реальных, которые духовно ограниченный индивид может считать незыблемыми. Только уникальная и само-

достаточная личность может влиять на специфику мирового процесса, координировать его ход. Хотя в этом кроется и определенная опасность для личности: не станет ли попытка изменить мир роковой для личности, как показано у Ф.М. Достоевского? Или же эта личность подобна дому всего мышления и свободного действия человеческого бытия способного приблизится к бытию и проявиться в просвете Бытия? Таким образом, личность способствует встрече бытия человека с собственным присутствием.

Э. Фромм считал, что личность – это «...целостность врождённых и приобретённых психических свойств, характеризующих индивида и делающих его уникальным» [Таранов 1999]. При таком подходе терминологически слово «личность» можно применять к любому человеку, который в общем-то наделен как индивидуальными, так и общими, типологическими признаками. То есть по сути определение Фрома уравнивает понятия «личность» и «индивид» – как единичный представитель общества, носитель качеств, выработанных в социуме, и индивидуально-психических свойств. То есть «индивид» употребляется в значении «конкретный человек» [Там же].

Личность, оторвавшаяся от рабской идеологии, проявляется прежде всего в речи. Так, М. Хайдеггер рассматривает язык с точки зрения его взаимосвязи с бытием, его роли относительно Бытия, само Бытие языка и его онтологические функции¹. Общеизвестные слова Евангелия от Иоанна об онтологической сущности Слова определяют главенствующую роль языка в становлении личности. Хайдеггер в своих работах также говорит о языке как Начале. Само бытие возможно только если есть язык. Через язык говорит само Бытие. Этимологический анализ слов, считал Хайдеггер, выявляет их изначальный бытийный смысл и тем самым позволяет «заглянуть» в Бытие. Язык и речь неразрывно у Хайдеггера связаны с Бытием, а в особенности с Dasein'ом. «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, настолько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке» [Хайдеггер 2011].

Хайдеггер пишет в «Бытии и времени»: «Человек выказывает себя как сущее через речь» [Там же]. Только посредством речи личность может идентифицировать себя, выделить себя как единичное сущее среди множества других. В этом состоит уникальность человека: только он способен определять сущее, давая явлениям мира словесные имена, то есть по сути вызывая к бытию различные вещи. Говорение находится в глубоких взаимоотношениях с Бытием: Бытие проявляется посредством языка. Язык и говорение заключают в себе все заботы и проблемы человеческого Бытия [Там же]. Они есть просвет их проявления. Разговор о проблеме свободы является столкно-

вением с сущностью этой проблемы и вхождение в ее глубину, если говорение по своей сути является подлинной.

Бытие раба захвачено и стреножено, но в бытии сверхраба прирученность и захваченность приемлемы. Естественно, что говорение в данном случае рассматривается не как произвольное произношение определенных тезисов или даже философских силлогизмов. Важно различать формально вербальное произношение слов, связанных со сферой свободы и воли, и то, что – по М. Хайдеггеру – является «говорением» о свободе. Говорение о свободе – это прежде всего процесс осмысления связи человека с Бытием, возможность не просто обозначить, а принять внутренне ту форму Бытия, которая является для человека подлинной, в которой присутствует возможность освобождения, хотя человек является возможностью собственной подлинности, или же неподлинности.

Ницше утверждает, что существует два основных вида морали: мораль господ и мораль рабов. Он являлся моральным нигилистом в строгом и точном смысле слова: он решительно, последовательно, без каких-либо смягчающих оговорок и компромиссов отрицает мораль рабов, которая определяет границы бытования общества как стада. Рабская мораль не допускает возможность выделения личности из стада. В то же время, будучи реакцией на угнетение, рабская мораль направлена на то, чтобы очернить своих угнетателей. Она же характеризуется пессимизмом и цинизмом. Ницше представляет человека как проблему и препятствие рождению сверхчеловека. Рабская мораль засела глубоко внутри этой формы человека.

Раб не может быть без рабской морали, таким же образом, сверхраб вносит в современный мир свою мораль. Такую мораль он не создает, т.к. сам является неподлинным и управляемым бытием. Такое бытие лишает себя основной, великой особенностью-уникальностью и теряется в морали толпы. Люди, не осознающие своей уникальности, растворяются в толпе, выражаясь метафорически, увеличивают своей массой массы. Напротив, человек, постигший свою уникальность, приобретает духовную тягу к свободе, к саморазвитию, происходит пробуждение его экзистенции, что приводит к обретению полной свободы, к утверждению личности.

Сверхрабская сущность состоит не только лишь в том, что он, не имея глубокого знания об уникальности своего бытия и не оберегая оное, не желает принять и признать уникальность собственного бытия. Осознание и заключение в себе такого высокого условия бытия приближает ответственность к уровню нетерпения. Сверхраб осознает, что должен принимать необходимость собственной уникальности, но избегает этого.

Сверхраба можно понимать как противоположный аспект ницшеанского сверхчеловека. Ницше в начале своей книги о сверхчеловеке пишет:

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академ. проект, 2011. – 460 с.

«Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли! ... Поистине, человек – это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым. ... Он – это море, где может потонуть ваше великое презрение» [Ницше]. Таким образом, в соотношении с концепцией Ницше, сверххраб – это бытие, которое надо преодолевать и проходить, ибо он делает жизнь, землю и мир бессмысленными.

Сверххраб – сущность современного человека. Он может быть великим академиком, поэтом, художником, писателем. Они, эти сверххрабы, стоят на ступень выше, чем рабы в рабовладельческом обществе не потому, что они могли бы быть далеки от рабской доли и не связаны с тем, что над ними довлеет тирания в большей мере, чем над рабом предыдущим, нет, это бытие, которое поверхностно заявляет о своей свободе. Сверххраб является сверххрабом, ибо глубже испытывает рабство. Ему нравится такое существование. Значит, сверххрабом в современном мире может быть и президент, и торговец, и политик, и любой другой человек и т.д.

Сверххраб остается сверххрабом, хотя перед ним и маячит горизонт открытия и свободы, ибо он имеет сильную тягу к послушанию и преклонению. Он может быть идеологическим революционером, захватывающим под идеей своей свободы и освобождения свободу других.

Сверххраб – существо, видящее себя сверх свободы, и воспринимающее собственное рабство как свободную систему. Он определяет свою миссию, как служение одному человеку, идеологии или религии. Он – сущее, не могущее быть бытием. Он не может присутствовать, так как присутствие требует сознательного стояния перед событием бытия и также требует открытия пред проектом своего бытия и требования бытия.

Сверххраб не может отвечать на требования бытия, он есть потерянное сущее и не имеющее глубокого познания о бытии. Он ставит биологические потребности выше духовных, что в ситуации торжества технократических принципов организации действительности формирует общество сверххрабов, которое уже в принципе не может формировать каких-либо идей, направленных на саморазвитие, самоанализ, творчество. И это уже не социально-психологическая, а онтологическая, философская проблема.

Литература

1. Бердяев Н. О рабстве и свободе человека // Царство Духа и Царство Кесаря. Сост. И послесловие П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. 375 с.
2. Валенурова Н.Г., Матвейчев О.А. Современный человек: в поисках смысла. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 260 с.
3. Гусейнов А.А. Философия как этика (опыт интерпретации Ницше) [Электронный ресурс]

URL: <http://www.nietzsche.ru> (дата обращения 14.11.2018)

4. Дорофеева Е.В. Деформация личности в современном обществе // Балтийский морской форум. Материалы VII Международного Балтийского морского форума. В 6-ти томах. Издательство: Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Калининградский государственный технический университет». – Калининград, 2019. С. 372–377.
5. Кожевников Н.Н. Личность в экзистенциализме и персонализме // Наука и техника в Якутии. 2009. № 1 (16). С. 104–109.
6. Козлов А.С., Степаненко Е.В. Социология: курс лекций. Ч. III. – М.: МГТУ ГА, 2006.
7. Медведев Н.В., Омед Х.А.С. Хайдеггер о бытии человека как экзистенции // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 234–239.
8. Морозова О.Е. Мир человека и его речь: монография. – Архангельск, Поморский университет, 2005. 256 с.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Перевод Ю.М. Антоновского; под редакцией К.А. Свасьяна. [сайт] <http://lib.ru> (дата обращения 07.07.2017)
10. Пещеров Г.И. Социально-философский смысл рабства в современном мире // Человеческий капитал. Издательство «Объединенная редакция». – М., 2015. № 3(75). С. 47–49.
11. Пушкин А.С. Два чувства дивно близки нам... // Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. Том 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – М.: Худож. лит., 1985. – 735 с.
12. Таранов П.С. Философия сорока пяти поколений. – М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1999. 656 с.
13. Тынянов Ю.Н. Пушкин: роман. – М.: Время, 2018. 624 с.
14. Философия: учебник / В.Н. Лавриненко, Г.И. Иконникова, В.П. Ратников, В.В. Юдин; под ред. В.Н. Лавриненко. – 5-е изд. – М.: Юрайт, 2011.
15. Фромм Э. Революция надежды. – СПб.: «Ювента», 1999. – 245 с.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академ. проект, 2011. – 460 с.
17. Шаталова О.В. Синтаксическая характеристика языковой личности. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Елец, 2012. 423с.

SUPER SLAVE AS A PHENOMENON OF MODERN SOCIETY

Salih Aumed Hamah-Ali Salih
Lipetsk State Technical University

The article presents some results of the research, the object of which is the category of super-slavery. The subject of the research is the specifics of the formation of typological signs of the super

slave. Based on the analysis of the classical ideas about the individual, about freedom as a necessary condition for the spiritual development of the individual, conclusions are drawn about the leveling of the super slave's conscious attitude to freedom, the ability of self-expression through speech. The relevance of the research is determined by the fact that the «super slave» is a modern form that differs from the slave in the inability to distinguish between the declared, positioned as an objective reality and the highest goal of a person's existence in society under the influence of external factors, such as: noogenic neurosis, existential vacuum, dehumanization of society, imposition of hedonism, manipulation of the consciousness of an individual through the media, the Internet, etc. The novelty of the proposed concept is determined by the fact that the concept of «super-slavery» is made dependent on personal inner facelessness / universality / identity, which deprives a person of a unique nature and self-sufficiency. Speech plays a significant role in the preservation of personality. Talking about freedom is a process of comprehending the connection of a person with Being, an opportunity not only to designate, but to internally accept that form of Being that is genuine for a person, in which there is a possibility of liberation.

Keywords: society, slavery, personality, super slave, Heidegger, universality, self-identification, speech.

References

1. Berdyaev N. On slavery and human freedom // the Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar. Compiled by And the afterword by P.V. Alekseeva. – M.: Respublika, 1995.375 p.
2. Valenurova N.G., Matveichev O.A. Modern man: in search of meaning. – Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2004.260 p.
3. Guseinov A.A. Philosophy as ethics (experience of Nietzsche's interpretation) [Electronic resource] URL: <http://www.nietzsche.ru> (date of treatment 11/14/2018)
4. Dorofeeva E.V. Personality deformation in modern society // Baltic Sea Forum. Materials of the VII International Baltic Maritime Forum. In 6 volumes. Publisher: Baltic State Academy of Fishing Fleet of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Kaliningrad State Technical University". – Kaliningrad, 2019.S. 372–377.
5. Kozhevnikov N.N. Personality in existentialism and personalism // Science and technology in Yakutia. 2009. No. 1 (16). S. 104–109.
6. Kozlov A.S., Stepanenko E.V. Sociology: a course of lectures. Part III. – M.: MSTU GA, 2006.
7. Medvedev N.V., Omed H.A.S. Heidegger on the human being as an existence // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2011. No. 4 (96). S. 234–239.
8. Morozova O.E. The world of man and his speech: monograph. – Arkhangel'sk, Pomor University, 2005.256 p.
9. Nietzsche F. Thus spoke Zarathustra. Translated by Yu.M. Antonovsky; edited by K.A. Svasyana. [site] <http://lib.ru> (date of access 07.07.2017)
10. Caves G.I. Socio-philosophical meaning of slavery in the modern world // Human capital. Publishing House "United Edition". – M., 2015. No. 3 (75). S.47–49.
11. Pushkin A.S. Two feelings are marvelously close to us... // Pushkin A.S. Works in 3 volumes. Volume 1. Poems; Fairy tales; Ruslan and Lyudmila: Poem. – M.: Art. lit., 1985. – 735 p.
12. Taranov P.S. The philosophy of forty-five generations. – M.: LLC "Firm" Publishing house AST "", 1999. 656 p.
13. Tynyanov Yu.N. Pushkin: a novel. – M.: Vremya, 2018.624 p.
14. Philosophy: textbook / V.N. Lavrinenko, G.I. Ikonnikov, V.P. Ratnikov, V.V. Yudin; ed. V.N. Lavrinenko. – 5th ed. – M.: Yurayt, 2011.
15. Fromm E. The Revolution of Hope. – SPb.: "Juventa", 1999. – 245 p.
16. Heidegger M. Being and time. – M.: Academ. project, 2011. – 460 p.
17. Shatalova O.V. Syntactic characteristics of a linguistic personality. Dissertation for the degree of Doctor of Philology. Yelets, 2012. 423 s.

Причины выгорания сотрудников благотворительных фондов

Семикова Маргарита Александровна,

аспирант Новосибирского государственного технического университета

E-mail: semikova@sozvezdieserdec.ru

В статье анализируется проведенное исследование, посвящённое изучению профессионального выгорания у руководителей и сотрудников благотворительных фондов Сибирского федерального округа (N=100). Представлены результаты анкетирования сотрудников благотворительных фондов со сравнительным анализом данных за 2016, 2018 и 2020 год. Целью опроса было определить основные симптомы выгорания у сотрудников некоммерческих организаций и факторы, способствующие развитию «психологического (эмоционального) выгорания» как у сотрудников благотворительных фондов, так и у работающих в любой сфере. Были получены экспертные оценки лидеров общественного мнения Сибири, исследование проводилось методом неструктурированного интервью. В результате исследования была выявлена общность мнений экспертов о появлении в 2020 году новых факторов, вызывающих психологическое выгорание, и ряда внешних факторов давления на сотрудников НКО по сравнению с предыдущими годами.

Ключевые слова: благотворительные фонды, некоммерческие организации, региональная специфика, психологическое выгорание.

Введение

В фокусе статьи находится исследование причин возникновения психологического выгорания у сотрудников благотворительных фондов Сибирского федерального округа, проведенные автором статьи в 2016 и 2018 годах, результаты исследования были опубликованы в сетевом научно-практическом издании «Антология Российской психотерапии и психологии» [1]. Для актуализации данных автором статьи было проведено исследование по проблематике в 2020 году, в нем приняли участие 100 человек, опрошенных в предыдущих исследованиях.

Имеется несколько определений понятия «психологическое выгорание». Английское слово «burnout» переводится, как состояние психического и физического истощения, возникшее из-за эмоционального перенапряжения при работе с людьми. Что довольно часто возникает при профессиях «человек-человек», ярко проявляется у социальных работников, педагогов, адвокатов и другие профессии, при которых идет интенсивное общение между людьми и проявление сопереживания другому лицу. Психологическое выгорание является так же признаком профессионального кризиса, связанного с работой в целом, а не только с межличностными отношениями.

Понятие «синдром эмоционального выгорания» было введено в 1974 году психологом Гербертом Фрейденбергером [2], как состояние человека, проявляющееся нарастающим эмоциональным истощением, что в свою очередь может привести к личностным изменениям в общении с людьми. Г. Фрейденберг утверждал, синдрому более всего подвергаются люди, работающие в социальной сфере, склонные к гуманности и сочувствию. Сотрудники благотворительных фондов прежде всего подходят под данные характеристики.

Понятие «синдром выгорания» в соответствии со своей многофакторной моделью выгорания ввела Кристина Маслач, первые ее работы по данной тематике были опубликованы в 1978 году. К. Маслач дает определение синдрому и описывает три его компонента: эмоциональное истощение, деперсонализация («обезличивание» человека), а также редукцию личных достижений – умаление собственного достоинства [3].

Проблема психологического выгорания в фокусе работ и отечественных специалистов. Синдром «профессионального выгорания» рассматривают как составляющую профессиональной деформации, психологическую защиту. Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова [4] определяют синдром профессионального выгорания как неблагоприятную реакцию на рабочие стрессы, включающую в себя

психологические, психофизиологические и поведенческие компоненты.

Последние годы профессиональное сообщество благотворительных фондов признали проблему «психологического выгорания» в своей сфере. Ранее было распространено мнение, что тем, у кого много дел и проблемных благополучателей некогда «страдать». Появились первые группы в фэйсбуке, помогающие сотрудникам благотворительных фондов восстановить свою психологическую работоспособность, потребовались отраслевые исследования влияния психологического выгорания на сотрудников благотворительных фондов и их организаций в целом.

Результаты и обсуждения

В 2016 (N150), 2018 (N150) и 2020 (N100) году автором статьи были проведены опросы руководителей и сотрудников Сибирских благотворительных фондов. В 2020 году респондентов меньше, т.к. из 50 респондентов 42 прекратили деятельность в благотворительных фондах в связи со сменой работы (из них 83% как следствие психологического выгорания), 8 участников не смогли ответить на вопросы исследования из-за нехватки времени. Целью исследования было определить основные симптомы выгорания у сотрудников фондов и факторы, способствующие развитию «психологического (эмоционального) выгорания», как у сотрудников благотворительных фондов, так и у организаций в целом.

По состоянию на 2020 год респонденты работали в благотворительных фондах: менее 7 лет – 56%, менее 10 лет – 36%, менее 13 лет – 7% и более 13 лет – 1%.

Респонденты фиксируют у себя наличие психологического выгорания следующим образом, табл. 1.

Таблица 1. Наличие психологического выгорания в зависимости от срока работы

Наличия психологического выгорания	2020 год
менее 7 лет	22%
менее 10 лет	32%
менее 13 лет	43%
более 13 лет	3%

Исследование выявило, что продолжительность работы взаимосвязана с фиксированием респондентами у себя психологического выгорания. Исключение выявлено только для группы работающих в благотворительных фондах свыше 13 лет. Из комментариев респондентов этой группы следует, что за годы работы они научились справляться с психологическим выгоранием и нашли внешние инструменты борьбы с его последствиями (постоянные супервизии у психологов, медикаментозное лечение, четко очерченные границы между личной и профессиональной деятельностью, другое).

Ответы респондентов, схожие по сути, объединены в следующие группы факторов, табл. 2.

Таблица 2. Факторы, вызывающие психологическое выгорание у респондентов

Основные факторы, вызывающие у вас психологическое выгорание	2016	2018	2020
Интенсивное общение с большим количеством людей с ярко выраженными негативными сценариями либо низкой степенью ответственности	43%	56%	12%
Работа на нарушении баланса профессионального и личного	39%	78%	33%
Многозадачность при недостаточном уровне компетенций	15%	27%	52%
Неуверенность в будущем	54%	63%	89%
Непрестижность работы в фондах	7%	21%	9%
Фиксирование психологического выгорания организации в целом	–	3%	22%
Пандемия коронавирусной инфекции и меры по ее профилактике	–	–	98%

Уточнение о приведенных результатах в отчете: Сумма процентов в таблице не равна 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Отраслевые исследования [5] и приведенные в данной статье результаты опроса сотрудников благотворительных фондов выявили, что профессиональному выгоранию способствует ряд факторов:

1. Интенсивное общение с большим количеством людей с ярко выраженными негативными сценариями либо низкой степенью ответственности:

Большинство респондентов отмечают, что их окружают не счастливые люди (благополучатели с тяжелым материальным положением либо жизненной ситуацией), среди них мало успешных людей, что сказывается на восприятии мира респондентами. Общение с волонтерами тоже вызывает ряд трудностей, в первую очередь тем, что волонтеры ни за что не отвечают и сотрудники фонда, при всей благодарности к труду волонтеров, самостоятельно несут полноту ответственности за процесс оказания волонтерской помощи (материальная ответственность, правовая, иная) и конечные результаты труда волонтеров. Общение со спонсорами и благотворителями зачастую характеризуется нарушением психологических границ у сотрудников фонда, так, каждый считает возможным спросить про уровень оплаты сотрудников фонда, источники финансовой состоятельности его и членов его семьи. Сотрудники фондов попадают в положение просителей и практически всегда им приходится оправдываться.

2. Нарушение личного и профессионального:

Круглосуточная доступность для благополучателей, большой объем документации заставляет сотрудников быть доступными всегда и брать работу на дом, в фондах культивируется культ «трудоголизма», что нарушает баланс между общественной и личной жизнью.

3. Многозадачность при низком уровне компетенций:

Большинство благотворительных фондов Сибири имеют в штате от 1 до 20 сотрудников, в среднем не более 5 сотрудников. Нехватка средств на оплату труда заставляет сотрудников фондов брать на себя от 1 до 5 функционалов, даже при нехватке компетенций, что является серьезным стрессом.

4. Неуверенность в будущем:

Респонденты отмечают невысокий уровень зарплат в благотворительных фондах, по сравнению с другими отраслями. Главным источником финансирования являются гранты у 78% респондентов, если грант они не выигрывают, значит платить зарплату сотрудникам нечем, происходит сокращение рабочих мест либо перевод сотрудников в волонтеры. Сотрудники фондов испытывают неуверенность в будущем.

5. Непрестижность работы в фондах:

Респонденты отмечают, что испытывают психологический дискомфорт, озвучивая окружающим место своей работы, зачастую невозможно убедить окружающих насколько важен труд сотрудников благотворительных фондов, несмотря на невысокую оплату труда. Особо это касается сферы паллиативной помощи, у окружающих как правило возникает вопрос, чем ценна работа фонда, если его подопечный в любом случае умрет.

6. В исследовании 2018 года ряд руководителей благотворительных фондов впервые отметили, что задумывались о прекращении деятельности в связи с полным «психологическим (эмоциональным) выгоранием» фонда, в 2020 году этот показатель вырос.

7. В 2020 году большинство респондентов отметили появление нового фактора для возникновения причин психологического выгорания – пандемию коронавируса. Особо респонденты в данном факторе отмечают возросшую угрозу своему здоровью и здоровью близких (чего ранее практически не было) в связи с их профессиональной деятельностью в период пандемии, негативные оценки общества в целом, когда респонденты начинают ограничивать деятельность из-за пандемии (перестают ухаживать за бездомными, трудиться в качестве волонтеров в больницах и прочее).

В тоже время пандемия коронавируса и меры по ее профилактике снизили влияние таких факторов, как нагрузка от общения с большим количеством людей: 2016–43%, 2018–56%, 2010–12%. Многие респонденты в 2020 году отмечают, что в связи с самоизоляцией и снижением общей нагрузки на работе восстановили баланс между личной и профессиональной сферой. С точки зрения респондентов увеличилось понимание обществом ценности работы благотворительных фондов и их представителей. Между тем влияние фактора «Многозадачность при низком уровне компетенций» на возникновение психологического выгорания возросло: 2016–15%, 2018–27%, 2020–52%.

Респонденты отмечают, что новые реалии требуют от них новых компетенций (особенно в цифровизации технологий), на получение которых у них нет ресурсов.

Стабильно растет влияние фактора «Неуверенность в будущем»: 2016–54%, 2018–63%, 2020–89%.

По сравнению с 2018 годом, где было 3% респондентов, в 2020 году 22% респондентов отмечают «психологическое выгорание организации в целом», когда более 70% сотрудников организации проявляют признаки глубокого психологического выгорания. Выгорание проявляется в том, что сотрудники начинают негативно относиться к своей организации [6], саботируют выполнение своих должностных обязанностей, затягивают контрольные сроки выполнения рабочих задач, нарушают режим работы (опаздывают, пропускают без уважительных причин), дают оценочные негативные комментарии по отношению к своим коллегам и организации в целом. Риск данного состояния заключается в том, что выгоревший сотрудник заражает своим негативом не только действующих сотрудников, но и оказывает влияние на новых сотрудников, что может привести к выгоранию организации в целом. Многие респонденты отмечают, что при «психологическом выгорании организации» у ее идеолога (руководитель/учредитель) нет внутренних сил на продолжение деятельности фонда либо его реорганизацию (изменение организационной структуры, внедрения новых технологий работы с благополучателями, цифровизация процесса привлечения средств и прочее) и повышаются риски прекращения деятельности.

Ответы респондентов так же показали, что введение мер по профилактике психологического выгорания сотрудников, такие, как фиксированный рабочий день, объективные критерии оценки выполнения рабочих обязанностей, удобный режим присутствия (частично домашний офис, удаленная работа, «плавающий» выходной и прочее) приводят к снижению уровня «организационного стресса» фонда в целом и эмоционального выгорания его сотрудников в частности.

Основываясь на данном исследовании можно говорить о появлении нового фактора, влияющего на возникновение психологического выгорания у сотрудников благотворительных фондов, как и то, что ситуация с пандемией коронавируса в 2020 году смогла снизить влияние части из них.

Литература

1. Психология безопасности. Психиатрия без опасности [Текст]: сборник материалов Всероссийского форума специалистов помогающих профессий с международным участием, (г. Новосибирск, 10–15 апреля 2019 г.) / Общероссийская общественная организация «Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига»; [редакционная коллегия: Осьмук Л.А. и др.]. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. – 232 с.: с145–148.

2. Herbert J. Freudenberger[en]. Staff burn-out // Journal of Social Issues [en]. – 1974. – Vol. 30, no. 1. – P. 159–165. – ISSN0022–4537.
3. Christina Maslach, Wilmar B. Schaufeli, Michael P. Leiter. Job Burnout// Annual Review of Psychology. – 2001–02. – Vol. 52, iss. 1. – P. 397–422. – ISSN1545–2085 0066–4308, 1545–2085. – doi:10.1146/annurev.psych.52.1.397.
4. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 336 с.
5. Синдром супермена: факты, мифы и цифры об эмоциональном выгорании [Электронный ресурс: <http://special.philanthropy.ru/burnout>]
6. Maslach C. Burnout: a social psychological analysis// The burnout syndrome: current research, theory, interventions / Ed. J.W. Jones. London, 1982. P. 30–53.

THE REASONS OF BURNOUT OF EMPLOYEES IN CHARITY FOUNDATIONS

Semikova M.A.

Novosibirsk State Technical University

The article analyzes the conducted research devoted to the study of professional burnout among managers and employees of charitable foundations of the Siberian Federal District (N = 100). The results of a survey of employees of charitable foundations with a comparative analysis of data for 2016, 2018 and 2020 are presented. The aim of the survey was to determine the main symptoms of burnout among employees of non-profit organizations and the factors that contribute to the development of “psychological (emotional) burnout” both among employees of charitable foundations and among those working in any field. Expert assessments of the leaders of public opinion in Siberia were obtained; the study was carried out by the method of unstructured interviews. As a result of the study, the community of experts’ opinions on the emergence in 2020 of new

factors causing psychological burnout and a number of external factors of pressure on NGO employees was revealed in comparison with previous years.

Keywords: charity foundations, nonprofit organizations, psychological burnout.

References

1. Safety Thinking. Psychiatry with no danger. [Text]: digest of All-Russian forum of specialists of caring professions with international participation, (the city of Novosibirsk, 10–15 Of April, 2019) / All-Russian non-governmental organization “All-Russian Professional Psychotherapeutic League”; [editorial staff: Osmuk L.A. and others]. – Novosibirsk: Publishing house of NSTU, 2019. – 232 pages: 145–148.
2. Herbert J. Freudenberger[en]. Staff burn-out // Journal of Social Issues [en]. – 1974. – Vol. 30, no. 1. – P. 159–165. – ISSN0022–4537.
3. Christina Maslach, Wilmar B. Schaufeli, Michael P. Leiter. Job Burnout// Annual Review of Psychology. – 2001–02. – Vol. 52, iss. 1. – P. 397–422. – ISSN1545–2085 0066–4308, 1545–2085. – doi:10.1146/annurev.psych.52.1.397.
4. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Burnout syndrome: diagnosis and prevention. – 2nd ed. – St. Petersburg: Peter, 2008–336 p.
5. Superman Syndrom: facts, myths and figures about emotional burnout [Electronic resource: <http://special.philanthropy.ru/burnout>].
6. Maslach C. Burnout: a social psychological analysis// The burnout syndrome: current research, theory, interventions / Ed. J.W. Jones. London, 1982. P. 30–53.

Представления о личности в творчестве русского мыслителя М.М. Ковалевского

Сизинцев Павел Васильевич,

кандидат богословия, выпускник аспирантуры МПДА
E-mail: sizinpash@yandex.ru

Статья посвящена анализу представлений о личности в творчестве русского мыслителя М.М. Ковалевского с психолого-персоналистическим осмыслением всех элементов его произведений (с учетом привлеченных источников, рассматриваемых тенденций мышления, оценки применяемых им критериев). Это было влияние религиозной философии У. Джеймса, имеющего новаторские концептуальные подходы и методологические схемы. Духовный мир – это мир мыслей и чувств, добра и зла. Воспитываемое мировоззрение представляло системную совокупность взглядов человека на окружающий мир общество и самого себя. Исходя из мировоззрения, человек определял и смысл своей жизни. Автором проведен историко-критический обзор в социально-философских представлениях. Философско-религиозное мировоззрение теоретически обобщало опыт духовного и практического освоения мира. По итогам собственных многочисленных изысканий в научной сфере социолог сформулировал практико-педагогические выводы, касающиеся представлений о социальных формах различных обществ в историческом процессе, а также и о личностях этих обществ. Так как чувства, отражают качества внутреннего мира души и представляют собой надежное средство допуска во внутренний мир, без чего воспитание бесплодно. Персональную значимость он придавал нравственности, ее становлению и развитию. В психологической сущности нравственных чувствований социолог видел их взаимосвязь с внутренними интеллектуально-мыслительными процессами.

Ключевые слова: Личность, нравственность, философско-критический подход, человек, достоинство, духовный мир, концептуальный взгляд, смысл жизни, мировоззрение.

К числу историков-социологов, оказавших влияние на русскую мысль XIX–XX века допустимо причислить профессора МГУ М.М. Ковалевского (1851–1916). Он был активным политическим деятелем России: летом 1905 г. во время революции он с энтузиазмом принимал участие в политических событиях. Осенью того же года после участия в деятельности в Московском съезде земских и городских деятелей, а позднее становится одним из лидеров и основателем Партии демократических реформ, членами которой были общественные деятели типа В.Д. Кузьмина-Караваева и князя С.Д. Урусова. Одновременно М.М. Ковалевский активно печатался в многоразличных органах прессы. Следствием большой популярности было его избрание (1906) депутатом Первой Государственной думы от Харьковской губернии. Он работал в ней председателем Комиссии по составлению наказов [4], входя также и в четыре другие комиссии, параллельно выступая в Думе 62 раза по ряду проблем. В июле возглавлял делегацию Государственной Думы России на 14-й международной межпарламентской конференции в Лондоне. А далее (1907) его избрали членом Государственного Совета от сферы образовательных учреждений. Год спустя он вступает в должность Президента Педагогической академии столицы, а в 1914 г. избирается председателем Петербургского юридического общества. Из вышеизложенного очевидно, что это был высокопрофессиональный социолог, блестяще знающий философию, юридическое право и разбирающийся в психологии людей человек. Вдобавок ко всему он был видным активистом масонского движения в России начала XX века. Будучи посвященным последовательно в степени «ученик», «подмастерье» и «мастер» в течение одного дня (14.03.1888) он стал членом Парижской ложи «Космос». Однако до начала века по сути там только числился. Возобновив активное членство после приезда в Россию 6.2.1905 он вместе с другими людьми в ноябре 1906 г. стал членом-основателем ложи «Возрождение» как отделения ложи Великого востока Франции в Москве, в степени «достоимый мастер» и «первый страж». Патент на открытие ложи был лично подготовлен и получен М.М. Ковалевским 15.11.1906. Она начала практическую деятельность в 1908 г. Знак ложи представлял собой изображение птицы феникс, возрождающейся из огня, причем феникс был заключен в треугольник, окруженный кругом. Он стал основателем и достоимым мастером петербургских лож «Полярная звезда» и «Феникс» (1915). Русский социолог, как метафизически мыс-

лящий человек, прекрасно понимал, что «невозможно дать ответ на вопрос о смысле жизни, оставаясь в границах самой жизни». Лишь в этом подходе «смысл жизни оказывается связанным жизнью с Богом, историческим прогрессом, воплощением определенной идеи, всем, что превосходит жизнь отдельного человека». Ибо «философствование по самой своей природе метафизично: вне и над-природно» и познаваемо только с позиций «не от мира сего» [13, 483].

М.М. Ковалевский, как тесно знавший К. Маркса (который плагиаторски использовал его идеи о первобытнообщинном обществе) и Ф. Энгельса, полагал, что историческая закономерность есть стремление к продвижению любого общества от его низших к более высшим стадиям. Но динамике прогресса мешает «противопоставление бедности и богатства, рознь между имущими и неимущими». Для снятия этой антиномии он считал важным регулирование государством собственности для пользы земледельцев или рабочего сословия, законодательное право каждого на труд, свободно-автономную жизнедеятельность профсоюзов. При постепенности изменения общества движение к прогрессу более стабильно, нежели в быстром темпе, поэтому эволюционный путь предпочтительнее революционного, ибо прогресс допустим при условиях разумного законпорядка. Теоретическую и методическую основу творческих достижений М.М. Ковалевского составляла философско-методологическая концепция современного ему позитивизма.

Но он никоим образом не был последователем материалистического восприятия событий истории, и категорически не принимал тезисы согласно которым социальная жизнь обуславливается исключительно материально-производственными отношениями. Тем более он не принимал идеи марксизма, всячески поддерживая конституционную монархию. В тоже время он изучал и прекрасно знал позитивистскую теорию множественности различных факторов общественного развития, которую трансформировал [3] в своих исследованиях в виде теории функциональных связей общественных явлений.

Юридическо-социальная позиция М.М. Ковалевского исходила из тезиса, что любое право [2] (гражданское, социальное, уголовное, политическое и т.д.) всегда является продуктом эволюционного развития общества, и оно всегда обусловлено потребностями социума-общества в социальной солидарности. Философ-социолог полагал, что право возникло из необходимости солидарности до существования государственных институтов и независимо от них. Государство и право он рассматривал не как следствие классовой борьбы, а как выражение мира и общественной сплоченности. Русский мыслитель как будто интуитивно предчувствовал, что классовая борьба в России неизбежно вырождается в иезуитско-изуверскую логику рассуждений члена Коллегии ВЧК М.И. Лациса (Яна Фридриховича Судрабса).

Он писал: «Мы истребляем ненужные классы людей. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советов. Первый вопрос – к какому классу он принадлежит, какого происхождения, воспитания, образования, профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом – смысл и сущность красного террора» [7]. Это и не удивительно, ибо ленинско-сталинско-советский, как и гитлеровско-националистический «коллективизм не видит природы человека, он глух к экзистенциальным запросам личности, ибо растворяет человека в социуме». В толпе, по А.А. Гитлеру (Шилькгруберу) или в массе по В.И. Ульянову (Ленину) «индивидуализм обособляет человека, а коллективизм растворяет его и оба промываются мимо человека» [11, 276]. Кстати, слово «промах» по-гречески означает «грех». Здесь связь православия, социологии и экзистенциализма. Для понимания личности человека философу-психологу следовало отделить в составе человеческого сознания его лично-психологические состояния, как проявленности собственно состояния «Я» от всего того, что дано человеку извне, – через его тело и вообще посредством внешнего, окружающего человека мира.

Отсюда возможен вывод о том, что жизнедеятельность «Я» человека состоит из поступков, осуществляемых им в соответствии с его влечениями, стремлениями, хотениями и волевыми желаниями. Иначе говоря, жизнь человека представляет собой духовно-практическое осуществление его воли, направленной внутренне-личностными побуждениями. Интересы, помыслы и страсти вместе с представлениями о добре и зле формируют мотивационное направление поведения человека, а факторы внешнего мира в рамках которых проявляются внутренняя направленность, соединяют в единую целостность состав сознательной жизни человека. Окончательный выбор поступков делается личностью, синтезом идеального и эмпирического «Я», как системой устойчивых побуждений:

- что человек хочет для своего духа, своей души и своего тела, а также для своей семьи, активен-деятелен он или пассивно-созерцателен, какой тип его личности,
- к чему человек стремится конкретно и в общем, в ближайшей и отдаленной перспективе своего существования, как он относится к духовным идеям спасения или бесстрастия,
- как человек оценивает и каким способом он понимает окружающий его мир, – природу, отдельных людей, государство, общество в целом, как видит свое место в структуре бытия,
- каким образом человек формирует социально-культурные межличностные отношения, его стиль письма, устного общения, мышления, самопознания,
- чего человек избегает, а к чему стремится, какова его личностная система нравственно-социальных и политических ценностей, представление об идеале или совершенстве,

- против чего человек готов бороться и за что персонально, – за какой смысл жизни, какое государство и какую цель, на что он категорически не согласен.

По М.М. Ковалевскому, «муравейник, пчелиный улей, птичья стая, или толпа кочевников, является, прежде всего, замирённой средой, из которой устранены элементы борьбы; место борьбы занимает в ней солидарность или сознание общности преследуемых целей и взаимозависимости членов группы друг от друга». Он не принимал божественный исток власти государства и идею общественной договоренности рассматривая право, как психическое явление [5]. Основой государственного общежития, писал социолог, является психологический мотив в виде готовности к подчиненности. Власть возникает в результате психологического воздействия на массы со стороны разумно-свободной одаренной личности. Философ понимал, что сам предмет психологии есть «здоровая творческая личность. Целью такой личности являются не потребность в гомеостазе, как считают сторонники психоанализа, а самоосуществление и самоисполнение себя человеком, самоактуализация» [1, 500]. Личность при этом жестко отделена от телесных и душевных или психических ощущений и состояний самого человека: она как особое онтологическое начало бытия в определенной степени исполняет функции самоанализа и самонаблюдения человека. Н.О. Лосский указывал, в соответствии со своей философской теорией интуитивизма в мире, что «все сознательные процессы, поскольку мы относим их на основании непосредственного чувства к своему «Я», заключают в себе все элементы личностно-волевого акта и» обуславливаются «моими стремлениями». Понятия психических состояний характеризуются личностно-переживаемым оттенком, проявляемым самоощущением «мой» или «мое». Но его неизменным предикатом является безусловная ссылка на то новое, что в подобном акте постоянно присутствует личностно-волевой элемент активного стремления, как чувства влекущего за собой удовлетворение или напротив, неудовлетворение событием или ситуацией в жизни. Примечательно, что современник М.М. Ковалевского философ Н.О. Лосский искренне считал, что «Я» есть субстанция, непосредственно сознающая все свои стремления как свои акты, производимые ею сообразно своим стремлениям» [9, 110]. Это касается как личного поведения, так и деятельности во внешнем мире буквально каждой личности – в политическом, экономическом и социально – религиозном смысле. Источник возникновения любой общественной власти кроется «не в каком-то никогда не имевшем месте договоре народа с избранным им вождём, а в психическом воздействии личностей, способных к инициативе, к творчеству, на массы, не способные ни к чему иному, как к подчинению своей деятельности чужому примеру и руководству». В своем произведении «Очерк о происхождении семьи и собственности»

М.М. Ковалевский применял нижеследующую личностную терминологию:

- на «заре человечества отдельная личность была еще менее готова к борьбе, еще слабее разумом и даже телом, чем» цивилизованный человек.
- человек, видя, «что предметы вокруг него не имеют тех свойств, которыми он сам наделен, – не разумны и не свободны, – назовет их вещами и наложит на них руку. Таким образом, из личности, осознающей свое право на вещи возникает собственность».

Данное использование понятия «личность» содержит в себе свойства стремления к творческому преобразованию окружающего мира человеком-личностью, распоряжения своим разумом и телом. Личность обладает свойствами разума и свободы, следствием которых является социальный факт присвоения вещей человеком и право собственности на вещи, предметы земледелия или охоты, включая собственность и на живые существа.

- «в патриархальную эпоху муж был неограниченным властелином над личностью и имуществом жены. Это создало неограниченную власть мужа.
- в египетской морали опека мужа «над личностью жены» препятствовала прелюбодеянию последней и сохраняла не смешиваемость социальных каст.

В данных примерах под личностью понимается не собственно целостный человек, но его социальный статус, который охраняем даже древним египетским законодательством. При этом, «единичность и личность – зло, всеобщность и безличность – добро, а выпадение из» общественной усредненности «небытия в индивидуальность карается смертью, возвращением в небытие» [12, 389–390]. Ибо выпадение из безличности в личность, из всеобщности в единичность, в египетском и советском типах мышления означает одновременно и личную вину, и личное преступление осмелившегося из субъекта коллективизма стать личностью человека.

Внутренняя духовная свобода человека как личности «подразумевает состояние свободы перед лицом Бога, которое может проявиться в молитве – личной и литургической» [8, 288]. Религиозный опыт в данном конкретном контексте проявляется через личную «религиозность и идеи «воли к смыслу» и «духовного бессознательного», мистическое проявление «парадоксальной манифестации трансцендентного в имманентном» [10] (С.Н. Булгаков). А все имманентное сознанию на его пути познания, чувственных содержаний аспектов личных восприятий, мысленное наполнение каждого понятия, суждения или умозаключения в сущности и составляет саморегулируемое переживание человека, присущее ему как душевная или психическая жизнь.

- «кроме предоставленных отцу прав над личностью своих детей, ему принадлежали также и другие права над их имуществом».

- «все приобретенное сыном принадлежит отцу, главе общины. Отец и сын признаются почти одной личностью».
- «в патриархальной семье» было «полное подчинение отдельной личности общине и ее представителю – отцу и мужу. Неизбежным следствием этого было полное уничтожение в семье индивидуальной свободы» [6, 114].
- поэтому «отношения в общине поддерживают скорее привязанность к прошлому, чем заботу о будущем, и послушание, скорее, чем инициативу» человека». Это было цитированное мнение французского социолога Е. Лавеле.

Приведенные контексты терминологических применений слова «личность» проявляют его смысл в том, что личностью именуется человек как социальный субъект семьи или общины – сын, который как сам, так и его имущество находились в полном распоряжении отца – главы семьи (общины). Сын был не столько полноценной личностью, сколько индивидуальным субъектом, не имеющим свободы выбора своих действий в обществе, и одновременно лишенным права распоряжаться даже своими вещами. Налицо социальный феномен патернализма, как такой системы взаимоотношения людей друг с другом, при которой, принятие всех решений для обеспеченности общим благом законодательно передается авторитетным, старшим и опытным людям. Все вопросы решаются отцом, а сын и прочие члены семьи обязаны слепо исполнять любые отцовские указания и приказы. Свобода, как личностное свойство в данной системе семейных взаимоотношений принадлежит только отцу. Отсюда и ситуация, когда:

- «насиленно удерживая умы в состоянии материального и морального принуждения община сковывает то свободное развитие личности, которое она получила бы при независимом положении» [6, 114].
- поэтому «в основании всех жалоб на общинный строй лежит настоятельная потребность каждого обеспечить себе свободу».
- люди, «которые выделяются желают прежде всего принадлежать самим себе, отделаться от всяких стеснений и чужой указки, иметь возможность сообразовывать свои действия со своими планами, – быть личностью, а не ничтожной частицей целого» [6, 116].
- отсюда следовал непреложный вывод о том, что «семейную общину разлагает инстинкт индивидуализма, побуждая взрослых членов семьи требовать свободного распоряжения тем, что они сами приобрели» [6, 116].

Таким образом, понятие «личность» приобретает в социальной практике России начала XX века значение духовного состояния обособленной независимости человека, помноженное направо полного распоряжения своим нажитым имуществом. Разум и свобода, умноженные творчеством и трудом, взрывают изнутри архаические формы общинного жительство российского сельского сословия. Следует также подчеркнуть, что в отноше-

нии женщин со времен Петра Первого были уложения, признающие за женой «право защищать свою личность и имущество против покушений со стороны мужа».

Хотя они и противоречили установленному порядку о «неограниченном послушании жены» мужу в русских законах. Впрочем, справедливости ради, М.М. Ковалевский отмечает, что и в английских законах уравнивание прав мужа и жены как двух разных личностей [6, 129], было относительно достигнуто только в 1882 г. по делам разводного характера. Древнерусское право в этом щепетильном отношении уже допускало подобный развод при наличии действий, открыто позорящих супруга или супругу: если было доказано «дурное поведение или оскорбление одним из супругов личности другого» [6, 131]. В некоторой редакции под личностью М.М. Ковалевский понимал отчуждение личного имущества у сына отцом в общинной структуре. Он же сетовал на отсутствие «ограничений родительской власти по отношению к личности ребенка» в российском праве начала XX века. Таким образом, им под понятием отдельной личности имеется ввиду отдельно воспринимаемый ребенок или разумно-свободно действующий взрослый человек, способный осознанно распоряжаться своим имуществом.

Литература

1. Ждан А.Н. История психологии: от Античности до наших дней. – М: Академический проект, 2018. – 587 с.
2. Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. – М: Типография Ф.Б. Миллера, 1880. – 72 с.
3. Ковалевский М.М. Экономический строй России (Перевод с французского) – СПб: Типография П.П. Сойкина, 1899. – 148 с.
4. Ковалевский М.М. Русская конституция свободы. – Санкт-Петербург: Типография С.М. Пропера, 1906. – 48 с.
5. Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в С.-Петербургском Университете и Политехникуме, 1907–1908 – СПб: Издание студента Н. П.-м., 1908. – 510 с.
6. Ковалевский М.М. Очерк о происхождении семьи и собственности. – М: ОГИЗ, 1939. – 188 с.
7. Лацис М (Судрабс Я.Ф.). Два года борьбы на внутреннем фронте. – М: Госиздат, 1920. – 81 с.
8. Лаут Э. прот. Современные православные мыслители: от «Добротолюбия» до нашего времени. – М: Паломник, 2020. – 620 с.
9. Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. – М: Русский путь, Викмо – М, 2008. – 398 с.
10. Психология религии в России XIX – начала XX века: коллективная монография. – М: ПСТГУ, 2019. – 536 с.

11. Рябов П.В. Экзистенциализм. Возраст зрелости. – М: Панглосс, 2019. – 368 с.
12. Рябов П.В. Экзистенциализм. Период становления. – М: Панглосс, 2019. – 463 с.
13. Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. – СПб: Алетейя, 2020. – 544 с.

IDEAS ABOUT THE INDIVIDUAL IN THE WORK OF THE RUSSIAN THINKER M.M. KOVALEVSKY

Sizintsev P.V.

Graduate of the graduate school of MPDA

The article is devoted to the analysis of the ideas about the personality in the work of the Russian thinker M.M. Kovalevsky with a psychological and personality understanding of all the elements of his works (taking into account the sources involved, the considered tendencies of thinking, and the evaluation of the criteria used by him). This was influenced by the religious philosophy of W. James, who had innovative conceptual approaches and methodological schemes. The spiritual world is a world of thoughts and feelings, good and evil. The educated worldview represented a systematic set of views of a person on the world around him, society and himself. Based on the worldview, a person determined the meaning of his life. The author conducted a historical and critical review in social and philosophical views. The philosophical and religious worldview theoretically generalized the experience of spiritual and practical development of the world. Based on the results of his own numerous research in the scientific field, the sociologist formulated practical and pedagogical conclusions concerning the ideas about the social forms of various societies in the historical process, as well as about the personalities of these societies. Since feelings reflect the qualities of the inner world of the soul and represent a reliable means of admission to the inner world, without which education is fruitless. He attached personal importance to morality, its formation and development. In the psychological essence of moral feelings, the so-

ciologist saw their relationship with internal intellectual and thought processes.

Keywords: Personality, morality, philosophical and critical approach, man, dignity, spiritual world, conceptual view, meaning of life, worldview.

References

1. Zhdan A.N. History of Psychology: from Antiquity to the Present. – M: Academic project, 2018. – 587 p.
2. Kovalevsky M.M. Historical-comparative method in jurisprudence and methods of studying the history of law. – M: Printing house F.B. Miller, 1880. – 72 p.
3. Kovalevsky M.M. The Economic System of Russia (Translated from French) – St. Petersburg: P.P. Soykina, 1899. – 148 p.
4. Kovalevsky M.M. Russian constitution of freedom. – St. Petersburg: Printing house S.M. Propper, 1906. – 48 p.
5. Kovalevsky M.M. General constitutional law. Lectures delivered at the St. Petersburg University and the Polytechnic, 1907–1908 – St. Petersburg: Publishing of the student N. P-m., 1908. – 510 p.
6. Kovalevsky M.M. Essay on the origin of the family and property. – M: OGIZ, 1939. – 188 p.
7. Latsis M (Sudrabs J.F.). Two years of struggle on the home front. – M: Gosizdat, 1920. – 81 p.
8. Louth E. prot. Contemporary Orthodox thinkers: from “Philanthropy” to our time. – M: Pilgrim, 2020. – 620 p.
9. Lossky N.O. Memories. Life and the philosophical path. – M: Russian way, Vikmo – M, 2008. – 398 p.
10. Psychology of religion in Russia XIX – early XX century: a collective monograph. – M: PSTGU, 2019. – 536 p.
11. Ryabov P.V. Existentialism. Age of maturity. –M: Pangloss, 2019. – 368 p.
12. Ryabov P.V. Existentialism. Formation period. –M: Pangloss, 2019. – 463 p.
13. Philosophical projective dictionary. New terms and concepts. – SPb: Aleteya, 2020. – 544 p.

В.И. Несмелов как философ и богослов

Фисенко Григорий Федорович,

аспирант, кафедра философии и культурологии,
Тульский государственный педагогический университет
имени Л.Н. Толстого
E-mail: vipger@bk.ru

В статье рассмотрено творчество казанского учёного В.И. Несмелова как философа и теолога. Отмечается тесное слияние этих двух подходов в научных изысканиях автора. С одной стороны, все его произведения посвящены теме взаимоотношения человека с Богом, сущности религиозного чувства, его месту в структуре человеческой личности. С другой стороны, любую поднимаемую проблему В.И. Несмелов старается решать с научной точки зрения, используя подходы и методы науки, получившей значительное развитие на рубеже XIX–XX вв. Рассматривая вопросы смысла жизни, нравственности, соотношения веры и знания, первородного греха, доказательства бытия Бога, определения религии и многие другие, В.И. Несмелов стремится к синтезу философии, психологии и богословия, к поиску нового метода, позволяющего точно и логично решать вопрос о религиозной составляющей человеческой жизни. Религиозная антропология служит в трудах В.И. Несмелова развиту научного антропоцентризма.

Ключевые слова: Виктор Несмелов, религиозная философия, философская антропология, религиозная антропология, метафизическая психология, богословие, наука.

Виктор Иванович Несмелов (1863–1937) был видным представителем российской духовно-академической науки рубежа XIX–XX вв., профессором Казанской духовной академии, разработавшим вопросы религиозной сущности человека в русле религиозной антропологии и метафизической психологии. Им созданы значительные религиозно-философские труды, наиболее значимым из которых стала работа «Наука о человеке» (1896–1903) в двух томах. Философское творчество В.И. Несмелова, как, собственно, и других представителей духовно-академической науки, было прервано начавшейся в 1917 году революцией, его труды на долгое время оказались в забвении, были невостребованными. В то же время картина русской философии будет неполной без таких важных фрагментов, как антропологические и психологические идеи В.И. Несмелова, как его представления о нравственности, о соотношении религии и науки, о смысле жизни, об объективной реальности, как созданная им концепция человека.

Начиная с конца XX века, творчество В.И. Несмелова вернулось в научный оборот. Начался новый, спустя столетие, этап осмысления наследия этого значительного русского религиозного философа, в трудах которого обнаружилось немало идей, не утративших свою актуальность и сегодня. А.Ю. Бердникова рассматривает психологическое доказательство бытия Бога в трудах В.И. Несмелова [1], М.Я. Дворецкая и А.О. Турина – разработку учёным вопроса о смысле жизни [5], А.В. Добин – соотношение в его трудах позитивизма и эмпиризма [6], Д.А. Немова – обоснование философом феномена веры [10]. Более всего внимания уделяется анализу В.И. Несмеловым человека, его личности, его связей с божественной сущностью [3; 4; 7; 8]. Перечень работ, посвящённых творчеству В.И. Несмелова в современном научном пространстве, показывает, что различные учёные обращаются к наследию В.И. Несмелова как философа и как богослова.

Целью настоящего исследования стало выявление в научном творчестве В.И. Несмелова составляющих, связанных с двумя основными направлениями его изысканий – философским и теологическим. Основным принципом анализа стал историко-философский, также использовались методы анализа и синтеза, интеграции и дифференциации, описания и наблюдения и др.

Как философ В.И. Несмелов был представителем русской религиозной философии, а точнее, религиозной, православной антропологии. Данное направление научных изысканий ставит своей целью выяснение сущности человека, поиск отве-

тов на вопросы о личности человека, о соотношении в нём материального (телесного) и духовного, о природе взаимоотношений человека и Бога.

Для В.И. Несмелова было характерно стремление анализировать вопросы сущности человека и его отношения к Богу с глубоко научных позиций. Христианскую религию, естественность и важность которой исследователь не подвергал сомнению, он рассматривал в контексте антропологии, гносеологии и психологии. Будучи компетентным в наиболее значимых научных достижениях своего времени, В.И. Несмелов поставил перед собой оригинальную для представителя религиозной науки того времени цель обосновать важнейшие религиозные постулаты и принципы с научных позиций. Несомненно, такое внимание к научной стороне познания мира и Бога было связано для В.И. Несмелова с прогрессом естественных и других наук, наблюдаемым им. Динамика развития «положительной» науки вызывала у него желание не противостоять ей, продолжая отстаивать религиозные истины в умозрительном и догматическом ключе, а войти в её русло, научиться пользоваться её методами и с их помощью проникнуть в суть духовной реальности. Этот подход, несомненно, был революционным для науки того времени.

Как учёного-философа, В.И. Несмелова привлекало множество проблем. Он рассматривал вопросы смысла жизни, нравственности и педагогики, вопросы соотношения веры и знания, религии и науки, философии и «положительных» (естественных) наук.

В то же время, признавая высокую значимость процесса научного познания и используемых естественными науками методов исследования, В.И. Несмелов считал невозможным их применение для доказательства (или опровержения) бытия Бога и каких бы то ни было религиозных истин. По его мнению, существование Бога не нуждается ни в каких доказательствах, оно абсолютно достоверно и не требует проверки. Научный подход необходим для другого – чтобы наилучшим образом, наиболее полно и точно понять суть отношения человека и Бога, без искажений и домыслов осознать природу возникновения и развития религиозного чувства.

Вопрос о смысле жизни, важнейший для философии, В.И. Несмелов затрагивает в различных своих трудах и полностью посвящает ему публичную лекцию «Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного Откровения», произнесённую в Казанской городской думе и опубликованную в 1895 году. В решении этого вопроса он проявляется смелость и оригинальность. В науке того времени широко высказывалась мысль о том, что смысл жизни человека должен быть связан с обществом, общественным служением, подчинением себя социальным правилам и т.п. В частности, эту идею активно развивал Л.Н. Толстой, обладавший в науке не меньшим авторитетом, чем в литературе. В.И. Несмелов находит в се-

бе силы противостоять этой научной тенденции и отстаивать противоположное мнение. Он пишет: «Большая часть существующих решений этого вопроса сводится к тому, чтобы возложить на человека обязанность искать в жизни не своего собственного блага, а блага всех людей, – со всеми другими людьми быть счастливым и вместе с другими страдать» [12, с. 82]. В.И. Несмелов заявляет о надуманности данного подхода и высказывает мнение о том, что в человеке гораздо больше индивидуального, чем общественного; подчиняясь же социуму, теряя в нём себя, человек рушит свою природу, что не может послужить ни его собственному благу, не благу того социума, частичкой которого он пытается стать. По мнению исследователя, социальная сущность человека – вымысел, поскольку «всякая обязанность всегда и непременно условна» [Там же, с. 83]. Жизнь для блага общества, несомненно, может быть полезной обществу, послужит развитию культуры и цивилизации, но она противоречит природе человека, основным принципом существования которого, по В.И. Несмелову, является необходимость жить «не как ему придётся, а как ему хочется» [Там же, с. 68], а также обретение «нравственно-полезного удовольствия» [Там же, с. 69]. Данной изначальной направленности личности человека, по мнению В.И. Несмелова, наилучшим образом соответствует христианская религия и конкретно православие. Именно в рамках этой религии человек «существует не для мира, а для себя самого, мир же существует лишь в качестве средства для осуществления верховной цели человеческой жизни» [Там же, с. 72]. То есть не человек существует для мира, а мир – для человека, а ставший счастливым в этом мире человек, бесспорно, сделает лучше и мир вокруг себя.

Вопрос о нравственности В.И. Несмелов затрагивал в первую очередь в своём ключевом труде «Наука о человеке». В выстроенной им здесь концепции человека нравственность выступает как неотъемлемая составляющая человеческой личности, как качество, присущее человеку по его природе. Человек, по В.И. Несмелову, стремится к нравственности, испытывает в ней потребность. Именно нравственное стремление и нравственное действие позволяют человеку устранить «то потрясающее чувство страдания, которое ментально и резко заставляет человека почувствовать жизнь как одну только невыносимую муку» [13, с. 198]. То есть нравственность необходима человеку, без неё он не смог бы существовать в условиях противоречия его жизни, в которой сочетаются и сталкиваются физическое бытие и точное представление об идеальном, духовном, изначальном присущее человеку понимание Бога.

Данные воззрения автора говорят о гуманистической направленности его научной мысли, о его внимании к человеку, его помыслам, надеждам, устремлениям, а также о развитии философом метафизической психологии как науки о душе,

о связи человека с Высшими силами, об отношении личности к жизни вечной.

Для В.И. Несмелова как учёного, являвшегося одновременно философом, теологом и психологом, важно было решить вопрос о соотношении веры и знания, религии и науки. В работе «Вера и знание с точки зрения гносеологии» (1913) им предпринята попытка обоснования полного синтеза веры и знания. В исследованиях того времени было распространено показательное, демонстративное разделение науки и религии и стремление установить средствами науки отсутствие Бога. В.И. Несмелов считает этот подход неверным. По его мнению, научные достижения должны служить не отречению от религии, а анализу религиозного чувства на новом уровне, новыми методами. То есть необходим «синтез веры и знания» [11, с. 10]. Науки, противоположные богословию, философ называет «положительными» и утверждает, что они по природе своей не могут вступать в противоречие с религиозными изысканиями, поскольку действуют в иной плоскости, опираются на различные данные и разные типы мышления. Не будучи противоречивыми, вера и знание могут объединиться в стремлении как можно точнее обосновать истинную сущность человеческой личности.

Для Несмелова-учёного основным подходом к решению научных проблем стал антропоцентрический, для которого «актуально положение о человеке как центре и высшей цели мироздания» [9, с. 4]. Этот подход широко распространился в XX веке, найдя отражение в самых разных науках – лингвистике, психологии, педагогике, экологии и др. В.И. Несмелов выступает у его истоков, предугадывает развитие гуманитарного знания на целый век вперёд.

Как учёного-богослова, В.И. Несмелова привлекали вопросы первородного греха, доказательства бытия Бога, определения религии, обоснования объективной реальности, соединения в человеке духовного и материального начал и т.п. В решение каждого из этих вопросов В.И. Несмелов вносил научность, как и в решение научных проблем – свои религиозные воззрения.

Рассматривая проблему грехопадения, первородного греха, В.И. Несмелов также проявляет оригинальность и гуманизм. По его мнению, первородный грех и отступление первых людей от заповедей, завещанных Богом, не связаны с врождённой греховностью человека, а стали результатом случайности, ошибки, «обольщения первой жены со стороны змея-искусителя» [15, с. 397]. Не виновна в первородном грехе, как считает автор, и свобода, которую философ признает неотъемлемым свойством человека, компонентом его личности. В.И. Несмелов убеждает читателей, что обвинять первых людей в совершении ими греха было бы негуманным, поскольку у них не было опыта общения с миром и противостояния злу, они – «самая настоящая святая простота» [Там же, с. 399]. Человек выступает в такой концепции как непо-

рочный и чистый по своей природе, но, тем не менее, обязанный нести наказание за свои ошибки. Кроме того, такое понимание первородного греха позволяет В.И. Несмелову подчеркнуть силу Бога, поскольку в этом случае он не был побеждён даже на мгновение и зло не преобладало над добром ни разу в человеческой истории.

В теологическом плане интересно сформулированное В.И. Несмеловым доказательство бытия Бога, выводимое учёным из взаимосвязи человека и высших сил. Н.А. Бердяев пишет, что казанский философ «антропологически показывает бытие Бога и этим показанием философски утверждает объективную истинность христианства» [2, с. 55]. По мнению В.И. Несмелова, существование Бога доказывается самой личностью человека, в которой от природы заложено представление об идеальной, духовной реальности. Вполне научная апелляция при формулировке данного теологического постулата к личности человека послужила тому, что доказательство В.И. Несмелова стали называть «психологическим».

Решая теологическую проблему определения религии, В.И. Несмелов также связывает её с личностью человека и обосновывает религию как «форму самосознания и самоопределения человека» [14, с. 135]. То есть религия не приходит к человеку извне, как данное свыше знание или, тем более, как созданное кем-то учение. Религия продуцируется самим человеком, ощущающим её в собственной личности как «живое сознание некоторой связи между ограниченным бытием человека и безусловным бытием Божества» [Там же]. Пребывая в физическом мире, будучи тесно с ним связанным, человек стремится к религии, понимает её существование своей внутренней сущностью, природой. Путь к Богу – это путь снизу вверх, а не сверху вниз, как это встречается в более традиционных трактовках. Человек в данном случае выступает как существо значимое, наделённое способностью к самоопределению, оценке своей сущности и своей идеальной природы.

Итак, в творчестве В.И. Несмелова тесно слились богословская и философская составляющие, в результате синтеза которых образовалось оригинальное единство научной мысли, представляющее своеобразную научную концепцию. Для В.И. Несмелова принципиально важным было ввести в познание духовных истин научный элемент, начать применять в теологических исследованиях методы светской, естественной, «положительной» науки. Он был открытым науке, в которой чувствовал силу, за которой признавал перспективу и которую стремился объединить с богословием. Научные рассуждения В.И. Несмелова были тесно связаны с его религиозными воззрениями, а теологические изыскания – дополнены и наполнены научными взглядами.

В научных трудах В.И. Несмелова анализ человека с точки зрения науки и религии был целостным, более того, именно объединение двух данных точек зрения позволило учёному более глубо-

ко и разносторонне взглянуть на сущность человеческой личности с тем, чтобы понять место человека в мире, осознать особенности его движения по пути эволюционного развития.

Какие бы вопросы и проблемы ни решал В.И. Несмелов – философские или богословские – будь то проблема смысла жизни, нравственности, соотношения веры и знания, первородного греха, доказательства бытия Бога, определения религии или множество других, его мысли и воззрения всегда отличались гуманизмом, вниманием к человеческим чувствам, стремлением понять сущность души и личности человека, посмотреть на любую проблему с позиций человеколюбия, антропоцентризма.

Литература

1. Бердникова, А.Ю. Проблема психологического доказательства бытия Бога В.И. Несмелова в контексте его христианской антропологии: «за» и «против» / А.Ю. Бердникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2019. – Т. 23. – № 1. – С. 19–31.
2. Бердяев, Н.А. Опыт философского оправдания христианства (О книге Несмелова «Наука о человеке») / Н.А. Бердяев // Русская мысль. – 1909. – № 9. – С. 54–72.
3. Веселова, Е.К. Психологическая концепция человека в трудах В.И. Несмелова / Е.К. Веселова // Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций: Мат. Покровских пед. чтений. – СПб.: РГПУ, 2001. – С. 107–110.
4. Гаврюшин, Н.К. О богословском персонализме В.И. Несмелова / Н.К. Гаврюшин // Дамаскин. – 2017. – № 2 (39). – С. 17–21.
5. Дворецкая, М.Я. Смысл жизни в религиозно-философской антропологии В.И. Несмелова / М.Я. Дворецкая, А.О. Турина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2018. – № 48. – С. 121–127.
6. Добин, А.В. Позитивизм и эмпиризм «раннего» В.И. Несмелова / А.В. Добин // Научные исследования: от теории к практике. – 2016. – № 2–2 (8). – С. 63–66.
7. Замитов, В.Н. Метафизика человека в творчестве В.И. Несмелова: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – М., 2003. – 20 с.
8. Киносьян, В.А. Загадка человека: о философско-религиозном учении В.И. Несмелова / В.А. Киносьян. – Казань: Казан. гос. архит.-строит. ун-т, 2005. – 162 с.
9. Крылова, М.Н. Семантика современного русского сравнения. Лингвокультурологический анализ: монография / М.Н. Крылова. – Саратов: Вузовское образование, 2014. – 189 с.
10. Немова, Д.А. Феномен веры в гносеологии В.И. Несмелова / Д.А. Немова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11. – № 3. – С. 55–57.
11. Несмелов, В.И. Вера и знание с точки зрения гносеологии / В.И. Несмелов. – СПб.: Общество памяти игуменни Таисии, 2015. – 118 с.
12. Несмелов, В.И. Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного Откровения / В.И. Несмелов // Смысл жизни / Сост., общ. ред., предисл. и прим. Н.К. Гаврюшина. Вып. II. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – С. 65–92.
13. Несмелов, В.И. Наука о человеке: в 2 т. Т. 1: Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни / В.И. Несмелов. – Казань: Центр. тип., 1905. – 418, IV с.
14. Несмелов, В.И. Наука о человеке: в 2 т. Т. 2: Метафизика жизни и христианское откровение / В.И. Несмелов. – Казань: Центр. тип., 1906. – 438, II с.
15. Несмелов, В.И. О сочинении студента Лебедева Николая: «Библейское повествование о грехопадении первозданных людей в сопоставлении со сказаниями языческой древности и философскими гипотезами позднейшего времени» // Православный собеседник. – 1917. – Июнь-сентябрь. – С. 395–415.

V.I. NESMELOV AS A PHILOSOPHER AND THE THEOLOGIAN

Fisenko G.F.

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

The article examines the work of the Kazan scientist V.I. Nesmelov as a philosopher and theologian. The close fusion of these two approaches in the author's scientific research is noted. On the one hand, all of his works are devoted to the topic of man's relationship with God, the essence of religious feelings, and its place in the structure of the human personality. On the other hand, any problem raised by V.I. Nesmelov tries to solve from a scientific point of view, using the approaches and methods of science, which received significant development at the turn of the XIX–XX centuries. Considering the issues of the meaning of life, morality, the relationship between faith and knowledge, original sin, proof of the existence of God, the definition of religion, and many others, V.I. Nesmelov strives for the synthesis of philosophy, psychology and theology, for the search for a new method that will accurately and logically solve the problem of the religious component of human life. Religious anthropology serves in the works of V.I. Nesmelov to the development of scientific anthropocentrism.

Keywords: Victor Nesmelov, religious philosophy, philosophical anthropology, religious anthropology, metaphysical psychology, theology, science.

Reference

1. Berdnikova, A. Yu. The problem of psychological proof of the existence of God V.I. Nesmelov in the context of his Christian anthropology: "for" and "against" / A. Yu. Berdnikova // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. – 2019. – Т. 23. – No. 1. – S. 19–31.
2. Berdyayev, N.A. Experience of the Philosophical Justification of Christianity (About Nesmelov's Book "Science of Man") / N.A. Berdyayev // Russian Thought. – 1909. – No. 9. – S. 54–72.
3. Veselova, E.K. The psychological concept of man in the works of V.I. Nesmelov / E.K. Veselova // Dialogue of Russian secular and church educational traditions: Mat. Pokrovsky ped. readings. – SPb.: RGPU, 2001. – S. 107–110.
4. Gavryushin, N.K. On the theological personalism of V.I. Nesmelov / N.K. Gavryushin // Damskin. – 2017. – No. 2 (39). – S. 17–21.
5. Butler, M. Ya. The meaning of life in the religious and philosophical anthropology of V.I. Nesmelov / M. Ya. Dvoretzskaya,

- A.O. Turin // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology. – 2018. – No. 48. – S. 121–127.
6. Dobin, A.V. The positivism and empiricism of the “early” V.I. Nesmelova / A.V. Dobin // Research: from theory to practice. – 2016. – No. 2–2 (8). – S. 63–66.
  7. Zamilov, V.N. The metaphysics of man in the work of V.I. Nesmelova: author. dis. ... Cand. Philos. Sciences: 09.00.03. – M., 2003. – 20 p.
  8. Kinosyan, V.A. The mystery of man: about the philosophical and religious teaching of V.I. Nesmelova / V.A. Kinosyan. – Kazan: Kazan. state architect-build un-t, 2005. – 162 p.
  9. Krylova, M.N. Semantics of modern Russian comparison. Linguoculturological analysis: monograph / M.N. Krylov. – Saratov: University education, 2014. – 189 p.
  10. Nemova, D.A. The phenomenon of faith in the epistemology of V.I. Nesmelova / D.A. Nemova // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2011. – T. 11. – No. 3. – S. 55–57.
  11. Nesmelov, V.I. Faith and knowledge from the point of view of epistemology / V.I. Nesmelov. – SPb. : Society for the memory of Abbess Taisia, 2015. – 118 p.
  12. Nesmelov, V.I. The question of the meaning of life in the teachings of the New Testament Revelation / V.I. Nesmelov // The meaning of life / Comp., Total. ed., foreword. and approx. N.K. Gavryushin. Issue II. – M. : Progress-Culture, 1994. – S. 65–92.
  13. Nesmelov, V.I. The science of man: in 2 volumes. Vol. 1: Experience of psychological history and criticism of the main issues of life / V.I. Nesmelov. – Kazan: Center. type., 1905. – 418, IV p.
  14. Nesmelov, V.I. The science of man: in 2 volumes. Vol. 2: Metaphysics of life and Christian revelation / V.I. Nesmelov. – Kazan: Center. type., 1906. – 438, II p.
  15. Nesmelov, V.I. On the essay of the student Nikolai Lebedev: “The Biblical story about the fall of primordial people in comparison with the legends of pagan antiquity and philosophical hypotheses of later times” // Orthodox interlocutor. – 1917. – June-September. – S. 395–415.

Постчеловечество на примере популяризации гибридов в искусстве трансгуманизма

Хвастунова Юлия Викторовна,

к. филос.н., доцент, кафедра права, философии и социологии,
Горно-Алтайский государственный университет
E-mail: hvastunovoy@mail.ru

В статье анализируются сходства и тождественность концепта трансчеловек/постчеловек современного проекта Human Enhancement Technologies» (HE) с оккультно-магическими представлениями о сверхсуществах-гибридах. *Целью статьи* является анализ характеристик трансчеловека и постчеловека на предмет их представленности в современной массовой культуре и конкретно в искусстве, где растет количество арт-объектов, персонажей-героев гибридного плана (монстры с антропоморфными, зооморфными, растительными и механическими характеристиками). *Научная новизна* заключается в критическом анализе теоретических построений теории трансчеловека/постчеловека и их презентации в искусстве современных художников: М. Барни и П. Пиччинини. *В результате* исследования выявлена тождественность новых «инновационных» трансгуманистических идей с оккультно-магическими представлениями древних цивилизаций о сверхсуществах, последние несут угрозу целостности человека и общества.

Ключевые слова и фразы: трансгуманизм; трансчеловек; постгендеризм; Human Enhancement Technologies» (HE); New Age.

Актуальность темы определяется необходимостью критического анализа быстро развивающихся биотехнологий и соответственно ростом популяризации трансгуманизма, где техническая сторона прогрессирует быстрее, нежели ее осмысление, что создает проблемы как методологического, этического, так и антропологического плана. По мнению автора, трансчеловек и постчеловек идентичны существам из мифов древних цивилизаций, аналогичны характеристикам титанов и химер, описанных Гесиодом, сущностям, издревле почитаемых в оккультно-магических и гностических, а позже алхимических кругах. Современный формат монстров, вурдалаков (вампиров), волколаков, оборотней, зеркально отражается в феномене транс и постчеловека, снабженного имплантатами, представленного киборгами и аватарами со сверхспособностями. **Задачи** статьи: 1. Необходимо выделить основные характеристики пропагандируемого нового искусства в контексте трансгуманизма и его эстетики с точки зрения ценностной составляющей и будущего бытия (формы и содержания) трансчеловека и постчеловека, для понимания ближайших перспектив трансгуманизма; 2. Сопоставить и выявить сходство и отличия концепта трансчеловека и постчеловека с представлениями о сверхсуществах в оккультно-магических кругах.

Цифровые технологии начали воплощать то, что ранее пытались реализовывать оккультно-магические практики «Визуальную эру цифровой культуры с ее неизведанным потенциалом отличает явление виртуальной реальности и удивительных возможностей раздвигать, трансформировать пространства сознания» [Дриккер, Маковецкий, 2020, с. 548]. Рассмотрим данные процессы (реализацию идей гибридизации через концепт транс и постлюдей) в работах художников Мэтью Барни и Патрисии Пиччинини.

Теоретической базой статьи являются работы в области трансгуманизма Р. Курцвейла, Н. Бострома, С. Фуллера, М. Мора, Н. Вита-Мор, Д. Пирса, Д. Харувей [6; 12; 19; 7; 5; 8; 20]. Критический анализ трансгуманизма представлен в трудах В.А. Кутырева, Н.Н. Ростовской, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса [16; 18; 2–4]. Художественное преломление идей трансгуманизма о постчеловеке рассмотрены в работах перформера М. Барни и художницы П. Пиччинини [1; 17; 9; 11; 10].

Методы исследования. В широком смысле в науке существует методологическая диспозиция: а) биоконсерватизм (радикальный и умеренный) и б) технофилия, технологический радикализм,

где трансгуманисты развивают теорию управляемой эволюции. Первый представлен Ю. Хабермасом, В.В. Кутыревым, Н.Н. Ростовою, Ф. Фукуямой, а второй – трансгуманистами в их системе внедрения программы конвергенции НБИК технологий и проекта «Human enhancement (HE)» – М. Роко, В. Бейнбридж [10], Р. Курцвейлом, Н. Бостромом [6; 12], С. Фуллер, Д. [19] Харувей [5; 20] и др.

Методология трансгуманизма постоянно усиливается новыми аргументами и авторами. Д. Пирс предложил гедонистический императив, Р. Курцвейл «экспоненциальное мышление» (exponential thinking), С. Фуллер принцип проактивности, М. Мор и Н. Вита-Мор предложили дизайн трансчеловека и метод крионики (заморозки) тела как временную меру в ожидании открытия технологий воскрешения [см. 7]. Также С. Фуллер объясняет свою позицию по трактовке понятия «личность» поясняет «...я не ограничиваю понятие человека видом *Homo Sapiens*, биологической плотью и кровью или особым генетическим паттерном, потому что я не думаю, что мы когда-либо найдем такой паттерн. ...теперь возникает вопрос: какие сущности подпадают под такое сильное понимание личности как человека? По-моему, некоторые машины ...Искусственный интеллект, его продвинутые версии...Но я бы подошел к этой проблеме через тест Тьюринга: если я не способен отличить ответы, которые дает машина, от ответов обычного человека, то машина считается человеком! Думаю, в конечном счете, нам придется прийти к этому» [Фуллер, 2018, с 13, 15–16].

В трансгуманистической методологии наблюдается «игра со словами», понятиями, избыток метафор, выдаваемых за объективные факты. Так, для аргументации экспериментов над людьми без гарантий в области генетики, С. Фуллер, использует слово «фетишизация» в негативном ключе, т.е. разумные сомнения и осторожные действия генетиков, запрет на клонирование или редактирование человеческих генов (работа с эмбрионами) он относит к неправильным или почти суеверным практикам фетишизации. Насколько уместно использовать понятие «фетиш или фетишизация» к телу человека или правильнее к проблеме радикального вмешательства в геном человека, киборгизацию человека? Однако сами трансгуманисты фетишизируют технологии, прогресс, инновации, материалистическое бессмертие и идею вечной молодости в довольно узком методологическом диапазоне решений.

Или «игра слов» у Д. Харувей, так значение слова «компаньоны» объясняется как те, кто сидят за одним столом, но далее у нее вдруг к данному понятию относятся пища и едок [см. Naraway, 2008. p.11] Так мы доходим до утверждения что каннибал и его жертва – это компаньоны. Или зоофилия – это семья, или в духовном плане, например использование одних организмов другими (паразитизм) – это аренда или любовь между человеком и его агрессором (см. реализацию подобной идеи в фильме «Веном»). Трансгуманисты выявляют

и объединяют всех сторонников «размывания границы». Отменив сущность, субстанцию, и оставить отношения далее с такими «останками» можно манипулировать, то признавая их значимость, то объявляя все иллюзией, что Д. Харувей и делает. В рамках этой концепции осуществляется противодействие идеи человека: антропология против антиантропологии с ее утопическими монстрами и гибридами. Вернемся к теме статьи, в современном искусстве человека постоянно скрещивают и сращивают с различными объектами: с роботами, машиной, животными, растениями, неживой материей и упорно желают доказать правомерность, красоту, прогресс и достижение счастья через такие «операции». Но в этой идеи нет согласованности. Совершенство или прогресс предполагает качественное улучшение, возвышение и получение новых более высоких навыков и способностей, однако такие химерные эксперименты, которые описывают начало, затем как бы «теряют» объект, его дальнейшая судьба, его несчастья и беды уже не интересны.

Бросается в глаза одна особенность, такие сторонники подбирают слова и много говорят об иллюзорности границ и главное о равенстве и правах всех этих сущностей. Но вместе с тем в главных понятиях и своих метафорах обнаруживают до странности повсеместную терминологическую и понятийную неточность, что дает им возможность играть и/или подменять смыслы.

Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью изучения современного искусства в связи с его влиянием на подрастающее поколение, несением через него опасных идей, влекущих человечество к саморазрушению. Киборги, гибриды-монстры, аватары – это не люди, только мы (люди) очеловечиваем их в своем сознании, рискуя потерять все из-за своего наивного оптимизма. Трансгуманисты надеются, что киборги решат проблемы несовместимости. И тут как раз и приходит на помощь искусство и его методика внедрения в сознание человека художественными методами нужной идеи. Искусство, как бы шутя, играя, ненавязчиво и эмоционально предлагает новых химер и гибридов, а человек не критично «уже» расположенный присматривается, одобряет и затем и принимает такие новые стандарты, не замечая, что они несут и делают больше, чем говорят.

В трансгуманизме и постмодернизме активно используются элементы оккультно-магических, гностических теорий религиозности, духовной природы человека, животных и устройства мироздания. Все такие спорные антиэстетические каноны ложатся на концепцию управляемой эволюции, неминуемой гибели «ликвидации по практическим соображениям» человека и обязательно стремления к счастью и удовольствию путем «Human Enhancement Technologies», когда останутся лишь одни гибриды и мутанты. Выбрав игровую модель, что на самом деле реализует сценарий страшной игры, где игроки не понимают, что

будут «принесены в жертву». Пока же мы улавливаемся остротой впечатлений, иллюзиями и природным воображением. Человека постоянно стимулируют в сторону чувственности, инстинктивности, эгоизма и удовольствия. Мы все дальше от естественности и ближе к нужным стандартам и главное согласию на условия трансгуманистов.

Результаты исследования. Рассмотрим ситуацию популяризации трансгуманистического постчеловека в творчестве современного американского перформера – Мэтью Барни (Matthew Barney), в молодости работал моделью, занимался спортом, затем стал художником. Первая выставка прошла в 1991 г. в галерее Барбары Гладстоун «Matthew Barney: 00» [Cremaster Fanatic, 2021]. Рассмотрим некоторые его работы, которые технически представлены в виде фильмов, выставок, включающих скульптуры, фотографии, инсталляции, архитектуру и конечно, тела, особенно собственное тело М. Барни. Его любимые образы и персонажи: фигуры козлов (козлочеловек), рога, постгендеризм – перевоплощение в фавна / сатира с амбивалентными признаками, гиперсексуальность во всех его работах. Фильмы наполнены различными образами и метафорами, технически выраженными через тело. Само название фильмов «Кремастер – мышца втягивающая половые органы в тело в зависимости от падения температуры. ...с 1990... Кремастер исследует форму этих мышц в пяти различных состояниях. ...В Июле 2009-го совместно с Элизабет Пейтон проводит, на греческом острове Гидра (интересно, что даже название острова отсылает к греческому чудовищу, побежденному Гераклом), перформанс под названием «Кровь двух». Двух часовое действие заключалось в захоронении гроба с различными художественными артефактами. Похоронная процессия...гроб, украшенный акульей тушей, в сопровождении стада козлов – всё это создавало впечатление некоего сакрального действия...» [Оленич, 2021]. «Каждый из фильмов цикла Cremaster мыслился Барни как этап масонского посвящения и одновременно как этап развития человеческого эмбриона внутри материнского тела... Drawing Restraint представляет собой ...попытку нарисовать карту творчества через использование некоей сексуальной энергии... мое искусство – и шифр, и расшифровка...» [Кравцова, 2019]. Так серия фильмов, начиная с ««Кремастер-4» (первый фильм из цикла «Кремастер»), 1994 г. наполнен множеством символов, метафор: четка и гонки до изнеможения, прогулки под водой, фаллические символы, голые бесполое существа (М. Барни объясняет бесполость в т.ч. как гендерную неопределенность в первые семь недель развития эмбриона), четырехрогий баран, и постоянное деление всех процессов на пять частей. Следующие серии Кремастера – это 1 и 2 (1995 г., 1996 г.), посвящены истории убийцы Гэри Гилмора. Затем Кремастер-5, 1997 г., Последний фильм «Кремастер-3», 2002 г., в нем события разворачиваются преимущественно в Нью-Йорке,

в центре – здание корпорации «Крайслер», которое Барни отождествляет с масонским храмом. «Масоны используют архитектуру как способ инсказательно изобразить характер человека. ...Я очень уважительно отношусь к религиозной системе и символике масонов, но в Cremaster она просто помогает мне рассказывать свою историю... Эйми Маллинс в роли женщины-леопарда. Мэтью Барни считает себя реинкарнацией великого американского иллюзиониста Гарри Гудини» Кравцова, 2019].

Параллельно с созданием уже ранних фильмов М. Барни в 1996 г. первым в мире получил премию Hugo Boss Prize, учредил Музей Гуггенхайма в размере 100 тысяч долларов [Cremaster Fanatic, 2021]. Итак, через многослойную запутанную систему метафор и аллегорий, с включением в нее сексуальных мотивов и масонских ритуальных элементов. М. Барни героизирует биографии убийц (Gary Gilmore), фокусников (себя считает реинкарнацией Harry Houdini). Так «в «Кремастере-2»...Гилмор представлен трутнем, обреченным умереть после спаривания с королевой. Пчелинная королева выступает в качестве медиума на сеансе, проведенном с Фрэнком и Бесси Гилмор, чтобы вызвать дух Гудини и ускорить зачатие Гэри Гилмора... Гилмора казнят на соляной арене. ...В финале картины Гудини заканчивает магический акт, и вокруг него рассыпаются ледяные улы. ...»Кремастеру-2» соответствует вторая степень посвящения». Постоянные вставки с костями, кровью, разложением трупа в могиле и т.п. У М. Барни постоянно присутствуют монстры – сам в виде козлочеловека, сатира, мутанты например модель Э. Маллинс в виде женщины – леопарда в Кремастере 3 и другие гибридные инсталляции.

Творчество или вдохновение черпается М. Барни исключительно из сексуальной «духовной» энергии, а герои его работ – это убийцы, мошенники, фокусники, структура фильмов построена по типу масонских ритуалов, вера в реинкарнация, элементы восточных оккультных в т.ч. сексуальных практик обильно представлены в его искусстве или они почти полностью его и составляют. И постоянно обязательный элемент – это кровь, кровавые ритуалы, оскотление, жертва.

Еще один интересный популяризатор идей постчеловечества – австралийская художница Патрисия Пиччинини (Patricia Piccinini). Она на конкретном примере своего таланта воплощать фантастические образы воображения в реалистических проекциях-скульптурах, инсталляциях, фото и видео пытается размыть, адаптировать, сделать привычной практику совмещения (скрещивания, имплантации, клонирования) человека с биотехнологиями и различными существами. Для нее нет существенных различий и границ между искусственным и натуральным, между человеком и животным, между оригиналом и клоном, человеком и киборгом. Для подобных экспонатов она применяет стиль гиперреализма, который позволяет использовать сочетание реального с нереальным,

воплощать более реалистично различные модификации гибридов-монстров, химер, фантастических тварей, отсылая к «чуду» биотехнологий. П. Пиччинини пытается показать монстров «человечными», безопасными и красивыми, полными добра и позитивного потенциала. Симбиоз человека и гибрида, по ее мнению, это уже почти свершившийся факт и надо оптимистично смотреть на этот процесс. И еще одна ее задача, как исследователя гендерных вопросов и феминизма, показать «альтернативные интерпретации отношений женщин с технологиями» [Toffoletti, 2007, с 163] Пиччинини использует разные рекламные, стилевые и художественными приемы, а технически выбирает современные биоматериалы: силикон, цветовую фактуру, имитирующую реальную кожу и иные покровы, человеческие волосы, анатомические точно имитирование частей тела, морщин, складок и т.п. Она размещает монстров в уютной домашней атмосфере комнаты с ковриком, детской кроваткой, скамейкой в парке и т.п. Монстры-гибриды наделяются половыми функциями, например самка с детенышем и рядом человеческий ребенок. Все это создает у некоторых зрителей желание понять, подружиться, посочувствовать или даже стать похожим (рядом с монстрами располагаются модели людей, обычно красивые и часто с намеком на генно-модифицированные технологии). Но большинство зрителей все-таки находят их отвратительными и испытывают смешанные чувства. Ким Тофолетти, австралийский профессор социологии, написавшая книгу [Toffoletti, 2007], посвятила творчеству Патриции Пиччинини шестую главу, где анализирует отдельные работы, позитивно оценивая попытки слияния границ, подчеркивая «Взаимосвязанные биологические системы человека и животных становятся возможными благодаря как инструментам технауки, так и податливым качествам создания цифровых изображений. ...информационные и биологические сети плавно сливаются. ... Ее образы поднимают фундаментальный вопрос о том, что представляет собой идентичность, различие и бытие в постчеловеческую эпоху. Эти вопросы неизменно приводят к проблеме гендерных различий и ее потенциальному растворению в мире новых биотехнологий и репродуктивных практик» [Toffoletti, 2007, с 134]. Итак, насчет связи размыва границ, дело не в том, что такие технологии могут якобы гармонизировать, связать разные биологические системы и тем улучшить постчеловеческое общество, это не есть подлинное слияние, поскольку цена высока, в таком искусственном грубом слиянии сначала происходит слом, базовое изменение в системах обоих организмов, а потом уже слияние этих поломанных двух «конструкций» в итоге страдают обе, теряют целостность обе, индивидуальность и подлинное совершенство тоже. Из-за грубого нарушения границы, она сама не исчезает, а организмы-системы всегда будут напоминать, что случилась катастрофа, покалечившая исходные оригиналы. Здесь мы имеем дело с обычным

«высокотехнологичным» паразитизмом. Гибриды существуют за счет исходных прототипов. «Общество наводнено многочисленными и конкурирующими нарративами, которые одновременно воспроизводят и подрывают авторитет научной догмы. Именно из-за этого проскальзывания в практике означивания постчеловеческие фигуры могут предложить новые способы настройки нарративов генного дискурса, которые выходят за рамки историй происхождения...» [Toffoletti, 2007, с 134–135] Насчет парадокса, существования разновекторных конкурирующих нарративов и в т.ч. антинаучных и якобы такая ситуация создает возможность «...предложить новые способы настройки нарративов генного дискурса, которые выходят за рамки историй происхождения» [Toffoletti, 2007, с. 134–135]. Здесь нет парадокса как некоей странности, дело в том, что те же самые круги трансгуманистов которые вводили в науку сомнительные теории и вплоть до управляемой эволюции они же вводили и свои параллельно духовные представления (это работает по формуле: одно обуславливает другое: оккультизм обуславливает управляемую эволюцию и генные эксперименты над человеком) и они же поощряют создание, адаптацию и принятие новых постчеловеческих существ, что параллельно разрешает / запускает генетическую модификацию людей, разделение их на генные подвиды, гибриды, более адаптированные и менее адаптированные, долгоживущие (почти вечно, это для элиты) и краткосрочные или нацеленные на эвтаназию как обязательную норму в следствии выработки лимита действия. Естественное, самодостаточное и чистое сопротивляется разращению и смешению, поэтому биотехнологии будут осуществлять эту функцию посредством слома защиты между живым и неживым, но итог: живое станет полуживым/полумертвым, это логическое следствие процесса разбавления чего-либо. Лишившись основы человек, деградирует и падает все ниже и ниже – это закон. Поэтому трансгуманисты так усиленно и замещают естественного человека.

Применение рекламных уловок не честно в деле преподнесения биотехнологий (здесь необходимо объективно и серьезно углубляться и доносить информацию, поскольку это касается жизненно важных вопросов). Здесь есть стремление представить желаемое за действительное, а реальность может оказаться не очень привлекательной, ведь даже в лучшем идеальном исполнении эти шедевры вызывают у многих отвращение, страх, брезгливость. Возникает вопрос что первично, искусство или потребление, но давно этот вопрос снят, современное искусство живет, только если следует догме культуры потребления (капиталистической рыночной экономике и теперь трансгуманизму с его гимном цифровому миру), даже если это совсем не нравится людям. К. Тофолетти заявляет «“Стратегия размещения” Пиччинини показывает, что, поскольку этот культурный коллапс (стирание грани между высокой и низкой культу-

рой и т.п.) стирает различие между формами, мы больше не можем делать окончательные суждения о том, что хорошо или плохо...Конструкты Пиччинини – это пространство для созерцания сложности современной культуры, место, где абсолютизм дихотомической системы ценностей заменяется скомпрометированным видением. ...Сравнивая грызунов с женщиной, Пиччинини намекает, что пол также является моделируемой конструкцией. Гладкая, похожая на пластик кожа модели убеждает нас, что она не более реальна, чем ее гибридные друзья. Точно так же, как крыса-это цифровое изображение, так и женщина» [Toffoletti, 2007, с. 141]. Пиччинини здесь включается в «постмодернистские игры», реальность якобы спорна, сравнивает разновеликие системы, используя имитации: манекен женщины и крысы. К. Тoffoletti понимает что исследователи попали в плен информационно-цифровой метафоры «Эвелин Фокс Келлер, Донна Харауэй и Кэтрин Хейлз, наблюдали тенденцию к кодированию повседневной жизни, особенно в отношении тела. Каждый из них отмечает, что метафоры информации и кода лежат в основе культурного сдвига в представлении об организме как биологической сущности к тому, где он рассматривается как технологическая система» [Toffoletti, 2007, с. 143]. Итак, метафоры и «мода на цифру» легко гипертрофировали информационную модель образа человека и редуцировали самого человека до информационного кода, пакетов информации, генетической информации. Но все это части (составляющие) человека не равная ему самому! «Фиксированные формулировки тела и идентичности переопределяются таким образом, что святость человеческой сущности и идентичности заменяется множеством конфигураций, взаимосвязей и воплощений между органическими и технологическими системами, которые определяют постчеловека» [Toffoletti, 2007, с. 149].

Еще один вопрос – клонирование. Пиччинини создала несколько работ, раскрывающих ее видение коммуникации клона и человека. Так это работы “Натюрморте со стволовыми клетками” и Game Boys Advanced, 2002, В первом случае мы видим девушку, сидящую на коврик, а вокруг нее множества неопределенных биоморфных форм (см. Still Life With Stem Cells, 2002 <https://www.patriciapiccinini.net/127/83>). ...кожа, покрытая шишками, волосками и веснушками. Вены и крошечные капилляры пересекаются под поверхностью кожи. ...эти формы представляют собой продукты исследований стволовых клеток... девушка проявляет материнскую любовь к этим мутантным существам. ...нечто большее, чем неудавшиеся монстры технонауки. Удаленные из научной лаборатории и ее ассоциаций с мужественностью и контролем, эти продукты биотехнологических манипуляций кажутся нормальными, частью нашего повседневного существования» [Toffoletti, 2007, с. 150–151]. В натюрморте девушка тоже симуляция и возможно продукт стволовых клеток,

которые частью не получились и лежат комками, а частью получились в виде генномодифицированной девушки и вот теперь она с ними связана? Вторая работа представляет быстро стареющих мальчиков-клонов (Game Boys Advanced, 2002 <https://www.patriciapiccinini.net/245/83>), ... Морщины вокруг глаз, шеи и рук ... Их полупрозрачная, бумажная кожа напоминает щеку бабушки и дедушки ... время как дети кажутся однойцевыми близнецами, “продвинутое” состояние, в котором они находятся, указывает на то, что они не являются потомками естественных репродуктивных практик, а продуктами неудачных технологий клонирования» [Toffoletti, 2007, р 153]. Возможно, в социальном и антропологическом плане трансгуманизм стремится к клонированию, чтобы искоренить понятия «отец» и «мать», это следующие мишени после «семья» ведь таким образом человек «сломается» полностью, он действительно станет лишь конструкцией, набором пазлов, которые можно бесконечно комбинировать. Тoffoletti пишет «...клоны символизируют наше нынешнее культурное состояние, когда статус человека, идентичность и тело больше не фиксированы» [Toffoletti, 2007, р 157]. Итак, логика тоже очевидна, обозначить как прогресс выход за пределы системы: добро и зло (но это иллюзия, которая обычно превращает зло в постоянную увеличивающуюся гангрену) и якобы выживание требует гибридизации, но последняя способствует не выживанию, а деградации и смерти. Пиччинини снова попадает в плен «выдать желаемое за действительное», но мир устроен не так. Не человек создал вселенную и себя, мы пока еще не понимаем всей сложности мироздания и не знаем, как сами существуем, биотехнологии пока лишь имитируют действия вора и профана (ломаем, случайно получаем некие дивиденды). П. Пиччинини уже не видит какой-то четкой человеческой перспективы, неопределенности, а предлагает уже конкретное переходное место и таким местом станут – мутанты / гибриды, вот новая маячащая реальность эры Сингулярности! нас не спрашивают, хотим или нет, просто примем это...Через Патрицию трансгуманизм подбирается к женщинам, пытаюсь сыграть на их чувствительности, эмоциональности и нежности и даже материнских чувствах, но все это уйдет или не к месту в отношении мутантов. Итак, творчество Пиччинини – это ее понимание биотехнологий, «Human enhancement (HE)», ее реклама и идеологическая работа по приближения нового цифрового бестиария. Гибриды и монстры не новы, и отсылка к допотопным историям и постоянная раскрутка альтернативных, но одинаковых сюжетов в современных фэнтези о Супергероях – все не случайно и четко укладывается в логику оккультистов, либертарианцев и постгуманистов. Реально никаких альтернатив мы не видим, никто нам их не предлагает, а четко навязывает лишь одно видение. Задача таких пропагандистов внедрить мысль-убеждение, что нет оригинала, или он не являет-

ся основой для формирования и понимания тела, сознания, субъективности.

Выводы. Исходя из проясняющейся методологии трансгуманизма и его сближения, соотносительности с древними оккультно-магическими представлениями о «совершенствовании», характеристиках духовных существ, источнике знаний и технологиях. Итак, трансгуманистический концепт трансчеловека и постчеловека включает в себя следующие признаки: 1. Отсутствие уникальности, автономии, цельности, тайны в человеке; 2. Человек как конструктор, модификация, несовершенный и переходный вид, который заменит трансчеловек, затем постчеловек; 3. Путь управляемой эволюции задан программой конвергенции НБИК технологий в совокупности с оккультно-магическими методами усовершенствования психики (медитаций, ченнелинга, оккультно-магических ритуалов и заклинаний); 4. Трансгуманистическое искусство отказывается от традиционных ценностей и красоты, ориентируется на безобразное: бестиарных существ: гибридов, монстров (постчеловек как химера, состоящая из элементов человека, животного, киборга и «высших существ»). Отсюда популяризация, героизация в современной культуре безобразного во всех смыслах (убийство, раскрепощение, монстры-герои, каннибализм и т.п.); 5. Гибридизация и монстризация в сторону постгендеризма; 6. Включение элементов оккультной духовности в само искусство (в процесс создания шедевра, сам арт-объект как оккультно-магический акт, художник как маг или жрец, зрители как неопиты в мистерии, см. фильмы М. Барни).

Процесс наращивания присутствия трансгуманистической идеологии нуждается в критическом анализе, поскольку технологии реально вторгаются в нашу жизнь, а останавливает этот процесс лишь природное чутье, этические и эстетические барьеры традиционной сознания. Трансгуманистическое искусство почти всегда выбирает провокацию, скандал, эпатажность, «морок и обман»: метафоры, аналогии, иллюзии, недосказанность, ложь, сарказм и иронию. Человек умалывается, унижается, расчленяется, ставится под сомнение его целостность и высота духа. Человек срывается с каким-либо животным. Итак, химеризм, вампиризм, паразитизм, т.е. нуждаются в других, не автономны, поэтому все их искусство, идеология пиарится за счет чужих достижений, присваивая, пороча, хуля их. Такое искусство сродни инфекции, болезни, вирусу и как пандемия не случайно ускорилось, и запустила процесс цифровизации, т.е. перехода в сумраки, болезни, бестиарий и чувственность без рассуждения (отключить разум, разумное рассуждение, совесть). Дриккер и Маковецкий четко акцентируют от лица апологетов цифровой эры будущую трансформацию и уже сейчас выбранные механизмы развития и направления культуры посредством искусства, а они, как известно не только расширяют диапазон, но и в известной степени четко его сужают до цифровых компьютерных и оккультно-воображаемых границ

[см. Дриккер, Маковецкий, с. 549]. Фундаментальные аспекты всей постмодернистской болтовни о раскрепощении бьют, прежде всего, по социальному «удерживающему» – институту семьи и по «сдерживающему» – человеку [см. Н.Н. Ростова].

Якобы совершенно новый вид существования транслюдей и постлюдей, благодаря высоким технологиям, конвергенции НБИК технологий приведут человечество в состояние божественности, сверхлюдей: вечная молодость, сила, бессмертие, всезнания и могущество. Однако за такими лозунгами, под видом усовершенствования, предлагается на самом деле деградация человека до состояния гибрида, химеры через смешение, редакцию генов и цифровые технологии. Под «оберткой» рекламы об инновациях внедряются очень старые известные оккультные стандарты. Снова человеческую цивилизацию приводят к краю генетического и прочего смешения всех со всеми, не только людей (всеобщий разврат), но и с животными – зоофилия, и с темными духами (сатанизм, либертарианство и т.п.). Современные оккультисты настойчиво одобряют внедрение программы НБИК технологий, свободы именно в сексуальном плане, посредством искусства, чтобы довести до нормы такие ранее запретные мерзости. Растление и развращение можно назвать другими словами, но суть этих явлений не изменится, аналогично и с человеком, его можно «скрестить» упорным «генетическим трудом» с кем и чем угодно, но это не изменит положения дел: человек – это человек, а гибрид или бестиарная химера (человекозверь или постчеловек) – это плод искусственный ухищрений и глумления над человеком. И если искусство, которое сначала у человека вызывает приступ тошноты, омерзения и пустоты, постепенно справившись со своей задачей, зафиксирует положительную реакцию публики, это вовсе не означает что так оно всегда и было и так оно будет правильно.

И наконец, что это за такая сильная страсть к монстрам и гибридам, которая с каждым годом только на уровне массовой культуры и киноискусства напоминает вирусное размножение в геометрической прогрессии (только одно количество супергероев в каждом новом фильме чего стоит)? По мнению автора, все это говорит о суицидальности сознания современной цивилизации, приближение и желание конца человека, уничтожение человека и отсутствие (импотенция) к сопротивлению: сделать ничего нельзя, просто закрою глаза или прогресс не остановить и он лучшее, что может быть, даже если упадем в пропасть? Монстров – спасителей, добрых, нежных и беззащитных гибридов, как хотелось бы мыслить, ориентируясь например, на работы П. Пиччинини, не существует, мир не станет райским, ориентируясь на трансгуманистические установки. Такое искусство и философия лишь говорят о полном игнорировании и незнании человеческой природы и собственно законов мира. Такие монстры-боги, пост-

человеки будут истреблять все вокруг, существовать за счет негативной энергии смерти, убийств и требования рабского подчинения, это страшный мир, где нет места гармонии, коммуникации, любви и творчеству. Там лишь разрушение и саморазрушение, абсолютная мизантропия в цифровой бестиарной системе.

Литература

1. Cremaster Fanatic, the Matthew Barney fan site (2020) Retrieved from: <https://www.cremasterfanatic.com/index.html>
2. Fukuyama, F. (2003). Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. Farrar, Straus and Giroux.
3. Habermas, J. (2005). The Future of Human Nature. Translated by Hella Beister, Max Pensky, and William Rehg: The Future of Human Nature Article (PDF Available), in *Ethics* 115(4), 816–821. doi: 10.1086/430477
4. Haker, H. (2019) Habermas and the Question of Bioethics *European Journal for Philosophy of Religion* 11 (4), 61–86. doi: 10.24204/ejpr.v11i4.3037
5. Haraway D. *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. P. 11.
6. Kurzweil, R. (2020) The law of accelerating returns Retrieved from <https://www.kurzweilai.net/kurzweils-law-aka-the-law-of-accelerating-returns>.
7. More M., Vita-More N. *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future* 1st Edition. Published May 6th 2013 by John Wiley & Sons (first published February 28th 2013) ISBN 1118334310 (ISBN13: 9781118334317) 460 p.
8. Pearce, D. (2018). *The Hedonistic Imperative*. (n.d.). Retrieved from: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>
9. Piccinini, Patricia (2021). Retrieved from: <https://www.patriciapiccinini.net>
10. Roco M., Bainbridge W. (ed.) (2004) *Converging Technologies for Improving Human Performance*. Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. NSF/DOC-sponsored report. National Science Foundation, Arlington, Virginia. 468 p.
11. Toffoletti, K. (2007) *Cyborgs and Barbie Dolls Feminism, Popular Culture and the Posthuman Body*. I.B. Tauris; 1st edition. 224 p. ISBN-13: 978-1845114671
12. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
13. Гудова Е.А. «Нелегко встречаться с Создателем»: граница между человеком и нечеловеком во взаимодействии с роботами. *Forum: Novye tekhnologii i telesnost kak predmet antropologicheskikh issledovaniy'* [Forum: New Technologies and the Body], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 38, pp. 11–82. U R L: [http://](http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/forum.pdf)

anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/forum.pdf

14. Дриккер А. С., Маковецкий Е.А. Генезис искусства и цифровая эра // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2020. Т. 36. Вып. 3.
15. Кравцова М.В. Мэтью Барни: «Мое искусство – и шифр, и расшифровка», 2021. Retrieved from: <https://artguide.com/posts/1875>
16. Кутырев В.А. *Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире*. СПб. 2016. 300 с.
17. Оленич К *История успеха: Мэтью Барни*. Retrieved from: <http://royaldesign.ua/ru/metyu-barni-i-ego-put.bXvsN/>
18. Ростова Н.Н. Аджорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, издательство Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург), том 36, № 4, с. 731–750 doi.org/10.21638/spbu17.2020.411
19. Фуллер С. От социальной эпистемологии к Humanity 2.0 Интервью со Стивом Фуллером *Логос*, 2018, № 5 (126) с. 1–30
20. Харауэй Д. *Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х*. М.: Ad Marginem, 2017. 110 с.

POSTHUMANISM AS A CASE OF THE POPULARIZATION OF HYBRIDS IN THE TRANSHUMANISM ART

Khvastunova Ju.V.
Gorno-Altai State University

The article analyzes the similarities and sameness of the transhuman /posthuman concept of the modern Human Enhancement Technologies (HE) project with super-beings-hybrids ideas in occult-magical. The purpose of the article is to analyze the characteristics of the transhuman and posthuman concept for its representation in modern popular culture and, specifically, in art. It was shown that in arts there a number of art objects, characters-heroes of the hybrid plan (monsters with anthropomorphic, zoomorphic, plant and mechanical characteristics) are growing. The scientific novelty consists in a critical analysis of the theoretical constructions of the transhuman/ posthuman theory and their presentation in the art of contemporary artists: M. Barney and P. Piccinini. As a result of the research, the identity of new “innovative” transhumanistic ideas with the occult-magical ideas of ancient civilizations about super-beings are revealed, the latter pose a threat to the integrity of man and society.

Keywords: transhumanism; transhuman; postgenderism; Human Enhancement Technologies” (HE); New Age.

References

1. Cremaster Fanatic, the Matthew Barney fan site (2020) Retrieved from: <https://www.cremasterfanatic.com/index.html>
2. Fukuyama, F. (2003). Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. Farrar, Straus and Giroux.
3. Habermas, J. (2005). The Future of Human Nature. Translated by Hella Beister, Max Pensky, and William Rehg: The Future of Human Nature Article (PDF Available), in *Ethics* 115 (4), 816–821. doi: 10.1086 / 430477
4. Haker, H. (2019) Habermas and the Question of Bioethics *European Journal for Philosophy of Religion* 11 (4), 61–86. doi: 10.24204 / ejpr.v11i4.3037

5. Haraway D. *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. P. 11.
6. Kurzweil, R. (2020) *The law of accelerating returns* Retrieved from <https://www.kurzweilai.net/kurzweils-law-aka-the-law-of-accelerating-returns>.
7. More M., Vita-More N. *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future* 1st Edition. Published May 6th 2013 by John Wiley & Sons (first published February 28th 2013) ISBN 1118334310 (ISBN13: 9781118334317) p.460.
8. Pearce, D. (2018). *The Hedonistic Imperative*. (n.d.). Retrieved from: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>
9. Piccinini, Patricia (2021). Retrieved from: <https://www.patricia-piccinini.net>
10. Roco M., Bainbridge W. (ed.) (2004) *Converging Technologies for Improving Human Performance*. Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. NSF / DOC-sponsored report. National Science Foundation, Arlington, Virginia. 468 p.
11. Toffoletti, K. (2007) *Cyborgs and Barbie Dolls Feminism, Popular Culture and the Posthuman Body*. I.B. Tauris; 1st edition. 224 p. ISBN-13: 978-1845114671
12. Bostrom N. *Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies* / per. from English S. Filina. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2016.496 p.
13. Gudova E.A. "It's not easy to meet the Creator": the boundary between human and non-human in interaction with robots. *Forum: Novye tekhnologii i telesnost kak predmet antropologicheskikh issledovaniy* [Forum: New Technologies and the Body], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 38, pp. 11–82. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/forum.pdf>
14. Drikker A. S., Makovetskiy E.A. Genesis of art and the digital era // *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*. 2020.Vol. 36. Issue. 3.
15. Kravtsova M.V. Matthew Barney: "My art is both a cipher and a decryption", 2021. Retrieved from: <https://artguide.com/posts/1875>
16. Kutyrev VA *Gone by progress: the eschatology of life in the technogenic world*. SPb. 2016.300 s.
17. Deer K *Success Story: Matthew Barney*. Retrieved from: <http://royaldesign.ua/ru/metyu-barni-i-ego-put.bXvsN/>
18. Rostova N.N. *Ajornamento Anthropology: Bridging the Boundary Between Nature and Culture*. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*, Publishing House Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State University" (St. Petersburg), vol. 36, no. 4, p. 731–750 doi.org/10.21638/spbu17.2020.411
19. Fuller S. *From Social Epistemology to Humanity 2.0* Interview with Steve Fuller *Logos*, 2018, no. 5 (126) p. 1–30
20. Haraway D. *The Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism of the 1980s*. M.: Ad Marginem, 2017.110 p.

Аксиологическая концепция культуры как доминанта в формировании культурной жизни общества

Мейлибаева Анастасия Алишеровна,

аспирант, кафедра философии, этики и религиоведения
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
E-mail: mkmo5@mail.ru

В статье рассматривается понятие аксиологии культуры как базис в формировании культурной жизни общества. Проведен анализ понятия ценностей в культуре с философской точки зрения, и их влияния на управление творческими процессами. Рассмотрены такие понятия как «антикультура» и «антиценности» и их проявление в жизни общества. Система ценностей рассматривается в статье как «культурная матрица», которая может быть способна обеспечить воспроизводство и развитие культурной и общественной жизни людей в новых условиях. Показаны взаимодействия сфер общественного влияния культурного значения с техническими составляющими (технический прогресс). Отмечена важность процесса информатизации и компьютеризации в развитии и формировании творческих процессов. Сформулирована задача для дальнейшего развития и внедрения культуры в формировании социального общественного восприятия. Проведено сопоставление между значением культурных ценностей общества и формированием творческих процессов.

Ключевые слова: аксиология, культура, антикультура, творческие процессы, ценности, антиценности.

Введение

Определение роли аксиологической концепции культуры как доминанты в формировании творческих процессов и культурной жизни общества посредством рассмотрения значимости формирования ценностей является актуальным и важным фактором в познании ценностного характера культуры.

Философы и культурологи уделяют все большее внимание вопросам признания ценностного характера культуры. Например, Риккерт видел культуру, как «совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями» [1, с. 59] и П. Сорокин считал, что именно «именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [2, с. 429].

Догмы философов и социологов прошлых времен не теряют своей актуальности в настоящем. Подтверждением тому служит большое количество уже существующих точек зрения, связанных с рассмотрением культуры в контексте ее ценностей. Примером станут высказывания о культуре, сделанные различными известными деятелями философии, литературы и других направлений искусства и науки. Довольно примечательной является точка зрения Г.П. Выжлецова, который полагал, что «все ценности определяются внутренним содержанием, отталкиваясь от глубин индивидуальной и социальной жизни, что в итоге и называется нами культурой народа и общества ...» [3, с. 65].

Если брать во внимание рассмотрение ценностного отношения общества к формированию культурного сознания в контексте сопоставления с «человечностью», то здесь уместным будет пример высказывания А. Швейцера, где «идеал культурного человека есть не что иное, как идеал человека, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность».

Результаты исследования

Аналитическое сопоставление высказываний мыслителей, философов, культурологов различных времен помогают познать всю глубину «культурного видения», донося суть до настоящего времени с возможностью гармоничного внедрения в будущее формирование культуры общества. Где, основой станет теоретический анализ процесса формирования философского мышления «о культуре», начиная с античных времен.

Важно отметить, что несмотря на большое количество различных мнений о культуре, всевоз-

можных представлениях о значении ее характеристик, неизменным можно назвать то, что она определенно не может рассматриваться отдельно от общества, поскольку является его интегрированной частью и является одним из человеческих измерений. Ярким примером станут слова, в которых М. Арнольд отметил, что «культура – это стремление к совершенству посредством познания того, что более всего нас заботит, того, о чём думают и говорят».

Обсуждение результатов

В первую очередь, мы понимаем под самим значением слова «культура». Начиная с древнейших времен античные философы рассматривали культуру как метод противопоставления противоположностей данного явления. Как итог, была создана концепция, которой следовали в течение множества веков, ею руководствовались различные исследователи. Одни из них подразумевали, что культура является природой. К данной категории можно отнести киников, скептиков, а также Ж.-Ж. Руссо. Другая категория мыслителей подразумевала, что культура является в широком понимании цивилизацией (О. Шпенглер) или вечно бурлящей жизнью (Г. Зиммель).

Однако при использовании методики противопоставления требуется сформировать значительно более лучшее понимание того, что на самом деле является антиподом культуры. В качестве подобного явления, к настоящему моменту, была выявлена антикультура, которая может стать особым принципом формирования и последующего использования антиценностей, применяемых на пользу различных негативных социальных сил. К явным последствиям антикультуры можно отнести коррупцию, организованную преступную деятельность, различные деспотичные структуры, манипуляцию массами людей, религиозные секты. Подтверждением последнего слова Н. Бердяева о том, что «культура родилась из культа».

Для того, чтобы не стать заложником антикультурных проявлений общества, уметь выявить противоположность на ранних стадиях его зарождения, важно понимать главную разницу между культурой и антикультурой. Культурная деятельность направлена на созидание и формирование положительных эффектов (как сказал Фридрих Ницше: «культура – это, прежде всего, единство художественного стиля во всех жизненных проявлениях народа»). В то время как антикультура направлена на разрушение и формирование негативных факторов и последствий стоит понимать, что оба явления существуют благодаря непрерывной борьбе между последователями каждой из сторон. Многие философы и мыслители сходились во мнении, что культура может существовать только за счет постоянной борьбы с естественными разрушительными процессами, а также антикультурой и ее различными негативными проявлениями и последствиями.

Все это характеризует понятие «философских оснований культуры», его дальнейшего рассмотрения и анализа. Надо отметить, что это направление недостаточно изучено, а значит, требует более тщательного изучения.

В данном понятии, в первую очередь, требуется руководствоваться философскими принципами, как принципами учения о началах, а также мировых и родовых формах сущего. То есть, в данном процессе философия позволяет изучать не конкретно-исторические причины и следствия существования каких-либо культурных групп, а логику развития определенных аспектов общественной истории в контексте связей, возникающих между отдельными представителями человечества. Комплекс этих факторов формирует базу для выживания и развития человеческого общества в целом, поскольку создается комплекс нужных детерминантов, а также детерминированных явлений и процессов.

Для более детального рассмотрения философских оснований культуры требуется обратиться к работам Т.С. Лапиной [4].

При этом здесь требуется классификация уже указанных оснований по особым философским группам и разделам. А именно, выделение онтологических, гносеологических, антропологических, философских и социологических оснований. Однако наиболее важным, на текущий момент, является рассмотрение аксиологических оснований. При рассмотрении данной категории основную роль будет играть характер признаваемых критериев оценок, ведь в зависимости от этого параметра будет происходить ранжирование всей человеческой деятельности и дана подробная характеристика самой деятельности. Благодаря таковой деятельности становится возможным выделение и определение особого детерминанта человеческой деятельности.

В этой связи можно прийти к выводу, который озвучивает П.С. Гуревич, что «ценности, формирующие культуру, формируются в ходе человеческого бытия и человеческой деятельности» [5, с. 28].

Таким образом, мы приходим к выводу, что этот сложный и долгий путь, который в итоге формирует массовое признание человеческих деяний и произведений, и определяет особенности форм общественной, личностной и творческой деятельности. Здесь прослеживается четкая взаимосвязь между значением культурных ценностей и происхождением, формированием творческих процессов. В ходе развития культурных ценностей возможно возникновение столкновений с определенными противоречиями, которые будут мешать процессу их развития. Например, может существовать объект очень высокого качества, который никоим образом не будет оценен субъектом. Следовательно, этот объект не полностью разработан и является невостребованной ценностью. Однако, возможна обратная ситуация, когда объект не будет представлять из себя какой-либо культурной важности и не будет нести культурного качества,

однако субъект будет иметь некоторое ценностное отношение к этому объекту.

Следовательно, исходя из этого, формируется потенциальная проблема надления культурным смыслом антиценностей, что может привести к разрушению культуры из-за подмены понятий, когда некачественные явления будут получать массовое признание и распространение. Рассмотрим некоторые примеры подобных ситуаций.

Одними из таких, можно выделить различные диктаторские режимы, когда на протяжении крайне длительного периода времени народ может признавать деятельно диктатора как величайшую ценность своего народа. Стоит отметить, что в любой исторический период развития и становления человечества людские устремления одновременно были направлены как на истинные, так и на ложные требования.

Это связано с тем, что каждый человек, очень часто, создает для самого себя свою, по его мнению, уникальную систему ценностей. Затем существует в ней, развивается, формируя сознание и считает, что соответствует всем потребностям «культурного определения». Такие проявления, объединившись в единую систему, могут стать ориентирами к проявлению социализации, которая в свою очередь, предполагает укрепление неких идеалов, закрепляя в рамках общества нормы и жизненные цели. Ведь, ценностями по-определению можно назвать обыденные социальные потребности общества в целом, а ценностное творчество – пониманием свободы творческой личности в сопоставлении к природно-социальной программе [6, с. 248].

Вышеизложенные проявления становятся родителями формирования последовательности восприятия философской стороны развития культуры в масштабах ее дальнейшего перерождения в «цифровые» аспекты культуры. Начиная «со второй половины XX века не только в России, но и во всем мире происходит значительная переоценка ценностей. На смену индустриальному обществу приходит информационное общество или компьютерная цивилизация. Многое здесь зависит от выбора ценностей, которые будут выступать в качестве основания культур» [6, с. 125]. Данный процесс информатизации и компьютеризации несомненно также накладывает отпечаток и на формирование творческих процессов, которые начинают формироваться и развиваться уже по другому сценарию, в связи с тем, что технологические достижения привели к созданию богатства и культурных ценностей, невиданных прежде в истории человечества. В промышленно развитых странах эти изменения в окружающей среде повлияли на творческое самовыражение, иногда вплоть до создания новых областей творчества (информационное моделирование, бытовая электроника, робототехника, и т.д.). На индивидуальном уровне расширение доступа к новым средствам обработки информации и коммуникации открывает новые перспективы для творческой де-

ятельности. Однако, хотя технический прогресс предоставил творческим людям ряд новых возможностей, было бы ошибкой видеть только положительное влияние этого прогресса на творчество.

В этой проблематике снова можно сделать отсылку к значению системы ценностей, которая может рассматриваться как «культурная матрица» и может быть способна обеспечить воспроизводство и развитие культурной и общественной жизни людей в новых условиях [6, с. 126]. В этой связи особенно важным становится поиск новых решений в управлении культурной жизнью людей.

Сам процесс отделения истинных ценностей от ложных представляет крайне серьезную проблему, которую каждый конкретный человек может решить самостоятельно, и только благодаря наличию значительного жизненного опыта. Таким образом, перед субъектами духовного производства появляется важнейшая задача развития человеческого опыта понимания. Но, здесь возникает другой вопрос, свидетельствующий о проявлении противоречия, которое может инициировать человечество на совершение определенных рисков, которые по мнению общества, станут толчком для определения ценностей, с дальнейшим их утверждением и закреплением в сознании.

Исходя из этого, необходимой задачей становится рассмотрение первопричины необходимости определения и выбора ценностей среди различных методов и результатов обширной человеческой деятельности. По мнению автора, это необходимо реализовать в настоящем для формирования основы культурного направления развития общества в среде будущих поколений.

Теперь мы видим, что ценностный отбор – это одно из неотъемлемых условий развития культурного прогресса, в тесной взаимосвязи с социальной адаптацией. Но в то же время, это эффективное средство, которое определяет содержательность культуры, ее философские проявления, значимость человеческих творений. При этом важно не допустить полного сведения к социальному, так как это может привести к разрушению определенных ценностей.

В данном вопросе, так же, важна духовная, внутренняя составляющая культурного процесса и то, как общество воспринимает предлагаемую ему имманентность. Ведь общественное сознание, получая новую информацию, будет меняться и это восприятие культурных составляющих будет закладывать основные формирующие стержни во всех жизненных сферах и направлениях.

В данном процессе особенно важно сознательное определение приоритетных ценностей, без которых культивирование общественной жизнедеятельности будет невозможным. Более того, эти «сознательные ценности» необходимо развивать, внедрять, поддерживать, поощрять.

При этом, мы видим, что только в ходе накопления определенного практического опыта ис-

пользования той или иной культурологической ценности, формируется окончательное понимание необходимости использования конкретного явления, где определяется, что на самом деле полезно, а что на самом деле мешает и должно быть искоренено из общества.

Дополнительной догмой, которая способна подчеркнуть важность аксиологических оснований для формирования культурной среды, может стать проблема «размытия» культурных ценностей, особенно остро проявляющаяся в периоды кризиса. В такие моменты общественный менталитет характеризуется полной утратой всех моральных ценностей. Только при выходе из определенного кризиса наблюдается возрождение культурных традиций, ценностей. Только после полного завершения кризисной цикличности нации, народности начинают возрождать искусство, отдавая творческим процессам и моральным устоям лидирующие позиции в жизни общества [7].

Отсюда возникает формирование вывода о цели возникновения нового мировоззрения, где, как итог, получаем утверждение того, что аксиология культуры помогает определять более точные задачи в формировании ценностных ориентиров, задающих впоследствии творческие направления и определяющие характерные особенности культурной деятельности.

Является общепринятым положение о том, что кризис современного общественного сознания, по большей части, связан с его полной общественной отчужденностью. Изменения в сторону улучшения культурной жизни общества, в целом, зависят не только от достижений научно-технического направления, но и от самообразования, развития духовно-творческого мышления каждого человека.

Игнорирование проблемы культурного творческого осознания, в конечном итоге, может стать смертоносным орудием для проявления человеческих качеств во всех сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Все, что сейчас выглядит, как универсальная (обыденная) проблема, в будущем может трансформироваться в глобальную.

По мнению авторов, лучшим решением проблемы включение культуры в один ряд с такими приоритетными сферами, как образование, здравоохранение, социальная защита.

Уже сейчас существует опасность для полноценного существования человечества, в том числе, и вследствие духовно-нравственного и культурного кризиса.

Поэтому вопрос значения ценностей подразумевает вывод, в котором продуцирование и освоение ценностей имеет глобальный характер. Однако, здесь стоит отметить другой крайне важный момент: культура не может быть просто проассоциирована с обычными механическими достижениями человечества в области производственного блага. Здесь подразумевается и более возвышенное и моральное, несущее позитивные восприятия и культурные догмы. Таким образом получается,

что от людей не требуется постоянное создание инновационных механизмов, поскольку культурный подъем может состояться в результате освоения уже имеющихся достижений. Без культурного развития будет невозможным новое прогрессирующее инноваций.

Все циклично и имеет свое начало и завершенность. Так же и ценности могут временно угасать с угасанием цивилизации, а могут наоборот воскресать из пепла. Например, так происходило с культурным развитием России в области религиозной философии, которое прерывалось в 20 веке, после чего вновь восстанавливалось. То есть, вопросы исчезновения и последующего возвращения культурных пластов являются не такими редкими.

Также, стоит учитывать, что существует категория так называемых непреходящих ценностей. К ним можно отнести величайшие произведения искусства, а также научные открытия, технические изобретения, аксиомы и фольклор. Однако подобные категории требуют постоянного повторного осмысления и продуцирования, поскольку в противном случае создание следующих изобретений, аксиом или объектов становится невозможным. Они требуют постоянного развития, творческих реорганизаций, анализа и исследований. В данном аспекте непреходящие ценности становятся некоторым базисом (основой) для дальнейшего развития человеческого общества и его культурных ценностей. В этом переосмыслении и скрывается большая возможность в управлении процессами формирования творчества.

Выводы

Осмысление культурных и творческих процессов становится также крайне важным с точки зрения важности осознания того или иного технического открытия ввиду того, что не все потенциально «полезные» внедрения становятся сразу видимыми для общества, необходимо ведение постоянного аналитического процесса по выявлению потенциально полезных, перспективных разработок.

Таким образом, можно сделать вывод, что основы культуры – это совокупность определенных первопричин. В результате эти основы становятся некими общими принципами объяснения культурного развития общества. Одновременно, следует уделять значительное внимание искусственности и человечности культуры, не умоляя при этом самую важность управления творческими процессами [8]. При всем этом, основной целью в формировании культурной жизни общества представляется, прежде всего, «создание» гармонично развитого человека, обладающего творческим потенциалом, несущего в будущее всю ценность творческих процессов и формирования культурной жизни общества. Передающего в новые поколения весь собранный и накопленный потенциал, дополненный человечностью моральных аспектов.

Литература

1. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. А.Ф. Зотова; Сост. А.П. Полякова, М.М. Беляева; Подгот. текста и прим. Р.К. Медведевой. – М.: Республика, 1998.
2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992.
3. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. – СПб., 1996.
4. Лапина Т.С. Философия культуры: Вариант понимания: Монография. – М., 2003. – Гл. 1.
5. Гуревич П.С. Философия культуры: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – 2-е изд. – М., 1995.
6. Антонов Е.А. Философия. Учебник. Белгород. Белгородский юридический институт МВД РФ, 2013.
7. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. – СПб., 1996. – С. 144–145.
8. Лапина Т.С. Культура как объект философского осмысления // Философия и общество. – М., 2005. – № 3. – С. 71–83.

AXIOLOGICAL CONCEPT OF CULTURE AS A DOMINANT IN THE FORMATION OF THE CULTURAL LIFE OF SOCIETY

Meylibaeva A.A.

Russian Academy of National Economy and public service under the President of the Russian Federation

The article examines the concept of the axiology of culture as a basis in the formation of the cultural life of society. The analysis of the concept of values in culture from a philosophical point of view and their influence on the management of creative processes is carried out. Such concepts as “anticulture” and “anti-values” and their manifestation in the life of society are considered. The system of values is considered in the article as a “cultural matrix” that can be capable of ensuring the reproduction and development of the cultural and social life of people in new conditions. The interaction of spheres of social influence of cultural significance with technical components (technical progress) is shown. The importance of the process of informatization and computerization in the development and formation of creative processes is noted. A task has been formed for the further development and implementation of culture in the formation of social public perception. A comparison is made between the value of cultural values of society and the formation of creative processes.

Keywords: axiology, culture, anti-culture, creative processes, values, anti-values.

References

1. Rickert G. Nature sciences and culture sciences. Natural sciences and cultural sciences: Per. with him. / Common. ed. and foreword. A.F. Zotova; Compiled by A.P. Polyakova, M.M. Belyaeva; Prepare text and approx. R.K. Medvedeva. – M.: Republic, 1998.
2. Sorokin P. Man. Civilization. Society / General ed., comp. and foreword. A. Yu. Sogomonov; Per. from English – M.: Politizdat, 1992.
3. Vyzhletsov G.P. Axiology of culture. – SPb., 1996.
4. Lapina T.S. Philosophy of culture: A variant of understanding: Monograph. – M., 2003. – Ch. one.
5. Gurevich P.S. Philosophy of Culture: A Handbook for Students of Humanitarian Universities. – 2nd ed. – M., 1995.
6. Antonov E.A. Philosophy. Textbook. Belgorod. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2013.
7. Vyzhletsov G.P. Axiology of culture. – SPb., 1996. – S. 144–145.
8. Lapina T.S. Culture as an object of philosophical understanding // Philosophy and Society. – M., 2005. – No. 3. – P. 71–83.

К вопросу о природе познания: на примере права

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Статья посвящена изучению ученого как субъекта познания мира, устанавливающего и постигающего научную истину, представляемую как высшее благо, высшую ценность. В тексте исследования определены личностные характеристики ученого, предполагающие синтез интеллекта, воли и эмоций. Отдельное внимание уделяется анализу научного стиля в качестве характеристики познавательной сферы, формы индивидуального самовыражения ученого. Рассматриваются различные форматы выражения научных идей мыслителя в статусе вербального и невербального жанров. Осмыслению подвергается проблематика нравственного аспекта научной деятельности ученого. В статье сформулирован вывод о важнейшей роли ученого как субъекта получения, накопления, систематизации, обобщения и приложения знаний, от активной жизненной позиции которого зависит становление науки, в том числе права.

Ключевые слова: наука, научная истина, ученый как субъект познания окружающей реальности.

Идея «ориентирования в мире» является базисом, на котором основывается и который объединяет любого рода знание: от обыденного до самого высокого научного.

Сущность научного знания заключается в понимании действительности в ее прошлом, настоящем и будущем, в достоверном обобщении фактов, в том, что за случайным оно находит необходимое, закономерное, за единичным – общее, и на этой основе осуществляет предвидение различных явлений. Предсказательная сила – один из главных критериев оценки научной теории [1].

Научное юридическое знание как разновидность специфического гуманитарного облечено в форму правил, принципов, законов.

Наука – в том числе и совокупность знаний, которые собираются на протяжении длительного времени, систематизируются, подвергаются анализу и иным формам осмысления, служат на благо всему человечеству, совершенствуют окружающую действительность. Важнейшим участником этого процесса выступает ученый как субъект познания.

В самом общем смысле ученый – это человек, обладающий широким кругозором, понимающий предназначение этих знаний, умеющий и могущий их применять, его уровень владения информацией признан человеческим сообществом (узко профессиональным прежде всего, но зачастую и обществом в целом). Ученый приносит пользу обществу и государству, отдельному человеку; передает свои знания, умения и навыки последующему поколению, заботясь, тем самым, о непрерывном процессе развития науки. Иными словами, выражаясь вовлеченными в современный оборот терминами, ученый – носитель и обладатель необходимых компетенций, возведенных в самую высокую степень.

Мыслитель способен расширить рамки стандартного мировосприятия, способен принимать нестандартные решения в самой обыденной ситуации, рассмотреть проблему в различных аспектах, выслушать, убедить; он – представитель специфического мировоззрения. Его отличает также аналитическое мышление, тяга к сравнительному анализу, способность выстраивать сценарии и формировать научные прогнозы, стремление к совершенству и, одновременное осознание его недостижимости.

В сфере гуманитарного знания деятеля науки отличает развитый лингвистический профиль, свобода изъяснения на языке изложения материала, в том числе с использованием собственно языка науки. Его жизненное кредо – постоянное движение вперед, непрерывное развитие.

Качества личности, несомненно, обуславливают успех субъекта познания: трудолюбие, усидчивость и упорство, любопытство, тщеславие (в определенной мере), одухотворенность (страсть) высокой научной идеей, самопожертвование. В настоящем ученом эти черты приобретают уровень максимума человеческого существа.

Ученый, занимающийся разработкой, исследованием определенной области знания – творческая личность. Научные знания прирастают с помощью умозрительных и экспериментальных методов, а сам процесс познания зачастую становится методом или методологией научного творчества. [2]

Субъект познания реализует особенную форму мышления – мышление образами или образное мышление. Он – это человек, имеющий более широкую, объективную, качественно высокую модель мироустройства.

Многие ученые говорят, что они «видят» то или иное решение проблемы, что означает не просто аналитическую деятельность ума, последовательность умозаключений, а целостное, единовременное восприятие и переработку огромного пласта информации, идущей по многим каналам восприятия. [3]

Человека мира науки отличает и стилистика мышления. Рассматривая стиль научного мышления с точки зрения плюралистического подхода, стоит отметить, что первый представляет собой форму индивидуального самовыражения. Так, согласно позиции В.С. Библера, «.. ученый в такой же мере, в какой он мыслит, всегда поэт, он создает новый, невозможный для эмпирического бытия предмет – образ как форму своего внутреннего общения, как способ действия на свои мысли. [4] Стиль научного мышления предстает как характеристика познавательной сферы, свидетельствующая о специфике организации, своеобразии способов получения знания, предпочтении определенных приемов восприятия и анализа, стабильно проявляющаяся в различных ситуациях. Стиль научного мышления представляет собой форму внешнего выражения определенной познавательной позиции. Научные стили выступают критерием дифференциации научных школ и научно-исследовательских направлений. [5]

Одним из ярких проявлений собственного научного стиля является вербальное поведение, иначе: индивидуальность ученого проявляется во многом через способность воспринимать и порождать речь, владеть системой языка и использовать ее для решения тех или иных коммуникативных задач. Повышенную степень актуальности это приобретает для исследователя гуманитарных областей знания.

Появление и формирование статусных характеристик личности ученого обусловлено множеством факторов, ключевым из которых является общий базовый уровень усвоения культурного фонда. Ученого выделяет достаточная свобода мышления, реализуемая им в плане своего духов-

ного и ментального развития. Внутренний потенциал ученого проявляется во внешнем контуре через использование и владение языком коммуникации.

Идеальный портрет языковой личности ученого – носителя элитарной языковой культуры можно представить в виде совокупности определенных признаков: соблюдение ортологических, коммуникативных и этических норм речи; целесообразное применение внелитературных средств; обладание навыком умелого переключения коммуникативных регистров речи и перехода с одного функционального стиля на другой в зависимости от целей, условий коммуникации, а главное – с ориентацией на адресата сообщения; демонстрация в процессе вербальной коммуникации богатства как пассивного, так и активного словарного запаса; четкое осознание различий устной и письменной форм речи, целесообразное и грамотное их использование; обладание навыком монологической связной речи умение мыслить при этом обеспечивает логичность изложения. [6] Таким образом, на принадлежность к научному миру указывает определенный тип мышления и языкового сознания, специфическая система речевого строя.

Формам выражения идей мыслителя присущ амбивалентный характер: от размышлений до крупных открытий. В юридической науке это разработка законопроекта, регламентирующего определенную область общественных отношений. За его созданием стоит серьезный труд именно научного осмысления, обобщения, анализа.

Нравственный аспект деятельности ученого охватывается этикой науки или научной этикой. Традиционно под этикой понимают область знания, а под моралью или нравственностью – то, что она изучает. Термин «этика» иногда употребляется также для обозначения системы моральных и нравственных норм определенной социальной группы.

Говоря об этике науки, можно утверждать, что она представляет собой некий «кодекс чести» ученого, занимающегося исследованием мира в определенной области, это совокупность правил, принципов, в опоре на которые и с помощью которых осуществляется поиск научной истины.

Первая попытка сформулировать базовые этические правила регулирования науки и научной деятельности была предпринята Р.К. Мертоном в 1942 году.

В настоящее время данная тематика продолжает вызывать интерес. Попытка сформулировать основные этические правила – регуляторы научного поведения субъекта познания, позволили отобразить их в такой последовательности:

1) осознание ученым ценности истины как высшего блага в науке. Преодоление заблуждений возможно путем многократной критики и самокритики, а также желая эту критику услышать и воспринять продуктивно;

2) запрет на плагиат (умышленное заимствование чужих научных достижений. Ученый обязан строго придерживаться культуры цитирования;

3) запрет фальсификации научных выводов. Собрать доказательств своей теории – основная задача аналитика, необходимо выверить и выстроить их в строгий логический ряд;

4) высокая степень ответственности за результаты своей работы.

5) относительно беспристрастное отношение к объекту исследования (максимально сложное для исполнения и соблюдения правило, поскольку речь идет о субъекте познания, которому как и любому человеку не чужд весь спектр всевозможных эмоций). Именно это качество, ставшее этическим началом, позволяет ученому понять суть вещей и процессов, определить их природу, критически отнестись к самому себе, а также к достижениям своих коллег;

6) свобода научного поиска, но эта свобода не должна ограничивать пространство воли других людей, не должна подавлять их, нарушать чьи-либо права и интересы. Иными словами, важно четко устанавливать и границы научного поиска, определяя научное пространство и строго придерживаться данных границ. В этой связи представляется крайне верными позиция М. Вебера, посвященная описанию нравственного портрета ученого, согласно которой «...долг ученого состоит в беспристрастном преодолении себя инерции собственного мышления.» [7]

Научная репутация как элемент статуса ученого – устоявшее представление о субъекте познания с точки зрения его вклада в развитие науки. Научная репутация ученого в области гуманитарного знания во многом обусловлена и его научной харизмой, которую стоит обозначать как «фактор концептуализации научного знания.» Представляется, прогресс в той или иной гуманитарной области во многом зависит именно от личности ученого, его личного авторитета или авторитета возглавляемой им научной школы.

Личность ученого многогранна, развитие ее зависит от множества факторов и влияний. Характеризует ее особое самосознание и осознание картины мира, специфическое мышление, которому присуща в полной мере как абстракция так и максимальная конкретика, образность; умение видеть и выстраивать ассоциации, строгая логика и последовательность в формировании мыслительного ряда; умение рассмотреть вопрос с различных сторон; умение обобщать и формулировать умозаключения; умение выразить мысль вербально и невербально (высокая степень владения вербальной коммуникацией); умение принимать нестандартные решения; умение приложить огромный массив информации к конкретной жизненной ситуации; умение возвыситься над проблемой; повышенный уровень ответственности; творческий потенциал, максимальная степень свободы; критическое восприятие созданного продукта.

Представляется, в идеале ученый – личность гармонично развитая: культурно, духовно, ментально, он готов делиться информацией, передавать свои знания и опыт. Исследователь находит-

ся в постоянном поиске научной истины, в попытке постижения смысла.

Современные реалии цифрового пространства вносят свои коррективы в формирование научного знания, накладывают отпечаток на личность субъекта познания. Смена исторических формаций оставляет неизменным требование к настоящим ученым, выраженное фразой «...то, что составляет назначение науки, ее основную цель и общественно ценную функцию, должно стать личной, субъективной страстью и жизненной установкой.» [8]

Литература

1. Спиркин А.Г. Философия. Учебник. М., Гардарики, 2002. С. 400–401
2. Распопов В.Я. Научное мировоззрение. Известия Туз ГУ. Технические науки. 2017 Выпуск 9. Ч. 2 С. 217
3. Левчаев П.А. Интеграция образования. 2005 № 1.2. С. 88
4. Библер В.С. Мышление как творчество. М., Политиздат, 1975. С. 379
5. Пискорская С.Ю. Стиль научного мышления и стиль научного познания. Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева. С. 161
6. Курьянович А.В. Языковая личность ученого – носителя элитарной речевой культуры (на материале эпистолярного дискурса В.И. Вернадского) Томский государственный педагогический университет С. 194–195
7. Вебер М.М. Вебер Избранные сочинения. М., 1990. С. 709–711
8. Гусейнов А.А. Этика науки. Теоретический поиск. С. 103

ON THE QUESTION OF THE NATURE OF KNOWLEDGE: THE EXAMPLE OF LAW

Potapova L.V.

Ural State Law University

The article is devoted to the study of a scientist as a subject of knowledge of the world, establishing and comprehending scientific truth, presented as the highest good, the highest value. In the text of the study, the personality characteristics of the scientist are determined, suggesting the synthesis of intelligence, will and emotions. Special attention is paid to the analysis of the scientific style as a characteristic of the cognitive sphere, a form of individual self-expression of a scientist. Various formats of expression of the thinker's scientific ideas in the status of verbal and non-verbal genres are considered. The problematic of the moral aspect of the scientific activity of a scientist is subject to comprehension. The article formulates a conclusion about the most important role of a scientist as a subject of obtaining, accumulating, systematizing, generalizing and applying knowledge, on whose active life position the formation of science, including law, depends.

Keywords: science, scientific truth, scientist as a subject of cognition of the surrounding reality.

References

1. Spirkin A.G. Philosophy. Textbook. M., Gardariki, 2002.P. 400–401
2. Raspopov V.I. Scientific worldview. Izvestia Tuz GU. Technical Sciences. 2017 Issue 9 Part 2 P. 217

3. Levchaev P.A. Features of thinking and scientific knowledge in the modern world order. Integration of education. 2005 No. 1.2. P. 88
4. Bibler V.S. Thinking as creativity. M., Politizdat, 1975. P. 379
5. Piskorskaya S.U. The style of scientific thinking and the style of scientific knowledge. Bulletin of the Siberian State Aerospace University named after academician M.F. Reshetnev. P. 161
6. Kuryanovich A.V. The linguistic personality of the scientist – the bearer of the elite speech culture (based on the epistolary discourse of V.I. Vernadsky). Tomsk State Pedagogical University P. 194–195
7. Weber M. Selected Works. M., 1990. P. 709–711
8. Huseynov A.A. Ethics of science. Theoretical search. P. 103